

М. Н. Начапкин

**ТРАНСФОРМАЦИЯ
РОССИЙСКОЙ И СОВЕТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – СЕРЕДИНЫ XX вв.
В ОЦЕНКАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ КОНСЕРВАТОРОВ**

Часть 2

**ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ
В УСЛОВИЯХ ЛИБЕРАЛЬНО-КОНСЕРВАТИВНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ
(ОТ ВЕЛИКИХ РЕФОРМ АЛЕКСАНДРА II
ДО ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1905-1907 гг.)**

Екатеринбург
РГПУ
2022

Министерство просвещения Российской Федерации
ФГАОУ ВО «Российский государственный
профессионально-педагогический университет»

М. Н. Начапкин

**ТРАНСФОРМАЦИЯ
РОССИЙСКОЙ И СОВЕТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – СЕРЕДИНЫ XX вв.
В ОЦЕНКАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ КОНСЕРВАТОРОВ**

Монография

В 2 частях

Часть 2

**ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ
В УСЛОВИЯХ ЛИБЕРАЛЬНО-КОНСЕРВАТИВНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ
(ОТ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1905–1907 гг.
ДО ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.)**

Екатеринбург
РГППУ
2022

УДК 94(47)"1905/917":329.11
ББК ТЗ(2)53-411+Ф1(2)53-17
Н 36

Начапкин, М. Н.

Н 36 Трансформация российской и советской повседневности второй половины XIX – середины XX вв. в оценках отечественных консерваторов: монография: в 2 частях / М. Н. Начапкин. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2022. Ч. 2: Трансформация российской повседневности в условиях либерально-консервативной модернизации (от Первой русской революции 1905–1907 гг. до Февральской революции 1917 г.). 184 с. Текст: непосредственный. ISBN 978-5-8050-0741-6

В контексте проектного подхода были сравнены взгляды консерваторов с представителями других направлений общественно-политической мысли – либералами, социалистами, анархистами – по следующим вопросам: оптимальная для России форма правления, принципы формирования народного представительства, пути решения аграрного, конфессионального, национального вопросов, проблемы преодоления бедности и неграмотности. Показана консервативная оценка интеллигенции и бюрократии.

Адресована как историкам, филологам, социологам, психологам, так и всем, кто интересуется российской историей второй половины XIX – начала XX вв.

УДК 94(47)"1905/917":329.11
ББК ТЗ(2)53-411+Ф1(2)53-17

Рецензенты: канд. ист. наук, доц. Д. М. Софьин (ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»); канд. ист. наук, доц. С. Л. Разинков (ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет»)

ISBN 978-5-8050-0741-6

© ФГАОУ ВО «Российский
государственный профессионально-
педагогический университет», 2022

Введение

В монографии использовано большое количество исторических источников, дневников, воспоминаний, архивных материалов, дореволюционной периодической и партийной печати, рассмотрены представления российских консерваторов о трансформации российской повседневности в условиях либерально-консервативной модернизации от Великих реформ Александра II до Февральской революции 1917 г. Материалы монографии содержат взгляды и оценки консерваторов, принадлежащих к различным течениям общественной мысли, размышления о переломных этапах отечественной истории – последствиях великих реформ Александра II, консервативной модернизации Александра III, революциях 1905–1907 и 1917 гг., Первой мировой войне. Время великих потрясений, радикальных реформ, войн, революций открывает новые возможности для изучения истории России с точки зрения антропологической и психолингвистической перспектив, с позиций персональной истории. Именно в такое время лучше всего раскрываются все страхи, беспокойства, ожидания людей в отношении различных проблем и вопросов повседневной жизни.

Использование малоизвестных работ, дневников представителей консервативных взглядов, от либеральных до крайне правых, позволяет взглянуть на события прошлого с самых разных позиций, концептуально переосмыслить историю России с 1855 по 1917 гг. Оценено влияние консерваторов на проведение либерально-консервативных реформ. Проанализированы их представления о будущем Российской империи.

В контексте проектного подхода были сравнены взгляды консерваторов со взглядами представителей других направлений общественно-политической мысли – либералами, социалистами, анархистами по разным насущным вопросам: об оптимальной для России форме правления, принципах формирования народного представительства, путях решения аграрного, конфессионального, национального вопросов, проблемах преодоления бедности и неграмотности.

Представлена консервативная оценка происходящих событий с точки зрения интеллигенции и бюрократии.

Глава 1. ПЕРВАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1905–1907 гг. В ОЦЕНКЕ КОНСЕРВАТОРОВ

Консерватизм и революция – понятия неразрывные. Иначе быть не могло, так как консерватизм появился как реакция на идеологию Просвещения, приведшую к Великой французской революции 1789 г. Чтобы перейти к рассмотрению отношения российских консерваторов – Николая П., Д. Ф. Трепова, адмирала Ф. В. Дубасова, П. А. Столыпина – к событиям Первой русской революции 1905–1907 гг., необходимо проследить в историческом разрезе отношение консерваторов к революции, начиная со времен Великой французской революции 1789 г.

Современное коллективное исследование «Консерватизм и развитие: основы общественного согласия» среди основных ценностей выделяет видение общества как органичной структуры: «Сами консерваторы любят подчеркивать целостность и органичность общественной структуры, отрицать неизбежность классовой борьбы и острых социальных конфликтов, тем более – любую революционность... Консерваторам присуще основанное на христианском учении ощущение несовершенства мира и человека, недоверие к переменам. Отсюда – ценность иерархии: сохранение привычного устройства мира для них подразумевало и незыблемость, если не святость неравенства, иерархического устройства общества, в котором главная ответственность за право принимать решения принадлежит высокостатусным людям» [47, с. 17–18]. В современном политологическом словаре акцентируется внимание на глубоком, качественном изменении общественного развития: «Революция – глубокое и качественное изменение в развитии общества, в способе производства, в различных областях знаний. Революции возникают в результате постепенного нарастания противоречий, накапливаемых обществом в процессе эволюционного развития, которые разрешаются переворотом, скачком, резкими переменами» [48, с. 338].

Изучение причин и последствий французской революции 1789 г. консервативными мыслителями началось почти одновременно с развитием самой революции. В конце XVIII в. противодействие революции шло, прежде всего, от дворянства и духовенства. Английские и французские консерваторы считали, что революция – это ошибка в раз-

витии страны, и полная свобода для народа ведет только к хаосу и катастрофе. Порядок, твердость, сохранение освященной веками сословной иерархии, католической религии, верность монархическим традициям, чувство общественного долга – вот краеугольные камни благополучного, стабильного общества.

Основателем и теоретиком консерватизма считается английский политический деятель и философ Эдмунд Берк (1729–1797) – сторонник старых нравов, традиций, незыблемого порядка, противник революций. Все исследователи консерватизма сходятся во мнении, что консерватизм как осознанное течение в современном смысле слова не выражал себя до 1790 г., т. е. до опубликования работы Э. Берка «Размышление о революции во Франции»». Основной вывод Эдмунда Берка заключался в том, что французская революция явилась следствием пропаганды атеистических идей и разрушения исторических традиций: «Когда древние устои и нравы уходят из жизни, нельзя точно оценить потери. С этого момента уже нет компаса, который бы указывал нам направление пути...» [13, с. 137]. Мыслитель выделил следующие *консервативные ценности*:

• религиозные и духовные цели политической деятельности, культ нравственности;

- авторитет школы, семьи и армии;
- культ традиций, национальной культуры, патриотизма;
- приоритет интересов государства перед интересами индивида;
- сильное иерархическое государство;
- конкретно-историческая обусловленность уровня прав и свобод;
- прагматизм, здравый смысл;
- постепенность и осторожность перемен.

Антиценностями консерватизма являются:

- атеизм;
- культ рассудка;
- антитрадиционализм;
- универсализм;
- космополитизм;
- приоритет интересов индивида перед интересами государства;
- равенство;
- культ личных прав и свобод;
- приверженность теоретическим моделям;
- культ перемен, революция.

Э. Берк доказывал, что общественная жизнь основывается на традициях, обычаях, моральных и материальных ценностях, унаследованных от предшествующих поколений и взаимосвязанных между собой. Стабильность, равновесие и постепенное обновление – по таким принципам должно развиваться общество: «Берк выразил свою убежденность в том, что свобода возможна только в рамках закона и порядка и что реформы должны осуществляться эволюционным, а не революционным путем... По его убеждению, большинство людей не способны к управлению страной, для этого государство должно подбирать людей с хорошим воспитанием и христианским образованием, обладающих личными заслугами и отличиями» [47, с. 136]. Допуская, что при определенных обстоятельствах обществом может быть воспринята демократическая форма правления, Берк предупреждал, что демократия может быть деспотична, как и абсолютная монархия: «Я убежден, что при демократии большинство граждан способны использовать самые жестокие формы подавления меньшинства... и это подавление меньшинства будет приобретать все больший размах и проходить с большей жестокостью в дальнейшем, чем это когда-то ожидалось от власти единоличного правления» [13, с. 140].

В 1797 г. появляется книга французского консервативного писателя и государственного деятеля графа Жозефа де Местра (1754–1821) «Рассуждения о Франции». Эта книга представляет собой одну из первых попыток критического философско-политического осмысления истоков, причин, характера, последствий революции 1789 г. Отношение к революции у него крайне враждебное. Для мыслителя французская революция 1789 г. была великим народным преступлением, явлением гнусным и омерзительным. В ней не было ничего великого и возвышенного. Французы представлялись ему виновной нацией, разгневавшей Бога, который за их грехи – убийство короля Людовика XVI, отказ от религии и осквернение храмов, захват чужой собственности, нарушение присяги военными – попустил революцию, ставшую лишь следствием целого ряда причин: ослабление у народа религиозных верований, влияние на умы просветительской философии, развращенность нравов, моральное разложение правящих сословий – дворянства и духовенства. Европейский консерватизм, как правильно сделал вывод В. Я. Гросул, имел тесную связь с российским консерватизмом.

Французская революция 1789 г. не могла не иметь отклика в России. Императрица Екатерина II (1729–1796), в начале своего правления (1762) уделявшая много внимания европейским просветительским идеям Монтескье, Дидро, Вольтера, возненавидела революцию всей душой. По своим политическим взглядам она была убежденным консерватором, что подтверждается ее убеждениями: 1) сильным презрением ко всем народным движениям; 2) приверженностью к постепенности реформ (освобождения крестьян не должно быть вдруг и сразу, а по мере просвещения и наделения землей); 3) требованиями, чтобы новые законы не вели к разрыву с существующим порядком; 4) утверждением, что власть и общество стоят выше человеческой личности; 5) верой в то, что права человека строятся на основе его социальной дифференциации, а неравенство в обществе неизбежно и необходимо (возможно лишь существование равенства в правовом плане); 6) приоритетом долголетнего опыта перед новизной; 7) твердым мнением, высказанным в «Наказе», что в силу обширного географического положения и непросвещенности народа в России возможна только самодержавная монархия, а прочее правление – республика, демократия – было бы разорительно. Большую тревогу у императрицы вызывала Французская революция. Она внимательно отслеживала все известия, поступавшие из Парижа в 1789–1796 гг. Екатерина II называла французских революционеров «канальями», сравнивала их с союзниками «маркиза Пугачева». Основные идеи, высказанные императрицей, состояли в следующем: 1) события Французской революции не являются внутренним делом Франции, а представляют собой опасность для всех европейских государей, поэтому необходимо создать общеевропейское войско, состоящее из войск немецких князей, швейцарцев и других наемников для восстановления власти законного государя; 2) после освобождения Франции от революционеров должны быть предприняты следующие шаги: дворянству и духовенству возратить их сословные права, компенсировать их материальные потери; 3) парламент должен объявить о том, что отменяются решения Национального Собрания, разрушающие монархию, противные божественным и человеческим законам, а римско-католическое духовенство освободит народ от ложной присяги. 4) в первое время на территории Франции необходимо оставить иностранные войска, пока не будут сформированы надежные и преданные королю воинские части.

В современных публикациях В. Я. Гросула, Б. С. Итенберга, М. Н. Начапкина, Р. Пайпса, А. В. Репникова, В. А. Твардовской, К. Ф. Шацилло, Р. Г. Эймонтовой подробно рассматривается отношение российских консерваторов к революционному пути изменения общественной жизни [28, 80, 85, 95, 118].

Для полноценной научно-исследовательской и преподавательской работы важно иметь доступ к наиболее полному массиву документов. В последнее время в издательстве РОССПЭН было опубликовано несколько интересных сборников документов, посвященных истории русских революций 1905–1907 гг. [19, с. 462] и 1917 г. [121, с. 510]. Эти документы позволяют глубже понять расстановку политических сил, причины, приведшие к революции, оценить эффективность методов правительственного реагирования.

Современный историк П. В. Мультиатули отмечал: «Одним из самых малоизученных периодов царствования императора Николая II является период Первой русской революции 1905–1907 гг. Между тем, этот тяжелейший и опаснейший для русского государства период требовал ответственности, мужества и решимости. Очень немногие из находившихся тогда у власти оказались способными противостоять революции. Среди последних был император Николай Александрович» [76, с. 7]. П. В. Мультиатули сделал вывод о том, что причиной революции было глубокое моральное падение общества, потому что она сопровождалась уголовным и политическим террором. По мнению историка, революция была вызвана искусственно: «Воспользовавшись духовным и политическим кризисом, охватившим Россию в начале XX века, нерешенными социальными проблемами, расколом среди ее государственных деятелей, могущественные силы революции подготовили и осуществили вероломное нападение на русское государство» [76, с. 11].

Конечно, были и реальные причины революции: разорение дворянства, утрата ими роли правящего сословия. К началу революции дворянство владело лишь 13 % земель. Многие дворяне обвиняли власть в недостаточной поддержке. Именно экономическими причинами можно объяснить участие многих из них в оппозиционном либеральном движении. Сформировавшаяся буржуазия также стремилась ограничить самодержавие.

Большие социальные, экономические и демографические проблемы существовали в деревне. Под влиянием модернизации община стала

раскалываться, а крестьянский мир постепенно меняться: «Согласно переписи населения 1897 г., крестьянство составляло 84,1 % от населения европейской России и 77,1 % от всего населения империи. Основой крестьянского уклада жизни была община, по правилам которой жило 77,2 % крестьянских дворов... Раньше крестьянский мир был замкнут, теперь, после того как многие сельчане стали уходить в города на заработки, произошло расслоение крестьянства, мир раскололся. Число крестьян-мигрантов, то есть крестьян, ушедших в город и возвратившихся в деревню, постоянно росло: в 1871 г. оно составляло 42 %, а в 1900 – 63 %, в Москве эта цифра составляла в 1902 г. 67 %» [76, с. 105].

Кроме социально-экономических, существовали и психологические причины первой русской революции. Известный консервативный журналист Михаил Осипович Меньшиков связывал физическое нездоровье русского народа с психологическим состоянием измятого, унылого духа, не способного на масштабные реформы и свершения. Характеризуя свое поколение, М. О. Меньшиков писал: «...в тысячелетних войнах... слишком утомилось наше племя, изболело, зачахло. Поглядите на народную толпу – что это в большинстве случаев за заморыши! Поглядите на нашу культурную толпу – что это за вырожденцы! Недоедание внизу, переедание наверху; сверхработа внизу, сверхпраздность наверху. Крайности вызывают друг друга и сходятся. Падает физический тип, а за ним неотвратимо падает и духовный облик племени, когда-то богатырского. Падает мускульная сила, падает душевная крепость» [59, с. 345]. М. О. Меньшиков подвергал острой критике внешнюю политику российской империи за ненужные стране войны: «Весь избыток народной энергии идет на цели вне страны – отсюда страшная отсталость внутри. Некогда и не на что стране заняться внутренним расстройством» [59, с. 344]. Он пишет о таких бедах России, как постоянные неурожаи, опустошение лесов, почв и воды, хроническое недоедание и вымирание крестьянских детей, кризис промыслов. Большой негативный вклад в упадок нации внес капитализм, разделивший народ на кучку богачей и море нищих.

М. О. Меньшиков считал, что лозунгом государственной политики России должен стать лозунг: «Будь здоров». Для того, чтобы обеспечить народу физическое здоровье, он предлагал наделить каждую деревенскую семью достаточным количеством земли и чистой

воды: «Земля и вода дают хлеб, хлеб дает здоровье, здоровье – само по себе счастье...» [59, с. 344]. Важнейшей национальной задачей М. О. Меньшиков считал народосбережение, сокращение ужасающей смертности. Пьянство, по его мнению, было главной национальной опасностью для России. Оно подрывает источник народной силы – здоровье. М. О. Меньшиков отмечал с горечью, что все великие моменты жизни – «...рождение, крещение, заключение брака, смерть... непременно требуют питья водки» [59, с. 499]. Он писал, что за алкоголизацией тянется потомство идиотов, эпилептиков, психопатов. Алкоголики грубы, обидчивы, утрачивают стыд и совесть. Они представляют собой толпу, готовую на бунт: «...по словам героев Горького, весь мир “трахнуть” – так себе, в припадке злобы» [57, с. 515]. Жестокие разгромы помещичьих усадеб, даже тех помещиков, которые пользуются симпатией крестьян, представляют психологический припадок того алкогольного фанатизма. Вину за такую ситуацию он возлагал на царских министров С. Ю. Витте и В. Н. Коковцева, которыми была введена губительная по своим последствиям винная монополия. М. О. Меньшиков предложил объявить крестовый поход против пьянства: «Надо вызвать инстинкт народного самосохранения, надо воззвать к таланту и совести народа, к чувству его человеческого достоинства, к здравому смыслу» [60, с. 388].

В интересном и содержательном исследовании В. Б. Безгина «Повседневный мир русской крестьянки периода поздней империи» рассказывается о значении отходничества в конце XIX в.: «Судя по данным паспортной статистики региона, резкий скачок отходничества пришелся на второе пореформенное десятилетие, когда количество полученных паспортов по сравнению с 1861–1870 гг. выросло в Воронежской губернии в 5,2 раза, в Орловской – в 3,2 раза, Курской – в 3,2 раза» [8, с. 125]. Это привело к следующим последствиям: во-первых, молодые парни познакомились с городской жизнью, ее соблазнами. У них пробуждалась тяга к выходу из-под опеки большака, утаиванию от него части заработанных денег. Да и девушки старались найти себе жениха из отходчиков – он мог и копеечку заработать, и наряды купить. У молодых крестьян, побывавших в городе, радикально менялись взгляды: «О пагубном влиянии на патриархальные устои крестьянской семьи отходников сообщали в своих рапортах сельские приходские священники Тамбовской епархии. Они, в частности, писали: «...побывал паренек в Питере,

стал другим человеком»; «...авторитет родителей над детьми ослабевает»; «...молодое поколение, возвратившись с заработков, стремится отделиться... Усложнившиеся жизненные условия, близкое соприкосновение города с деревней, приток новых веяний – все это постепенно разрушало... былой патриархальный уклад, меняло... духовную физиономию деревни» [8, с. 126]. Во-вторых, возросло количество женщин и девушек, каждый год отправлявшихся в города для работы няньками, горничными, кормилицами, продавщицами. В годы Первой мировой войны женский труд активно использовался на заводах, фабриках и строительстве железных дорог. Женщины стали неплохо зарабатывать. В. Б. Безгин отмечает, что на строительстве железных дорог женщины зарабатывали по 1 рублю 30 копеек в день, даже больше мужчин. Таким образом, вместе с процессом модернизации и урбанизации распадается патриархальный мир деревни, растут потребности крестьян в зажиточной, более комфортной жизни.

В. Б. Безгин упоминает еще одну сторону отходничества – рост числа венерических заболеваний. Молодые крестьянские девушки и парни, работавшие в городе, заражались сифилисом и распространяли его в городе в ходе бытовых контактов (ели из одной посуды, утирались одним полотенцем). Конечно, общинные порядки разрушались очень медленно. Подчас в общине царили жестокие, просто дикие нравы. Так, за поджог домов по общинному приговору могли просто убить. Большим пороком деревенской жизни было пьянство. Современники писали, что на деревенских вечеринках парни и девушки были все пьяные. Понятно, что при таком воспитании, отсутствии грамотности, гигиены и здорового образа жизни, трудно было ожидать от крестьян соблюдения закона. Считая помещичью землю своей собственностью, крестьяне совершали незаконные вырубki леса, потравы лугов. Ясно, что решение проблемы малоземелья явно запоздало. Демографический взрыв, случившийся в начале XX в., привел как к нехватке земли, так и к недостатку хлеба. Падение закупочных цен на зерно уменьшило доходы земледельцев, привело к кризису форм крестьянского хозяйствования. Все эти факторы обострили крестьянский вопрос. Нельзя сказать, что Николай II не видел кризисных явлений в деревне. Так, по случаю рождения наследника 11 августа 1904 г., Николай II издал манифест, в котором крестьянству были дарованы следующие льготы: отменены телесные наказания, сложены все накопившиеся недоимки, проведена амнистия для лиц, совершивших нетяжкие преступления.

Еще одной причиной революции 1905 г. было тяжелое положение пролетариев. Власти старались улучшить положение рабочих. В 1882 г. была назначена фабричная инспекция, запрещен труд детей моложе 15 лет, в 1897 г. рабочий день ограничили 11 часами, в 1898 г. на заводах ввели бесплатную медицинскую помощь. Однако регламентация рабочего дня касалась только фабрично-заводских рабочих, т. е. 21 % от общей численности рабочего класса: «Большинству фабрично-заводских рабочих, выходцев из крестьян, было тяжело приспособиться к непривычным условиям труда в городе. Обстановка фабрики, жестокие временные рамки работы, дисциплина, царящая на заводах, – все это угнетало вчерашнего крестьянина. Участились случаи прогулов, пьянства. Естественно, что рабочий пытался найти виновного в таком положении дел» [76, с. 113].

Другой причиной Первой русской революции стало поражение России в Русско-японской войне 1904–1905 гг. Военное поражение русских войск и флота в Цусимском сражении показало явную неготовность страны к современной войне на суше и на море. В своей интересной книге «Империи последние мгновения» Семен Экштут рассказал о том, какие реформы для военно-морского флота предлагал великий князь Александр Михайлович. Друг детства Николая II, муж его сестры Ксении, он служил офицером на флоте. Посетив европейские и азиатские страны, познакомился с устройством флотов Англии, Франции, Италии, Австро-Венгрии, Японии, Чили. Результатом поездок стали прекрасно изданные книги с фотографиями «Военные флоты иностранных государств». В 1895 г. великий князь Александр Михайлович предоставил государю докладную записку «Проект обновления русского флота»: «Это была хорошо продуманная и убедительно аргументированная амбициозная программа военного судостроения, рассчитанная на десять лет. При ее составлении были использованы добытые ранее разведданные» [164, с. 155]. Александр Михайлович выступил резко против тогдашнего руководителя Морского министерства великого князя Алексея Александровича и его политики создания затратных военно-морских баз на Балтике, например, в Либаве (ныне Лиепая). Он правильно полагал, что в случае войны Балтийский флот будет быстро блокирован минными заграждениями, а Либавя, находящаяся неподалеку от границы, захвачена немецкими сухопутными войсками. Поэтому он настаивал на создании сильного

океанского флота: «...на Севере, в незамерзающем Мурмане, имеющем круглогодичный выход в мировой океан, Сандро предложил другу Ники направить финансовые потоки на... образование двух новых океанских флотов – Северного и Тихоокеанского. Обладавший несомненным даром государственного предвидения, великий князь Александр Михайлович в начале 1895-го предложил создать Северный флот и построить для него военно-морскую базу – будущий город Романов-на-Мурмане (Мурманск), официально основанный лишь осенью 1916 г. Обратил свой прозорливый взор Александр Михайлович и на Дальний Восток, где предвидел неизбежный военный конфликт с Японией. Он предлагал незамедлительно укрепить город и порт Владивосток: построить судостроительный и машиностроительный заводы, построить второй док, построить казармы на 3000 матросов, усилить укрепления с суши и моря» [164]. Таким образом, великий князь Александр Михайлович предлагал создание сильного Тихоокеанского флота, способного противостоять геополитическим амбициям Японии. Он предупреждал Николая II об отсутствии у русского флота на Тихом океане скорострельной артиллерии: «Наш флот сильно уступает японскому, не говоря уже о том, что на судах японского флота имеется до 100 скорострельных пушек большого калибра, а на нашей эскадре нет ни одной скорострельной пушки. Главными элементами современных боевых судов служат скорость и скорострельная артиллерия, этими-то элементами наша эскадра не обладает» [164, с. 157]. Записка капитана 2-го ранга великого князя Александра Михайловича в обход субординации вызвала гнев великого князя, генерал-адмирала Алексея Александровича. Он потребовал и добился отставки Александра Михайловича. Сам Алексей Александрович нес прямую ответственность за поражение русского военного морского флота в Цусимской битве. Огромные деньги были бестолково растрочены на ненужные военные базы на Балтике, потрачены на вертких дам. К пророческим словам великого князя Александра Михайловича никто не прислушался, и время было упущено. Как актуально звучат его слова, спустя 125 лет, в период нынешнего противостояния с Японией: «Опасно упустить время... Следует помнить, что наш флот должен состоять из судов, способных выходить в океан и вести наступательную войну, а отнюдь не оборонительную... Время есть, в шесть лет при энергии Морского министерства и правильной постановке судостроения мы можем создать

сильный крейсерский флот и к окончанию великого Сибирского пути явиться на Востоке во всеоружии, когда даже на ум не придет японцам попробовать русских снарядов... Если Россия должна на Дальнем Востоке играть первостепенную роль и не хочет уступать свое место Японии, то пора и нам принять меры, чтобы к 1903 г. быть готовым ко всяким случайностям... Японцы особенно оценили значение острова Цусима, находящегося посередине Корейского пролива, и обратили его в укрепленную станцию для боевого флота» [164, с. 158]. Если бы на записку великого князя Александра Михайловича обратили тогда внимание, возможно, Россия избежала бы позора поражения при Цусиме. Но во главе Морского министерства стоял генерал-адмирал Алексей Александрович, за спиной которого стоял косный бюрократический аппарат, старые адмиралы, плохо понимающие задачи современного флота. Великий князь Александр Михайлович, в виду его не востребоваемости был вынужден надолго уехать за границу. Возвратившись на родину в начале Первой мировой войны, он стал одним из создателей военной авиации в России. Этот пример ясно показывает, что и среди политической элиты России были люди, обладающие даром предвиденья, прогнозирования событий.

Недавно опубликованный сборник «Власть и общество в Первой российской революции 1905–1907 гг.» включает ранее не публиковавшиеся архивные материалы, в основном, из фондов Российского государственного архива социально-политической истории и Государственного архива Российской Федерации. Сборник состоит из 5 разделов: 1) власть и ее защитники; 2) общественность; 3) социалисты-революционеры; 4) социал-демократы; 5) анархисты. Особый интерес для ученого представляет первый раздел. В нем представлена переписка императора Николая II с генерал-майором Д. Ф. Треповым – генерал-губернатором столицы и губернии и комендантом Императорского дворца. Эта переписка позволяет проследить реакцию императора на трагические события января 1905 г., выяснить его личное мнение о причинах беспорядков. Эта переписка показывает, что государь активно занимался решением острого политического и социально-экономического кризиса в стране. Одиннадцатого января 1905 г. Николай II обращается к генерал-майору Д. Ф. Трепову со следующим вопросом: «Дмитрий Федорович, невольно возникает вопрос – были ли исчерпаны у Александровского сада все нужные средства, т. е. увещевания,

предупреждения и пр. до открытия огня? Прикажите расследовать этот случай. Как я вам говорил вчера ...дать почувствовать доброй и спокойной массе рабочего люда справедливое и заботливое отношение правительства и отделить ее от кучек негодяев. Если бы несколько заводов начали работать под охраной войск, это было бы добрым предзнаменованием» (ГА РФ. Ф. 595. Оп. 1. Д. 45. Л. 1–2 об. Автограф). Николай II считал, что власть должна очень жестко карать бесчинства и насилия, подавлять забастовки. В своем дневнике он писал, что войска должны были стрелять. При этом царь надеялся на здравомыслие большей части рабочих Петербурга и не отказывался от диалога с ними: «По-моему, самое важное теперь, чтобы депутация рабочих явилась ко мне с Вами во главе и услышала от меня то, что затем должно быть объявлено... С приемом рабочей депутации следовало бы поспешить по причинам, касающимся всей России, чтобы ослабить и остановить ход стачки на юге» (ГА РФ. Ф. 595. Оп. 1. Д. 45. Л. 3–5 об. Автограф). Однако, несмотря на принятые меры, революция набирала все большую силу. Царь обвинял в разжигании беспорядков оппозиционные кружки. Он писал, что эти беспорядки во время войны с Японией представляют собой настоящую измену родине.

Шестнадцатого октября 1905 г., за день до знаменитого октябрьского манифеста, император в письме Д. Ф. Трепову так объясняет свое решение встать на путь широких политических реформ: «Я сознаю всю торжественность и значение переживаемой Россией минуты и молю милосердного Господа благословить Промыслом Своим – нас всех и совершаемое рукою моею великое дело. Да, России даруется конституция. Не много нас было, которые боролись против нее. Но поддержки в этой борьбе ниоткуда не пришло, всякий день от нас отворачивалось все большее количество людей и, в конце концов, случилось неизбежное! Тем не менее, по совести я предпочитаю даровать все сразу, нежели быть вынужденным в ближайшем будущем уступать по мелочам и все-таки прийти к тому же» (ГА РФ. Ф. 595. Оп. 1. Д. 45. Л. 6–7. Автограф).

П. В. Мультатули считал, что Николай II пришел к мысли о необходимости изменения государственного строя России: «...но сам момент этих реформ и форма изложения манифеста были ему навязаны Витте, который был поддержан не только большей частью общества, но и главнокомандующим войсками петербургского военного

округа великим князем Николаем Николаевичем» [76, с. 273]. Историк считал, что даже после обнародования манифеста от 17 октября 1905 г., сохранившего целостность России и национальную форму русской государственности, основы самодержавия не были затронуты.

Большой интерес для выяснения консервативного мнения о причинах революции представляет записка Д. Ф. Трепова Николаю II от 24 сентября 1905 г., где он обвиняет либеральные круги русского общества, которые ради реализации своей цели – создания народного представительства по западноевропейскому образцу – объединяются с радикально настроенными представителями земств и профессиональных союзов. Другим врагом самодержавия генерал называет социалистов-революционеров: «Подпольные революционные сообщества... особенно усилили за последнее время свою работу, рассчитывая при помощи террора, вооруженных демонстраций, рабочих массовых забастовок и пропаганды среди крестьян довести страну до открытого восстания. Каждая из этих противоправительственных партий ведет ожесточенную, по заранее выработанному плану, борьбу за проведение в жизнь своих вождедений, и таким способом повсеместно в империи создается крайне тревожное в смысле общественной безопасности брожение... Периодическая печать, почти целиком находящаяся в руках оппозиции, в свою очередь способствует разжиганию страстей. Пользуясь полной безнаказанностью за помещение статей, систематически извращающих факты и тенденциозно освещающих действия правительства и его роль в умиротворении страны, она не останавливается перед бесплатной рассылкой целыми транспортами в провинцию своих публикаций, которые затем бесплатно же распространяются в громадном количестве не только среди интеллигенции, но и в деревнях» (ГА РФ. Ф. 543. Д. 645. Оп. 1. Л. 10–12 об. Машинописный текст с подписью-автографом Д. Ф. Трепова). Генерал Д. Ф. Трепов отмечал, что в условиях ожесточенной политической борьбы умеренные, здоровые элементы общества совершенно растерялись, утратили способность ориентироваться в оценке сложившейся ситуации. Среди предложений Дмитрия Федоровича по исправлению ситуации были следующие: создание сплоченной консервативной партии порядка, организация широкой гласности в распространении среди народа правительственных реформ, борьба за общественное мнение путем создания сильной консервативной печати: «Значи-

тельную роль в образовании общественного мнения играет и периодическая печать... Современные органы печати почти все стоят на стороне оппозиционеров, консервативные же газеты по своей разрозненности и малочисленности не могут оказать сколько-нибудь существенной пользы делу» (ГА РФ. Ф. 543. Д. 645. Оп. 1. Л. 10–12 об. Машинописный текст с подписью-автографом Д. Ф. Трепова).

Различное отношение к оппозиционным силам России показывает докладная записка начальника Московского охранного отделения В. В. Ратко, в которой предлагалась программа мер для улучшения положения рабочих. Он возглавлял Московское охранное отделение с 1902 по 1905 гг. По мнению российского историка Л. В. Ульяновой, Василий Васильевич с симпатией относился к российскому варианту умеренного либерализма. Такое умонастроение было характерно и для других служащих Департамента полиции. Ратко сделал вывод, что после назначения нового министра внутренних дел П. Д. Святополка-Мирского, заявившего о необходимости формирования доверия между властью и обществом, появилась надежда на разрешение конфликтов между правительством и народом мирным путем. Однако радикальным элементам такой поворот в общественном сознании был невыгоден. Радикальное меньшинство заставило большинство, не разбирающееся в политике, подписать петиции о замене существующего строя на конституционный строй. Радикальным элементам в организации конституционного движения помогала университетская профессура. В результате действий радикальных агитаторов молодежь была сбита с толку. Оценивая деятельность оппозиционного «Союза освобождения», Ратко отмечал, что в него входили многие известные представители родовой аристократии, земств, науки и адвокатуры. Анализируя настроение общественных элементов, он писал: «1. Земства, дворянство, интеллигенция и значительная часть промышленной крупной буржуазии, за весьма малыми исключениями, готовы на борьбу за освободительные реформы. 2. Учащаяся молодежь, частью под влиянием пропаганды и агитации, частью же из ложного стыда за свою якобы отсталость, совершенно бросила науку... 3. Рабочие, находясь под постоянным воздействием революционной среды и современных газет, а равно видя примеры интеллигенции и учащейся молодежи, не могут оставаться равнодушными зрителями происходящих событий... Крестьянская среда, как менее распропагандирован-

ная, более инертна, поэтому революционные организации намерены повести среди сельского населения усиленную агитацию и образовать крестьянские боевые дружины для поджогов помещичьих усадеб и уничтожения их владельцев» (ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1904. Д. 1195. Л. 44–48. Копия. Машинопись).

Василий Васильевич Ратко предложил привлечь умеренные общественные элементы для участия в законодательных работах наряду с правительственными сановниками и пересмотреть законы о печати.

В сборнике представлены документы различных политических партий. Определенный интерес для изучения представляют листовки партии социалистов-революционеров. Так, в листовке владимирского комитета ПСР (партия социалистов-революционеров) за декабрь 1906 г. подробно объясняются причины, по которым крестьянство должно проголосовать за кандидатов этой партии в Государственную думу. Во-первых, продемонстрировать несогласие с избирательным законом, «...по которому голос рабочего ценится в 20 раз менее, чем голос торговца, и в 40 раз меньше, чем голос земледельца... Мы говорим: выбирайте в Думу. Но не надейтесь получить от нее что-нибудь. Пусть идут туда не для того, чтобы с правительством писать законы. Пусть идут туда разрушать подлые замыслы самодержавия. Идут громко и открыто на всю Россию заявить о народных нуждах» [19, с. 158–159]. Во-вторых, социалисты-революционеры даже в условиях поражения революции не отказались от главной цели – созыва на основе всеобщего, прямого, тайного и равного избирательного права Учредительного Собрания. В листовке доходчиво и ясно изложены другие цели партии эсеров: «Они одни стоят за полное уничтожение частной собственности на землю, без выкупа, за объявление всей земли общенародным достоянием, за право для всех получить землю в таком количестве, сколько каждый может обработать своим трудом, и столько, сколько ему нужно для прокормления себя и своей семьи. Социалисты-революционеры борются за демократическую республику, за 8-часовой рабочий день, за минимальную заработную плату, за государственное страхование на случай болезни, увечья, старости и безработицы, за уничтожение косвенных налогов и существующих прямых и замещение их прогрессивным налогом на доходы и наследства. Вот наши требования. Товарищи и граждане! Выбирайте борцов за землю и волю! Выбирайте социалистов-революционеров. Декабрь 1906 г. Влади-

мирский комитет партии социалистов-революционеров» [19, с. 159]. Другие листовки этой партии показывают, насколько сильно было расколото общество. В листовке московской оппозиционной фракции ПСР население убеждают в том, что революция растет: «Откуда увидели они, что революция пошла на убыль! Не на Аптекарском ли острове упала революционная волна?... Не думают ли враги, что удавили революцию тюремными веревками или расстреляли солдатскими пулями? Но мы напоминаем нашим врагам, что Россия богата веревками, – останется и на их долю...» [19, с. 160]. Эсеры выступали за экспроприацию собственности, захват фабрик и заводов, уничтожение всякой эксплуатации человека человеком. При выборах в Государственную думу второго созыва партия социалистов-революционеров объединилась для совместных действий с партией социал-демократов.

П. В. Мультиатули приводит интересные сведения о важной организаторской роли Николая II в подавлении революции. Дефицит надежных и энергичных чиновников сразу проявился во время начавшейся революции. В ряде регионов местные власти проявили малодушие и нерешительность. Так, в Риге бунтовщики напали на отряд драгун. Власти города вместо жесткого ответа начали переговоры с бунтовщиками. Узнав об этом, Николай II писал с возмущением генерал-губернатору Риги: «Гнусное нападение на драгун в Риге обязывало Вас вместо переговоров с бунтовщиками проявить полную энергию в действиях с применением к мятежникам самой решительной репрессии» [76, с. 225].

Большой интерес представляют записки о декабрьском вооруженном восстании в Москве генерал-адъютанта, адмирала Федора Васильевича Дубасова. Будучи на посту генерал-губернатора, в тяжелой обстановке он сумел сохранить самообладание, объединить правительственные силы и постепенно подавить мятеж. Либералы и большевики обвиняли царские войска в жестокости, несоразмерном применении силы. Документы сборника свидетельствуют о другом. Московское восстание было кровопролитным. Согласно архивным данным, во время декабрьского восстания было убито 15 военнослужащих, 11 тяжело ранено, 40 ранено легко. Среди чинов полиции убитых было 23, раненых – 49 человек. Частных лиц было убито 393, ранено – 691 человек [19]. Вот как описывал Ф. В. Дубасов один из эпизодов боевых действий Семеновского полка под командованием пол-

ковника Г. А. Мина 17 декабря 1905 г.: «На Горбатом мосту одну баррикаду разбросали беспрепятственно, но при разборе второй баррикады разбиравшая ее рота была обстреляна из дома Шмидта. Тогда дом и фабрика Шмидта были разрушены артиллерией, выехавшей на мост, затем баррикада расчищена» [19, с. 59]. Городской голова Н. И. Гучков обратился к генерал-губернатору Ф. В. Дубасову с просьбой обеспечить свободный выход женщин и детей из района Пресни. Ф. В. Дубасов издал следующее постановление: «Постановление Московского генерал-губернатора генерал-адъютанта адмирала Ф. В. Дубасова командиру лейб-гвардии Семеновского полка Г. А. Мину о мерах обеспечения безопасности женщин и детей во время обстрела Пресни. № 12836, 17 декабря 1905 г. Предъявители сего, Московский губернский предводитель дворянства князь Трубецкой и Московский городской голова Н. И. Гучков, получили от меня разрешение вместе с wybranными ими людьми оказать женщинам и детям, находящимся в районе Пресненской части, подлежащей очищению, содействие к удалению их из опасных для их жизни жилищ. Способ этого удаления я предоставляю Вам установить и объявить как вышеуказанным лицам, так и населению квартала, причем мера эта должна распространяться исключительно на женщин и детей... Генерал-адъютант Ф. В. Дубасов» [19, с. 60].

Во время революции имели место факты поддержки революционеров в полиции среди чиновников и местных властей. В декабре 1905 г. по всем ведомствам было распространено распоряжение, что правительство не потерпит на службе чиновников, представляющих собой скрытых врагов государственного порядка и не повинующихся законной власти.

Какие же средства борьбы с революционным движением предлагали русские консерваторы? Большую роль в подавлении первой русской революции сыграл премьер-министр П. А. Столыпин.

Никто другой из числа русских консерваторов не вызывает такого уважения, как Петр Аркадьевич Столыпин. Мощная фигура Столыпина появилась на авансцене российской истории во время Первой русской революции. Его деятельность по разнообразному реформированию России стала символом правительственных реформ с 1906 по 1911 г. Получив важные посты министра внутренних дел и председателя Совета министров России в беспокойное революционное время,

Столыпин воспринимал свою работу как тяжелый крест. Политический деятель и историк-любитель Б. Г. Федоров отмечал: «Если кратко сформулировать, кем был Петр Столыпин, то в голову приходят, прежде всего два слова: реформатор и патриот... Надо сказать, что судьба Петра Аркадьевича Столыпина каким-то странным, почти мистическим образом была связана с судьбой императора Александра II. Начнем с того, что в 1911 г. праздновалось освобождение крестьян в 1861 г., поэтому 30 августа 1911 г. в Киеве открывали памятник Александру II. Присутствовал сам Николай II, члены императорской семьи, множество сановников и гостей. Через день в театре на величайшего премьер-министра в истории России было совершено десятое и роковое покушение. Случилось это, между прочим, в годы 30-летия убийства в результате последнего покушения на царя-освободителя Александра II в 1881 г. Два реформатора, две трагические судьбы и какая-то мистическая связь» [152, с. 7]. Б. Г. Федоров отмечал, что еще при жизни П. А. Столыпина его реформы оценивались по-разному. Одни, как политический деятель В. В. Шульгин, считали его спасителем России, другие (либералы, социалисты) называли его «вешателем», тщеславным интриганом: «Петру Аркадьевичу Столыпину не повезло. Сначала его не понимали и ненавидели и правые, и левые политические силы в царской России. Символично, что убил его именно революционер, но при этом связанный с охранкой... Затем советские историки-коммунисты сделали из него жупел истории – отсюда «обер-вешатель», «столыпинщина» и прочие негативные и ничем не заслуженные ярлыки» [152, с. 9]. Так, советский историк А. Я. Аврех в книге «П. А. Столыпин и судьбы реформ в России» (1991) сделал вывод о том, что ум у Столыпина был заурядным, идей у него не было, и смелостью он не отличался, держался за кресло.

В отличие от этих оценок Б. Г. Федоров отмечал мужество Петра Аркадьевича, проявленное им в различных ситуациях: «Во многих документальных источниках описывается один загадочный эпизод из жизни Петра Столыпина, связанный с полетом на самолете, что по тем временам требовало немалой храбрости в силу несовершенства техники» [152, с. 335]. Полет этот произошел 23 сентября 1910 г. На празднике воздухоплавания в Петербурге П. А. Столыпин с большим интересом знакомился с новинками авиационной техники. Подойдя к самолету «Фарман» летчика Л. М. Мациевича, он спросил его о том,

страшно ли летать на самолете. Летчик предложил председателю Совета министров совершить полет: «Полет, впрочем, прошел благополучно, они сделали два круга над аэродромом на высоте 20–25 метров. Снизу была видна крепкая фигура Петра Аркадьевича, крепко державшегося за деревянные стойки» [152, с. 336].

Для понимания трудной повседневной жизни Петра Столыпина можно привести воспоминания его старшей дочери Марии Бок. В воспоминаниях об отце она подробно описала его губернаторство в Саратове. Революционный 1905 г. был страшным: «Погромы усадеб продолжались. Проезжая по железной дороге через Саратовскую губернию, можно было видеть в окна вагона ровную степь, освещенную, как горящими факелами, подожженными усадьбами. И какова ирония судьбы: первой из разгромленных усадеб была усадьба того помещика-либерала, который жертвовал крупные суммы на субсидирование левых газет! Когда грянула беда, этот идеолог-либерал просил отца прислать войска для водворения порядка» [101, с. 83]. Мария Бок отмечала, что ее отец считал применение войск для борьбы с аграрными беспорядками крайней мерой. Он полагал, что революцию нужно преодолеть реформами, в том числе и аграрной: «Не в крупном землевладении сила России, – говорил отец. – Большие имения отжили свой век. Их, как бездоходные, уже сами владельцы начали продавать Крестьянскому банку. Опора России не в них, в царе. Папа считал, что Россию переустроить нужно, что надлежит вытравить традиции крепостного права, заменить общину единоличным крестьянским землевладением» [101, с. 84]. В каждой губернии должен быть создан квалифицированный бюрократический аппарат. При спокойной работе губернской власти революция не может восторжествовать. Думая о времени завершения аграрных беспорядков, Столыпин никогда не терял веры в здравый крестьянский ум. Трудно было представить, что крестьяне могут долго оставаться хладнокровными, видя забой помещичьего скота, поджоги амбаров с зерном. Мария Бок приводит очень интересные факты полной опасности его повседневной жизни в Саратове. Так, во время поездки в центр смуты город Балашов, П. А. Столыпин увидел человека, направившего в его сторону револьвер: «Папа, глядя на него в упор, распахнул пальто перед взбунтовавшейся толпой сказал: – Стреляй! Революционер опустил руку, и револьвер вывалился из его рук. У меня хранится любительский снимок, где

видно, как папа въезжает в толпу, за минуту до этого бушевавшую, а теперь всю до последнего стоящую на коленях. Она, эта огромная, десяти тысячная толпа, опустилась на колени при первых словах, которые папа успел произнести» [101, с. 85]. П. А. Столыпин умел доходчиво говорить с простым народом. Без громких фраз, угроз, криков, его суровые, правдивые слова отрезвляюще действовали на бунтовщиков: «Он безоружным входил в бушующую толпу, и почти всегда одно появление его, спокойный и строгий его вид, так действовали на народ, что страсти сами собой утихали, и за минуту до этого галдящая и скандалившая толпа расходилась, успокоенная, по домам. Речи его были кратки, сильны и понятны самому простому рабочему и крестьянину, и действовали они на разгоряченные умы отрезвляюще» [101, с. 85].

Таким образом, П. А. Столыпин понимал, что причины Первой русской революции коренятся в отсутствии политических и гражданских свобод, нерешенности аграрного вопроса. Первая русская революция поставила перед ним вопрос: какой должна быть стратегия преодоления революционного, в большей степени аграрного, социального, политического кризиса в обществах переходного периода? Предложенная председателем правительства программа системных реформ представляла собой, по словам В. В. Шелохаева, национальный вариант (тип) модернизации России в условиях переходного времени, от аграрного общества к индустриальному, от сословного к гражданскому. В 2003 г. Фондом изучения наследия П. А. Столыпина, Федеральной архивной службой России, Российским государственным историческим архивом были изданы два тома документов и материалов, раскрывающих программу реформ Столыпина. В первом томе особый акцент сделали на концепции реформ. В Правительственном Вестнике № 190 от 24 августа 1906 г. было опубликовано Правительственное сообщение, содержащее развернутый план деятельности. Правительство во главе с П. А. Столыпиным сумело преодолеть паралич власти, не допустив дальнейшего распада и разрушения государства: «...признано необходимым издать временные правила о военно-полевом суде для осуждения обвиняемых в наиболее тяжких преступлениях в местностях, объявленных на военном положении... Независимо от сего, ввиду развивающегося за последнее время нового тягчайшего вида преступления – пропаганды в войсках – изданы также времен-

ные правила об усилении наказания за этого рода преступления» [94, с. 29]. Приспособив государственный организм для борьбы со злом терроризма, правительство предложило для обсуждения в Государственной думе различные законопроекты. Одно только их перечисление показывает масштабность планов: «1) о свободе вероисповедания; 2) о неприкосновенности личности и о гражданском равноправии в смысле устранения ограничений и стеснений отдельных групп населения; 3) об улучшении крестьянского землевладения; 4) об улучшении быта рабочих и, в частности, о государственном их страховании; 5) о реформе местного управления; 6) о введении земского самоуправления в Прибалтийском, а также в Северо-и Юго-Западном крае; 7) о введении земского и городского самоуправления в губерниях Царства Польского; 8) о преобразованиях местных судов; 9) о реформе средней и высшей школы; 10) о подоходном налоге; 11) о полицейской реформе; 12) о мерах исключительной охраны государственного порядка и общественного спокойствия...» [94, с. 31]. Сам П. А. Столыпин так объяснил необходимость принятия этих законопроектов: «Мысль эта – создать те материальные нормы, в которых должны воплотиться новые правоотношения, вытекающие из всех реформ последнего времени. Преобразованное по воле Монарха отечество наше должно превратиться в государство правовое, так как пока писанный закон не определит обязанностей и не оградит прав отдельных русских подданных, права эти и обязанности будут находиться в зависимости от толкования и воли отдельных лиц, то есть не будут прочно установлены» [93, с. 33].

Особое внимание П. А. Столыпин уделял принятию законов об устройстве быта крестьян. Он отмечал, что отсрочка в решении крестьянского вопроса невозможна в виде совершенного расстройтва деревенских устоев: «К тому же на правительстве, решившем не допускать даже попыток крестьянских насилий и беспорядков, лежало нравственное обязательство указать крестьянам и законный выход в их нужде» [93, с. 34]. Выступая 6 марта 1907 г. в Государственной думе, Петр Аркадьевич перечислил следующие законы, которые должны были быть приняты с целью улучшения крестьянского быта: 1) передать крестьянам государственные земли, а также удельные и кабинетские; 2) улучшить устав Крестьянского банка с целью облегчения приобретения частных земель; 3) «...наконец, в целях достижения

возможности выхода крестьян из общины, издан закон, облегчающий переход к подворному и хуторскому владению, причем устранено всякое насилие в этом деле и отменяется лишь насильственное прикреплении крестьянина к общине, уничтожается закрепощение личности, несовместимое с понятием о свободе человека и человеческого труда» [94, с. 34].

Аграрная безопасность России была недостижима в условиях всевластия отживающего общинного строя. П. А. Столыпин считал, что обеспечить страну продовольствием, решить проблему голода, малоземелья поможет только ликвидация основы уравнильно-трудовой аграрной экономики – сельской общины. Поэтому нужна была аграрная реформа. Нужно превратить крестьянина в полноправного собственника, в персону. Цели реформы хорошо иллюстрируют название речей П. А. Столыпина перед депутатами Государственной думы: «Свободный труд на свободной земле», «Крепкий собственник – основа экономического возрождения». Так, объясняя депутатам Государственной думы сущность принятой 9 ноября 1906 г. аграрной реформы, Петр Аркадьевич произнес следующие слова: «А смысл закона, идея его для всех ясна. В тех местностях России, где личность крестьянина получила определенное развитие, где община, как принудительный союз ставит преграду для его самостоятельности, там необходимо дать крестьянину свободу приложения своего труда к земле, там необходимо дать ему свободу трудиться, богатеть, распоряжаться своей собственностью; надо дать ему власть над землею, надо избавить его от кабалы отживающего общинного строя» [139, с. 61]. Основным принципом реформы стала замена общинного крестьянского землепользования индивидуальным землевладением. Крестьяне получили право свободного выхода из общины с укреплением в свою собственность участка из мирского надела. При выходе из общины крестьянин мог потребовать вместо разрозненных полос земли предоставить участок в одном месте, который назвался отрубом. Перенесение на отруб двора с хозяйственными постройками превращало отруб в хутор.

П. А. Столыпин определял чувство частной собственности как врожденный инстинкт. Председатель Совета министров считал, что пока крестьянин беден, не обладает личной земельной собственностью, пока он находится в тисках общины, он останется рабом, и никакой закон не предоставит ему блага гражданской свободы. П. А. Столыпин хотел создания свободной, творческой, активной и созидательной личности.

Аграрная реформа, на проведение которой он отводил 20 лет покоя внешнего и внутреннего, должна была сопровождаться кредитами, крупными мелиоративными работами, расширением сети школ и переходом к всеобщему начальному образованию. Немаловажное значение имела организация переселенческой политики в Сибирь и на Дальний Восток с целью освоения природных богатств. И сейчас современно звучит его речь, произнесенная 31 марта 1908 г. в Государственной думе «Мы должны быть сильны на нашем Дальнем Востоке»: «Отдаленная наша суровая окраина... богата золотом, богата лесом, богата пушниной, богата громадными пространствами земли, годными для культуры. И при таких обстоятельствах, при наличии государства, густонаселенного, соседнего нам, эта окраина не останется пустынной. В нее просочится чужестранец, если раньше не придет туда русский... Если мы будем спать летаргическим сном, то край этот будет пропитан чужими соками и, когда мы проснемся, может быть, он окажется русским только по названию» [94, с. 51].

Историк А. Н. Медушевский сделал вывод, что в основе столыпинской программы лежал новый идеологический «консервативно-либеральный синтез». Она противостояла консервативным утопиям как славянофилов, так и социалистов. Программа предусматривала проведение либеральной экономической реформы; предполагалось распространить принципы рыночной экономики на сферу аграрных отношений, включить крестьянские земли в коммерческий оборот и дать крестьянину власть над землей, избавить его от кабалы отживающего общинного строя. Петр Аркадьевич по своим политическим убеждениям являлся либеральным консерватором. Его консерватизм проявлялся в твердом убеждении о необходимости сохранения монархии – драгоценного достояния русской государственности, упрочении державных прав России, в утверждении, что реформы должны основываться на национальных началах, необходимости эволюционного пути развития при сохранении неприкосновенности частной собственности. Либерализм проявлялся в отстаивании прав и свобод граждан, ликвидации различных форм национального и религиозного неравенства, призыве к депутатам различных политических партий Государственной думы объединиться для создания Великой России, осознания своих национальных задач: «Мы предлагаем всем скромный, но верный путь. Противникам государственности хотелось бы избрать путь

радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия!» [139, с. 45].

Государственный строй, введенный Николаем II 17 октября 1905 г., рассматривался П. А. Столыпиным как представительный, дарованный монархом. Однако в будущем, в ходе постепенной трансформации, абсолютная монархия имела все шансы превратиться в полноценную конституционную. П. А. Столыпин, в отличие от других чиновников, был сторонником политического компромисса и старался найти общий язык с депутатами Государственной думы. Он искренне хотел наладить, как отмечал историк В. В. Шелохаев, оптимальное сотрудничество между ответственным монархом, правительством и народным представительством. Даже его постоянный политический оппонент А. Ф. Керенский признавал, что «...в его намерения не входило ни восстановление абсолютизма, ни уничтожение народного представительства – он стремился лишь к установлению в России консервативной, но строго конституционной монархии. Его мечтой была могучая централизованная империя, экономически здоровая и культурно развитая» [42, с. 67].

Либеральным можно назвать указ П. А. Столыпина от 5 октября 1906 г. «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц бывшего податного сословия». В этом указе отменялись унижающие человеческое достоинство меры, провозглашалась неприкосновенность личности и жилища и наказание только по закону. Петр Аркадьевич выступал за установление национального равноправия, уничтожение черты оседлости, дискриминирующей европейское население. Его основная заслуга состояла в том, что он увидел в крестьянине человека. Лидер партии октябристов А. И. Гучков считал П. А. Столыпина убежденным сторонником улучшения материального и правового положения крестьянства и горячим приверженцем народного представительства: «Истинный сторонник народного представительства, Столыпин в то же время был истинным демократом, так как полагал, что твердою основой государственных начал в народных массах должно быть обеспеченное, благоустроенное крестьянство» [101, с. 203]. Видный представитель правого крыла кадетской партии В. А. Маклаков указывал, что идеи либерализма, хотя и не были идеями первостепенной важности для П. А. Столыпина, но он понял их необходимость: «...главное же внимание его привлекало пока не введение режима «свободы» и «права», а ко-

ренная реформа крестьянского быта. Только она в его глазах могла быть и прочной основой свобод, и конституционного строя. Это было его главной идеей» [101, с. 209].

Каковы же были результаты столыпинской аграрной реформы? Следует отметить, что реформа не была завершена. В 1911 г. П. А. Столыпин был убит террористом Д. Г. Богровым в Киеве, а в 1914 г. началась Первая мировая война. Таким образом, мы можем вести речь лишь о промежуточных итогах реформы. За 7 лет, с 1907 по 1914 гг., из общины вышло более 2,5 млн домохозяев или 28 % крестьян. В Сибирь из Европейской России переселилось более 3,3 млн крестьян. В ходе реформы было создано 400 тысяч хуторских хозяйств, посевные площади увеличились на 10 %, а экспорт хлеба вырос на 1/3. Историк Медушевский признавал, что методы проведения аграрной реформы носили правовой характер. Реформа не предусматривала применение насилия, в отличие от советских аграрных экспериментов. Программа П. А. Столыпина содержала ответы на все вопросы, поставленные революционным кризисом: утопизму она противопоставила реалистическую программу; революции – реформу сверху; распаду государства – сохранение незыблемости его границ; социальной анархии – сильное государство; аграрному коллективизму – частную собственность. Нацеленный на перспективу, план преобразования России П. А. Столыпина представлял собой последнюю возможность для России избежать революции. Таким образом, причины Первой русской революции были вызваны глубокими политическими и социально-экономическими противоречиями, в частности, процессами разложения правящего, дворянского сословия, отсутствием системы формирования эффективной элиты, явно недостаточными действиями монархии по преодолению бедности, малоземелья крестьянства, развития народного просвещения и земского самоуправления.

С большим трудом, благодаря деятельности всех здоровых сил общества, во главе с Николаем II первый революционный штурм исторической России удалось отбить. П. В. Мультипули правильно отмечал: «Да, верноподданных было мало. Но они были, и Николай II находил их, назначал на ответственные посты и с их помощью вел непримиримую войну с революцией, проявляя при этом твердость воли, решительность, сочетавшиеся с гибкостью и неординарностью решений» [76, с. 259].

Глава 2. ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ В 1906–1914 гг. В ОЦЕНКЕ КОНСЕРВАТОРОВ

Исторический период жизни Российской империи в 1906–1914 гг. всегда привлекал внимание историков. Именно в это время, после манифеста от 17 октября 1905 г., начинает формироваться народное представительство, многопартийность. В 1906 г. принимаются основные законы, провозглашающие политическое равноправие, реализуется аграрная реформа. Такие масштабные изменения, затронувшие все сферы жизни государства, не могли остаться без внимания консерваторов. К. А. Соловьев правильно отметил: «За десять думских лет Россия прожила сразу несколько эпох: потухли огни Первой русской революции, завертелись маховики столыпинских реформ, а потом разразилась война, начавшаяся “священным единением” правительства и общественности, за которым последовали усталость, недовольство, раздражение, ярость, апатия, а потом и революция» [132, с. 336].

В оценке этого периода существуют две основные точки зрения: критическая и апологетическая. В качестве примера первой точки зрения можно сослаться на работы А. С. Ахиезера, В. В. Ильина, А. С. Панарина [36, с. 384]. Серьезный анализ противоречий этого этапа показан в исследовании «Россия: государственные приоритеты и национальные интересы» [127, с. 399], написанном коллективом известных ученых: О. В. Волобуевым, М. К. Горшковым, В. В. Журавлевым, В. В. Шелохаевым, А. В. Игнатьевым, Л. Н. Нежинским, С. С. Секирским, Т. А. Филипповой. Анализ эволюции системы власти, осуществленных и несостоявшихся проектов государственных преобразований был осуществлен в книге «Власть и реформы. От самодержавной к Советской России» [22] сотрудниками Санкт-Петербургского института истории РАН: Е. В. Анисимовым, Б. В. Ананьичем, Р. Ш. Ганелиным, В. С. Дякиным, В. М. Панеяхом, А. Н. Цамутали, В. Г. Чернухой. Исследование эволюции монархии от патриархальной к самодержавной было проведено Б. Н. Мироновым [72].

Политика буржуазии, дворянства и царизма раскрыта в работах В. С. Дякина, Ю. Б. Соловьева. Программу и тактику российских крайне правых консерваторов (СРН) исследовали С. А. Степанов, И. В. Нар-

ский, Ю. И. Кирьянов, Д. А. Коцюбинский. Изучению деятельности крайне правых, их отношениям с народным представительством посвятили свои работы американские историки [168, 169, 173].

В 2004 г. М. Н. Лукьяновым в Пермском государственном университете была защищена докторская диссертация «Российский консерватизм и реформа. 1907–1914», в которой представлено исследование трудностей реформ в политической философии российского консерватизма кануна Первой мировой войны. В пяти главах работы рассмотрено отношение российских консерваторов к политической реформе и народному представительству, дана оценка монархии и монарха, политических идеалов консерваторов, их решений социально-экономических проблем и национального вопроса, проанализированы причины кризиса консервативной идеологии и сделаны выводы, что среди консерваторов имелись серьезные расхождения в вопросе о представительстве, путях реализации аграрной реформы. Относительное единство взглядов консерваторов М. Н. Лукьянов отмечает по национальному и конфессиональному вопросам.

Критическая оценка деятельности императора Николая II представлена в книге К. А. Соловьева [132], посвященной политической повседневности 1906–1917 гг.

Апологетическая оценка этого периода представлена в книгах А. А. Борисюка [14], П. В. Мультиатули [75]. Время правления Николая II стало временем небывалых технических и экономических достижений. А. А. Борисюк в своем исследовании убедительно это доказал. Он справедливо отмечал: «В советское время эпоха Николая II была превращена в сознании людей в некое темное царство...» [14, с. 5]. При последнем царе появились следующие новые города: Североморск (1896), Кисловодск (1899), Мурманск (1916), Новосибирск (1903), Уссурийск (1898), Южно-Сахалинск (1915). Быстрыми темпами строились железные дороги. Например, самая северная Мурманская железная дорога (1,5 тыс. км) была построена за 20 месяцев, благодаря чему объем промышленной продукции вырос в пять раз.

В. В. Шелохаев охарактеризовал Россию начала XX в. как одну из динамично развивающихся стран мира: «За 1909–1913 гг. тяжелая промышленность в 1,5 раза увеличила объем производства. Причем, тяжелая промышленность по темпам роста (соответственно 174, 5 %

против 137,7 %) опережала легкую промышленность» [127, с. 209]. Несмотря на это, Россия продолжала оставаться аграрно-индустриальной страной. Быстро растущая численность населения (1897 г. – 129 млн, 1914 г. – 178 млн) сводила на нет позитивные сдвиги в индустриализации. По урожайности хлеба Россия занимала 15-е место среди европейских стран. По сбору и потреблению хлеба на душу населения – 18 пудов – Россия также уступала ведущим странам: США – 43,7, Германии – 20,5, Франции – 19,1. Неслучайно консервативный журналист М. О. Меньшиков выделял нехватку хлеба как одну из главных проблем России. Только достаток хлеба и чистая вода могут сохранить народное крестьянское здоровье.

Историки критического направления полагают, что в начале XX в. под фасадом видимого благополучия «...скрывались весьма серьезные проблемы, которые вели к нарастанию напряженности в обществе, появлению очагов конфронтационности, переросших... в серьезные социальные и национальные конфликты...» [127, с. 208].

Развитию российской экономики после Первой русской революции препятствовали следующие факторы: экономический кризис, продолжавшийся до 1909 г., нехватка капиталов, отсутствие подготовленных инженерных и рабочих кадров, активное вмешательство чиновников в экономику. Среди социальных проблем России этого периода обычно выделяют дальнейшее социальное расслоение населения вследствие реформ П. А. Столыпина: «Происходила дальнейшая социальная поляризация российского общества, увеличивалась доля малоимущих и неимущих, что объективно вело к нарастанию антибуржуазных тенденций в сознании деревенских и городских «низов», так и не сумевших в своей массе адаптироваться к модернизационному процессу» [127, с. 211]. Новые группы населения – рабочие, буржуазия – не вписывались в традиционную систему социальных отношений: «Парадокс истории заключался как раз в том, что авторитарный режим, инициировав в 60–70-х гг. XIX в. “сверху” модернизационный процесс, породил в лице новых классов социальных слоев собственных могильщиков, претендующих на власть и передел собственности» [127].

Другой острой социальной проблемой оставалась неграмотность. Россия по уровню грамотности занимала одно из последних мест в Европе. Согласно переписи населения 1897 г., только 21 % населе-

ния России были грамотными. Основная масса трудящихся была социально не защищена: вплоть до 1905 г. рабочие не имели права на создание профсоюзов. Рабочий день составлял 11,5–12 часов, причем женщины и мужчины получали разную зарплату за одинаковую работу. Острые социальные проблемы были питательной средой как для левого, так и для правого радикализма.

Интенсивно происходивший модернизационный процесс обострил национальный и религиозный вопросы. Ряд территорий империи – Польша, Финляндия, Кавказ – стремились выйти из ее состава. Это соответствовало точке зрения В. И. Ленина о том, что на стадии империализма у буржуазии национальных окраин возникает потребность к образованию национальных государств.

Религиозный вопрос расколол даже консерваторов. Одни, как Иоанн Кронштадтский, продолжали выступать за сохранение государственного статуса православной церкви, другие, например, Л. А. Тихомиров, выступали за ее реформирование, восстановление патриаршества.

Можно согласиться с выводом В. В. Шелохаева: «Модернизационный процесс ускорил раскол общественного сознания, внес диссонанс в сложившуюся традиционную систему представлений о мире и человеке, добре и зле, чести и справедливости. Модернизация способствовала конфронтационности в российском обществе, окончательному расколу его по идейно-политическому и партийному признакам... в начале XX в. в России существовало около 150 партий... Общественная атмосфера в России... напоминала уже готовый к взрыву “идеологический и партийный” котел» [127, с. 213].

Кроме того, в начале XX в. в мире резко обострились геополитические противоречия. Россия была вынуждена направлять значительные средства на национальную оборону.

Современные ученые отмечают следующие характерные особенности экономической ситуации в России в начале XX в.: «...стремительная пролетаризация протекала как урбанизация крестьян, мощным потоком привносящих в рабочую среду общинное, коллективистское, антисобственническое мирозерцание; осложняющие капитализацию села реформы 60-х и контрреформы 80-х г. XIX в. стабилизировали нерыночные традиционные устои хозяйства. Страна, где сельским трудом занято $\frac{3}{4}$ населения, ведущего непродоволь-

ную землеобработку, невзирая на промышленные рывки, оставалась цивилизационно отсталой... Деревенское население в европейской России в пореформенное время выросло на 40 миллионов, количество земли на мужскую душу уменьшилось с 4,8 десятин до 2,6. Безземельные составляли до 30 % членов общины» [36, с. 58–59].

Как отмечал В. В. Ильин, даже к февралю 1917 г. сознание крестьян продолжало оставаться патриархальным, отвергающим либеральные идеи права, законности, ответственности личности перед обществом: «Власть пыталась открыть возможность социального и экономического развития, что, в конечном счете, должно было, по мнению реформаторов, укрепить общество и государство. Крестьянство же мечтало о другом: полном избавлении от всех видов государственной повинности, государственности как таковой. Существование диаметрально противоположных оценок государственности как раз и означало отсутствие в культуре минимально необходимого для диалога базового консенсуса» [36, с. 274].

Общий вывод историков, критически оценивающих правление Николая II, заключался в том, что «...в начале XX в. в России очаги конфронтационности между властью и обществом слились в единый общенациональный кризис. По сравнению с западноевропейскими странами синхронного типа развития, где в ходе модернизации были созданы рыночная экономика, гражданское общество и правовое государство, в странах асинхронного типа развития, к каковым принадлежала и Россия, модернизация своей задачи в полном объеме не решила» [127, с. 216].

После подписания манифеста от 17 октября 1905 г. Россия перестала быть абсолютной монархией. Формирование новой модели государственности, введение гражданских и политических свобод, пусть в ограниченном масштабе, привело к необходимости обсуждения и решения различных вопросов, например, о новой роли Православной церкви и свободе совести.

Примером того, что политическая ситуация в стране изменилась в октябре 1905 г., являются различные проекты общественно-политического и социально-экономического развития России, появившиеся в эпоху Первой русской революции. Они появились в документах и материалах партии кадетов и их идеологических оппонентов, российской крайне правой консервативной организации – Союзе русского народа. В этих проектах рассматриваются такие важные темы, как фор-

мирование народного представительства, пути решения аграрного, национального и вероисповедального вопросов. При анализе проектов можно сделать вывод, что программа и практическая деятельность Союза русского народа, основанная на разжигании низменных инстинктов толпы, ксенофобии, антисемитизма, апелляции к отжившим политическим институтам, привели это движение правого радикализма к идейному и организационному краху. Проект общественного развития России, предложенный крайне правыми консерваторами, являлся утопичным, тупиковым, не соответствующим модернизационным изменениям России. Можно также сделать вывод и о нежизнеспособности проекта развития в России партии кадетов, реализации которого помешали завышенные требования кадетов к власти, гордыня лидеров, излишний радикализм действий, неспособность к политическому компромиссу. Величайшей иллюзией было партийное убеждение, что Россия может стать такой страной, как Англия.

Во время Первой русской революции 1905–1907 гг. российскими крайне правыми и либералами были предложены различные модели развития России. Общество «Союз русского народа» выступало за сохранение традиционных, консервативных устоев политической и общественной жизни, пересмотр положений манифеста от 17 октября 1905 г. В свою очередь, партия кадетов считала необходимым развивать конституционное движение, добивалась создания ответственного перед Государственной думой министерства. Большие различия существовали между двумя этими политическими направлениями по национальному и аграрному вопросу. В монографии с учетом архивных документов предпринята попытка проследить особенности двух моделей развития России – консервативной и либеральной. Новизной является исследование представления консерваторов-черносотенцев (Союза русского народа) о духовных основах самобытности русского народа и путях его дальнейшего развития по материалам программных документов Союза русского народа, представленных в ГА РФ. Впервые анализируется еженедельник «Вестник партии народной свободы» за 1907, 1908 гг., представляющий большой интерес для понимания формирования партии легальной политической оппозиции. Был сделан вывод о перспективности пути, предложенного партией кадетов.

Время первой русской революции 1905–1907 гг. стало важным историческим этапом в развитии России. После октябрьского мани-

феста 1907 г. в течение нескольких месяцев сформировалась многопартийная система. В ней были представлены различные политические партии и организации, от правых до левых. Здесь можно сделать вывод, что во время революции формировалась полноценная многопартийная система с программами, политической конкуренцией. Конечно, оппозиционные самодержавию политические партии находились в неравноправном положении по сравнению с проправительственными организациями, которым сочувствовал сам государь Николай II.

Либеральный (кадетский) проект преобразования России. Деятельность партии народной свободы (кадетов) в I и во II созывах Государственной думы можно изучать не только по мемуарной литературе и документам. Большое значение имеет изучение «Вестника партии народной свободы». В нем подробно рассматривалась думская деятельность кадетов, публиковались статьи ее лидеров – П. Д. Долгорукова, П. Н. Милюкова, В. Д. Набокова, П. Б. Струве, А. В. Тырково-Вильямс и др. – по актуальным для России вопросам, печатались предлагаемые ими законопроекты. Изучение этого издания позволяет сделать вывод, что кадеты являлись либеральной партией, ставящей в качестве приоритета защиту прав личности от чиновничьего, полицейского и судейского произвола. Кадеты были блестящими правоведами, публицистами, историками. С думской трибуны в своих изданиях они отстаивали буржуазно-парламентский строй и буржуазную демократию. Они старались быть настоящей парламентской партией, признавали необходимость проведения политических дискуссий. Свою историческую миссию кадеты видели в обновлении России на началах права и свободы, для этого считали очень важным сохранение, развитие и углубление российского парламентаризма. С большой настойчивостью кадеты выступали за создание правительства, ответственного перед Государственной думой, за действенный парламентский контроль над властью. У кадетов было свое представление о том, как должна развиваться Россия, как должны строиться взаимоотношения между властью и оппозицией, какой должна быть политика государства в аграрном, конфессиональном, рабочем вопросах. Интересны заметки лидеров кадетов о российских крайне правых, их программах и тактике. Они правильно видели слабости этого маргинального движения, апеллирующего к низменным инстинктам толпы, предрекали ему поражение. Имея свою стабильную социальную базу – про-

фессоров, приват-доцентов, интеллигенцию, земских деятелей – кадеты стремились к мирному проведению политической реформы. Они были убеждены, что сам ход политической и экономической модернизации России неизбежно приведет к парламентскому правлению и реальному ограничению самодержавной монархии.

В этом плане любопытна статья А. И. Шингарева «Вне Думы», опубликованная 30 августа 1907 г. В ней А. И. Шингарев оценивает скромные результаты деятельности первых двух Дум, отмечает, что никто пока не знает, какой будет третья Дума – господской, узко-классовой или настоящим демократическим представительством. Депутат понимал, что переход к новому строю – долговременный процесс: «Едва ли найдется более трудная работа человеческого творчества, нежели работа воплощения в законодательные нормы разнообразнейших и противоречивых человеческих отношений. Недаром эта работа требует десятилетий и коллективного труда сотен народных представителей» [160, с. 1537]. С некоторой долей высокого самомнения А. И. Шингарев отмечал, что без партии кадетов эту работу выполнить некому. Кадеты понимали неизбежность дальнейшего развития России по конституционному пути. Александр Иванович пишет о том, что обратной дороги нет: «Как бы ни была глубока наступившая реакция, ...как бы ни был, наконец, преобладающий в третьей Думе “господский” элемент из породы истинно-русских хулиганов, ...все же эта реакционная волна, эта господствующая политика охраны старых привилегий не может изменить исторических законов и не в силах пробуждающийся стомиллионный народ остановить в его развитии! Назад возврата нет, что бы ни писали кликуши, фанатики... Народ страстно ждет творческой, сознательной работы» [160, с. 1537].

В качестве примера того, какой идеал общественно-политического устройства видели кадеты в будущей России, можно привести речь Ф. Ф. Кокошкина на процессе 169 депутатов Государственной думы I созыва, подписавших Выборгское воззвание. Признавая только народный суд и суд истории, Кокошкин говорил: «Мы были народными представителями... Именно от нас ожидалось обновление государственного строя, ожидалось, что мы выведем страну на путь мирного развития» [45, с. 2017]. «Вестник партии народной свободы» 18 декабря 1907 г. опубликовал его выступление в защиту депутатов распущенной Думы: «Мы хотели способствовать тому, чтобы Россия

сделалась страной свободной, правовым государством, где право было бы поставлено выше всего, где праву были бы подчинены все, от высшего представителя власти до последнего гражданина. Мы хотели сделать Россию страной счастливой и процветающей. Мы знали, что для этого путь только один – поднять благосостояние низших трудящихся классов населения» [45, с. 2019].

В своей интересной и содержательной статье «Федор Федорович Кокошкин» В. В. Шелохаев сообщил немало любопытного об этом человеке. Так, он был в 1905 г. разработчиком проекта русской конституции, где обосновал «...необходимость создания в России двухпалатного народного представительства с законодательными функциями. При этом Кокошкин выступил против имущественного (податного) ценза, настаивал на введении всеобщего избирательного права» [123, с. 323]. Он также был автором национального раздела программы кадетской партии, отстаивал необходимость унитарного устройства: «Отстаивая лозунг «единой и неделимой империи», Кокошкин самым решительным образом высказался против леворадикальных требований политического самоопределения наций и федеративного устройства государства, считая их лежащими «вне области практической политики». В представлении Кокошкина попытка реализации этих лозунгов открывала прямой путь к распаду государства и анархии» [123, с. 325]. Правовед отстаивал развитие местной автономии, не нарушающей государственного единства. Будучи либералом, Федор Федорович выступал за неприкосновенность частной собственности при проведении аграрной реформы. При этом он допускал передачу помещичьей земли крестьянам при справедливом вознаграждении. По его мнению, отстаивание гражданских прав невозможно было без формирования нации как необходимого фундамента современного правового государства. В речи 5 июня 1906 г. он говорил: «...у нас юридически, по нашему законодательству, в настоящее время... нет нации, в юридическом смысле слова; у нас есть только отдельные группы населения, отдельные племена, национальности и сословные группы, ...но они юридического целого не составляют. У нас нет до сих пор общегражданских прав, есть только права состояния, у нас и суд приговаривает не к лишению гражданских прав, а прав состояния. Народа, нации в политическом смысле этого слова у нас нет. Нация – необходимый фундамент современного правового государст-

ва... нужно создать русский народ в юридическом смысле этого слова, нужно создать нацию, а таковой в наше время может быть только союз свободных, равных граждан» [125, с. 331–332].

Кадеты справедливо требовали проведения реформ с учетом мнений различных политических сил. В качестве примера можно привести их отношение к столыпинской аграрной реформе. В годы правительственной реакции кадеты старались сохранить самое весомое достижение российской революции – российский парламентаризм. Оценивая общественно-политическую атмосферу страха и беззакония в стране, в январе 1907 г. Владимир Набоков отмечал: «Нет и не может быть доверия правительству... По прежнему на всем пространстве России под сенью военных положений, усиленных и чрезвычайных охран, хозяйничают безответственные полновластные администраторы. По-прежнему вершат зловещую роль полевые суды. Ничего не изменилось ни в приемах управления, ни в лицах управляющих... С прежней бесцеремонностью трактуются «дарованные свободы». И на фоне этой мрачной и неотрадной картины выделяются непрерывные террористические акты, обнаруживающие все бессилие и всю несостоятельность кровавых правительственных репрессий» [79, с. 6].

После роспуска Государственной думы I созыва П. Б. Струве охарактеризовал ее роль в истории России, назвав Думу драгоценным завоеванием народа. Причины ее роспуска состояли в боязни чиновничьей бюрократии общественной самостоятельности: «Для того, чтобы полнота власти оставалась в руках фактически безответственной бюрократии... Первая Дума ясно и громко сказала, что для того, чтобы водворить в России свободы, законность, общественный мир и порядок, необходимо тесное единение власти исполнительной с народным представительством, необходимо думское министерство» [140, с. 73]. П. Б. Струве сравнивает прусскую бюрократию с российским чиновничеством.. Прусская бюрократия была приучена уважать закон и порядок, а российское чиновничество не воспитало в себе этих свойств. На примере столыпинской аграрной реформы 9 ноября 1906 г. П. Б. Струве резко критиковал безответственность и некомпетентность российской бюрократии. Его поразило, как П. А. Столыпин, не советуясь с Думой, одним росчерком пера решил судьбу общины. Этот закон: «...представляет в истории гражданского законодательства единственный в своем роде пример самой легкомысленной

ломки гражданских правоотношений одним росчерком пера. Само издание этого закона составляет какую-то зловещую политическую загадку, ибо издавать такой временный закон по такому коренному вопросу имело смысл лишь при задней мысли, что временным является не закон, а Государственная дума» [140, с. 74–75]. П. Б. Струве отметил быстроту и масштабность революционных преобразований. Старого строя уже не вернуть: «Я признаюсь вам, когда я в 1901 г. покинул Россию, чтобы основать “Освобождение” и в нем вести борьбу со старым порядком, я думал, что в лучшем случае, мне придется не раньше, чем через 20 лет вернуться на родину. Дальневосточный гром разбудил государственное сознание и политическую совесть русского народа и то, что представлялось отдаленной мечтой политического изгнанника, сбылось. Я говорю это к тому, чтобы подчеркнуть, что, вовлеченные в вихрь огромного переворота, мы часто забываем, как громаден и труден этот государственный переворот» [140, с. 77–78].

Кадеты отстаивали право оппозиционных партий на участие в формировании внешней политики страны. С. А. Котляревский связывал установление конституционного, демократического государства с всеобщим избирательным правом, с формированием действительно общенациональных интересов во внешней политике. Внешняя политика России конца XIX в. представляла собой политику «...случайностей и авантур. И на нее падает ответственность и за великое народное бедствие – русско-японскую войну» [50, с. 79]. С. А. Котляревский критиковал российское законодательство, которое изъяло внешнюю политику из сферы ведения Государственной думы. Царская бюрократия и в этой сфере не желала делиться властью с оппозицией. Также следует отметить, что кадеты традиционно выступали за союз с Великобританией: «Что же касается задач конкретной международной политики, то здесь на первом плане должна, по нашему мнению, стать подготовка союза с Англией. Этот союз поставил бы Россию в независимое отношение от Германии» [50, с. 81]. С. А. Котляревский полагал, что делу обновления России на началах права и свободы будет способствовать ее тесная связь с передовыми западными демократиями, чем с милитаристической Германией. Он также выражал надежду, что Государственной думе будет со временем предоставлено хотя бы скромное участие в международной политике.

Кадеты и аграрный вопрос. Для кадетов решение аграрного вопроса имело большое значение. Они выступали за коренное улучшение сельской жизни. В. Е. Якушкин отмечал: «Россия – страна крестьянская и вопрос быта крестьянина-земледелца, вопрос обеспечения его землей – является наиболее важным среди задач русской жизни, всей нашей внутренней политики» [169, с. 447]. Он сделал вывод, что освобождение крестьян в 1861 г. привело в реальности к уменьшению земельных участков крестьян. Поэтому партия кадетов разработала законопроект по земельному вопросу. Крестьянин должен пользоваться достаточным участком на подходящих, необременительных условиях. Но прежде чем начинать реформы, следовало этот вопрос досконально изучить. Петр Дмитриевич Долгоруков предлагал создать местные земельные учреждения, которые займутся изучением земельного вопроса на уровне уезда и губернии. В губернских комитетах нужно сосредоточить все поступающие архивные материалы из межевой, статистической и нотариальных комиссий. Кроме того, П. Д. Долгорукий считал, что крестьян надо воспитывать, образовывать, а не разжигать их инстинкты, как это делают крайне правые. Необходимо путем опроса крестьян узнать их потребности. Кадеты предлагали систематическое участие крестьянства в этих комитетах. На уездные земельные комитеты кадеты хотели возложить обязанности собирать следующие сведения: о численности приписного и наличного сельского населения, занимающегося сельским трудом; о площади земель, состоящих во владении крестьян и помещиков; о качестве и доходности земель; о площади земель, находящихся в аренде у земледельцев. Таким образом, аграрной реформе должна была предшествовать тщательная подготовка. Кадеты выступали за увеличение земельных наделов крестьян за счет казенных ресурсов и перераспределения помещичьих земель. Помещичьи земли они предлагали отчуждать на основе справедливого вознаграждения за счет государства. Однако правительство посчитало произвольное отчуждение помещичьих земель недопустимым шагом. Именно на этой почве у кадетов были существенные разногласия с правительством П. А. Столыпина. В. Е. Якушкин представил позицию своей партии по этому вопросу: «Не обеспечения малоземельных и безземельных желает Столыпин, он желает создать такие условия, при которых наделные земли могли бы сосредоточиться в крепких руках, ...перешли бы к кулакам. Столы-

пинская аграрная реформа, если бы она осуществилась, внесла бы крайнюю смуту, внесла гибель в страну, и Государственная дума должна с самого начала высказать осуждение этим мерам и отменить их. Так аграрный вопрос решен быть не может» [169, с. 459]. Кадеты хотели донести до избирателей следующую мысль: крестьянам нельзя получить землю без изменения политического строя. Таким образом, связь между экономическими и политическим задачами неразрывна.

Церковный вопрос в оценке кадетов. Кадеты выступали за реформирование отношений Православной церкви и государства. Будучи сторонниками светского государства, они предлагали освободить церковь от государственного контроля, опеки. Кроме того, было очевидно, что они хотят ограничить роль церкви в обществе. При центральном комитете партии кадетов была образована особая комиссия. В ее состав вошли Н. И. Новгородцев, В. О. Ключевский, П. В. Долгоруков, С. А. Котляревский.

Комиссия ввела следующие меры в области церковного вопроса: «Православной русской церкви принадлежит право свободного самоуправления на началах истинной соборности с участием мирян, согласно учению самой церкви. Все узаконения, ставящие высшее церковное управление в положение подчиненного органа государственного управления, отменяются... Активное вмешательство обер-прокурора в дела церкви и определение личного состава высшей иерархии и высшего церковного управления устраняется [123, с. 27]. Церковно-приходским общинам предоставлялось право юридического лица, они получали права на приобретение собственности, устройство собраний, участие в выборах на церковные должности. Кадеты предлагали уничтожить сословную кастовость духовенства путем свободного доступа в духовно-учебные заведения и на церковные должности. Очень важным, в духе светского государства, было следующее предложение: «С духовенства снимаются обязанности по ведению всяких актов гражданского состояния (метрических, брачных, по воинской повинности, статистических и пр.) и по объявлению с церковной кафедры манифестов, указов и других государственных распоряжений, а также всяких обязанностей полицейского свойства» [123, с. 27]. Также кадеты полагали, что нужно отменить распоряжение Святейшего Синода о возможности нарушения тайны исповеди священниками, действовавшее еще с петровских времен.

Кадеты о крайне правых. В «Вестнике партии народной свободы» был интересный раздел «Из жизни других партий». Кадеты довольно подробно, из номера в номер, информировали своих читателей о жизни других партий, в том числе и крайне правых. Так, в № 1 за 1907 г. говорилось об объединении правых организаций – Союза русского народа, Кружка дворян, Союза землевладельцев, Русской монархической партии, говорилось и о требованиях к объединению. Вопрос о соглашении с октябристами возможен, но только с теми, кто заявят себя заведомыми противниками равноправия евреев.

Комментируя итоги избирательной компании в Государственную думу II созыва, П. Н. Милюков сделал следующие выводы: во-первых, представительство кадетов сократилось со 184 до 117 депутатов; во-вторых, «...это появление сильной группы крайне правых» [68, с. 510]. Крайне правых было избрано 63 депутата. Павел Николаевич так определил тактику правых в Думе: «Программа крайне правых обрисовывалась ясно и ярко: они не стоят на конституционной почве... Они идут в Думу для разрушения Думы, они не признают ее истинным народным представительством и требуют реставрации самодержавия, их средство – прямое обращение к верховной власти, угрозы – не всегда ограничивающиеся словами, как известно, в Думе они будут очень опасны потому, что их роль – роль провокаторов. Они открыто желают подготовить государственный переворот, в который может быть втянута часть войск» [68, с. 512]. Милюков так высказался о правых: «Намерения и скрытые цели правых... всецело направлены на то, чтобы сорвать Думу... Но правые оказались страшными лишь «до открытия рта». Кроме смешного, ничего страшного не оказалось в речах их лидеров. Они хотели быть провокаторами, а оказались шутами» [68, с. 514]. Владимир Набоков, подводя итоги двухмесячной деятельности крайне правых в Думе, отмечал, что в деятельности крайне правой группы откровенно и грубо обнажены все классовые, сословные инстинкты и вожеления.

«Вестник партии народной свободы» подробно информировал своих избирателей о программах крайне правых. Приводились материалы из газеты СРН «Русское знамя»: «Его императорскому величеству. Возлюбленный государь! ...взгляни на истерзанную Россию, скажи свое грозное, властное слово... на место павших верных слуг твоих встанут другие, не менее верные... обопрись на нас, как на мо-

гучий устой, исходящий из глубины веков. Мы не увлекаемся примером Запада, нам чужды парламентские приемы, а при законах, обошедших сословность, народ не в силах повсюду дать тебе истинных представителей своих. Лицемерная интеллигенция ушла от народа, голос ее — не народный голос... Молим тебя, венценосный Отец наш, во имя величия предков твоих, во имя славы и единства России, не слушать коварных советчиков, которые будут стоять за ограничение монархической власти твоей и оставаться таким же самодержцем, как и встарь, во славу Родины нашей и на благо поданных твоих» [68, с. 570].

Представление о будущем развитии России в документах Союза русского народа. Организованная 8 ноября 1905 г. на квартире доктора А. И. Дубровина общественная организация «Союз русского народа» стала крупнейшим объединением русских правых во время Первой русской революции и в послереволюционный период. В монографии Ю. И. Кирьянова «Правые партии в России. 1911–1917 гг.» было подробно рассказано о различных правых объединениях, образованных в 1905 г., например, о «Русской монархической партии», которую возглавил редактор «Московских ведомостей» В. А. Грингмут, «Союзе русских людей» князя А. Г. Щербатова, но при этом была особо выделена роль СРН: «В 1906–1908 гг. в России начитывалось более двух десятков правомонархических союзов. В большинстве своем они стали объединяться вокруг главной правой партии — Союза русского народа, во главе которого встал А. И. Дубровин — детский врач, вышедший из семьи полицейского. Первыми членами Главного совета СРН стали А. А. Майков, А. И. Тришатный, И. И. Баранов, В. М. Пуришкевич» [43, с. 5].

В последние годы были изданы сочинения идеологов русских правых, например А. И. Дубровина [32], В. А. Грингмута [26], князя А. Г. Щербатова [163], Н. Е. Маркова [57].

Опубликованы мысли о России видных церковных консерваторов, близких к русским правым — Иоанна Кронштадтского [131] и архиепископа Никона Рождественского [88]. К столетию Союза русского народа была выпущена книга «Воинство Святого Георгия» [23].

Автор монографии использовал материалы фонда № 116, хранящиеся в ГА РФ, где представлены протоколы и постановления всероссийского съезда СРН, уставы союза и его отделов и другая чернотенная литература.

Одним из ранних документов, представленных в архиве, является устав общества под названием «Союз русского народа», опубликованный 7 августа 1906 г.

При рассмотрении программы общества «Союз русского народа» важно отметить, что члены его отказывались именовать свое движение политической партией. Это могло привести к нежелательному для них сравнению движения, основанного на самобытных русских началах, с западными политическими партиями. Партийная организация общества отрицалась консерваторами по той причине, что она разъединяла общество на отдельные враждебные группы, а целью Союза было объединение всего русского народа, что сформулировано следующим образом: «“Союз русского народа” постановляет себе неуклонной целью развитие национального русского самосознания и прочное объединение русских людей всех сословий и состояний для общей работы на пользу дорогого нашего Отечества – России единой и неделимой» [149, с. 3].

Программа Союза русского народа включала следующие положения: сохранение Православия, русского неограниченного самодержавия и народности, предоставление Православной церкви первенствующего среди других религий положения. Это положение объяснялось тем, что «Русский народ – народ православный, а потому Православной христианской церкви, которая должна быть восстановлена на началах соборности и состоять из православных единоверцев и воссоединенных с ними на одинаковых правах старообрядцев, должно быть предоставлено первенствующее и господствующее в государстве положение» [150, с. 4].

Представители Союза русского народа считали необходимым восстановление патриаршества в России, так как синодальное устройство церкви было слишком забюрократизировано.

Важнейшим для членов «Союза русского народа» был вопрос о государственной власти. Представители Союза выступали за неограниченную самодержавную монархию: «самодержавие русское создано разумом, благословлено Церковью и оправдано историей; самодержавие наше в единении Царя с народом» [150, с. 3].

Для консерваторов – черносотенцев была характерна резкая критика современных бюрократических учреждений. Союз русского народа «...отмечает, что современный бюрократический строй, засло-

нивший светлую личность Русского царя от народа и присвоивший себе часть прав, привел наше отечество к тяжелым бедствиям и потому подлежит коренному изменению; при этом Союз твердо устанавливает, что изменение действующего строя должно совершаться отнюдь не проведением в жизнь ограничительных начал в форме каких бы то ни было конституционных или, вообще, учредительных собраний, но лишь путем учреждения Государственной думы, как органа, являющего из себя создание непосредственной связи между державною Волею Царя и правосознанием народа» [150, с. 4].

Члены Союза русского народа высказывались за то, чтобы в вопросах государственной жизни и государственного строительства русская народность имела первенствующее значение. Это было связано с тем, что именно русская народность была собирательницей земли русской. Именно она создала великое и могущественное государство. Поэтому «Все учреждения государства Российского должны стремиться к поддержанию величия России и преимущественных прав русской народности, деятельность их должна строиться на строгой законности» [150, с. 4]. Оценивая работу Государственной думы I и II созывов, они полагали, что Дума стала местом крамолы, духовного расчленения русского народа, вступали за ограничения власти Думы до совещательного статуса. В программе говорилось о том, что иностранцы должны гордиться тем, что принадлежат к составу Российской империи. Русский язык объявлялся господствующим языком Российской империи.

Члены СРН видели в Государственной думе исключительно совещательное учреждение, созданное волею государя Николая II с целью получения большей информации для объективного понимания жизни народа. Такая трактовка прав Государственной думы нашла отражение в следующем положении программы: «Государственная дума, чуждая всяких ограничений Верховной царской Власти, должна быть национально-русской. Она обязана правдивым освещением о действительных нуждах Народа и Государства помогать Законодателю осуществлять назревшие преобразования» [150, с. 5].

Следует отметить, что русская народность включала для СРН не только великороссов, но и белорусов и малороссов. Различий между этими народами не делалось.

Для окончательного подавления революции правые предлагали политически неблагонадежным лицам запретить участвовать в выборах в Государственную думу, ввести военное положение, восстановить действие военно-полевых судов, обуздать революционную печать путем более строгой цензуры, уничтожить институт выборных судей. Во время Первой русской революции консерваторы-черносотенцы выступали за наведение порядка на основании закона, введение четких правил для работы средств массовой информации. Они полагали, что безграничная свобода может привести только к анархии: «Ближайшая деятельность правящих властей неуклонно направляется к установлению строгого порядка и законности на твердых началах свободы слова, печати, собраний, союзов и неприкосновенности личности, но с установлением правил, определяющих границы указанной свободы, дабы не нарушался государственный правопорядок и не затрагивались бы права отдельных лиц» [150, с. 5]. В программе СРН говорилось о необходимости принятия активного участия в выборах в Государственную думу. Черносотенцы полагали, что очень важно было сформировать депутатский корпус из своих единомышленников.

Среди других сфер деятельности своего общества черносотенцы выделяли просвещение народа. Просвещение «...для развития в населении сознательной политической жизни в духе самодержавия и для распространения в населении христианских начал, укрепляющих патриотическое чувство...» [150, с. 5].

Кроме того, они связывали деятельность Союза со строительством церквей, больниц, домов трудолюбия, создания касс взаимопомощи, промышленно-сберегательных товариществ с целью поднятия материального благосостояния всех своих членов. Уставы касс и товариществ разрабатывались при Главном Совете Союза в Санкт-Петербурге.

Большое внимание в программе СРН было уделено аграрному вопросу. Одним из предложений, озвученных в программе, являлось создание «Всероссийского банка Союза русского народа». Его отделения на местах предлагалось назвать «Крестьянскими банками Союза русского народа». Целью деятельности банков утверждалось «...поднятие исключительно русской торговли и промышленности и доставление крестьянам дешевого кредита и возможности продавать продукты своего производства при помощи банка по хорошей цене преимуще-

ственно самими потребителями, а не перекупщиками» [150, с. 7]. В дальнейшем члены СРН, критикуя еврейский посреднический капитал, предлагали через газету «Русское знамя» разослать каталоги русских фирм торговцев.

Все лица некоренного русского происхождения могли также быть приняты в ряды Союза русского народа, но только при соблюдении целого ряда процедур. Во-первых, необходимо единогласное согласие соединенного собрания членом совета и членом-учредителей, в составе председателя совета, шести членом совета и половины числа членом-учредителей.

Все должности в СРН могли занимать только лица православного вероисповедания. Крайне правые считали, что во время революции евреи показали себя ненавистниками имперской государственности. Поэтому в уставе СРН сохранялись ограничения для евреев при занятии высших должностей: «Евреи в члены Совета никогда допущены быть не могут, даже в том случае, если примут христианство» [150, с. 8]. Кроме того, члены СРН выступали за то, чтобы не сдавать евреям в аренду церковные земли, не привлекать их к работам внутри православных церквей, не разрешать им торговать священными предметами. Правительству предлагалось не давать разрешения евреям работать врачами, судьями, землемерами, депутатами, госслужащими и депутатами Государственной думы, не давать казенных подрядов, ограничить права евреев в промышленности и банковской деятельности, бойкотировать еврейские лавки. Не брать евреев на военную службу, заменив ее 600 рублевым налогом. Они призвали также строго наказывать членом еврейской самообороны. Крайне правые предлагали выселить евреев в другие страны, например, в Палестину. Таким образом, взгляды черносотенцев по еврейскому вопросу были очень нетерпимыми и разжигали национальную рознь. Призывы обособиться от евреев во всех областях жизни – социально-политической, экономической, судебной, культурной, образовательной – иначе как расизмом не назовешь. Нетерпимые предложения в отношении черносотенцев были высказаны в то время, как П. А. Столыпин выступал за ликвидацию черты оседлости для евреев, а П. Б. Струве предлагал использовать деловые качества евреев для экономической экспансии России в бассейне Средиземноморья.

Большое внимание крайне правыми уделялось рассмотрению положения Православной церкви. Депутаты были встревожены нарастающим безверием, утратой церковью своего влияния среди паствы. Причина колебания родной православной веры была найдена в упущениях и настроениях самого духовенства.

Вопрос о развитии образования также нашел отражение в деятельности крайне правых. Черносотенцев тревожило распространение социализма, либерализма, масонства. Они считали, что школы мало обращают внимание на нравственное воспитание детей и юношества и на укрепление в них православной веры. Защиту от этой, по их словам, духовной заразы они видели в увеличении числа уроков Закона Божия в школах и средних, высших учебных заведениях и в усовершенствовании миссионерской деятельности, для чего предлагали следующие шаги:

- 1) заменить, где возможно, земские школы церковно-приходскими;
- 2) создать учебные заведения, имеющие прикладной характер. Лучше всего устраивать по деревням ремесленные или земледельческие школы, где учили бы нравственности, Закону Божию и полезным для крестьянства знаниям ремесел и хозяйства;
- 3) назначать учителей из политически благонадежных. Запретить преподавать в школах и других учебных заведениях евреям и выкрестам;
- 4) очистить библиотеки от политически вредных книг;
- 5) изъять из школ богоборные книжки Л. Н. Толстого.

Черносотенцы предлагали не допускать приема в церковно-приходские школы еврейских детей. Они также выступали против совместного обучения русских и еврейских детей. Высшие учебные заведения не должны были заниматься политикой. Крайне правые выступали за увольнение занимающихся политикой преподавателей и студентов. Проштрафившиеся учебные заведения следовало закрывать. Для успокоения студентов нужно было уничтожить студенческие сходки, партии и землячества.

Актуальным для СРН являлся аграрный вопрос. Крайне правые были убежденными сторонниками сохранения крестьянской общины: «Крестьянское сословие необходимо сохранить во всей его бытовой неприкосновенности, а крестьянское землевладение должно быть ограждено от скупки и перехода каким бы то ни было способом к лицам иных сословий, инородцам и особенно евреям...» [150, с. 19].

Борьба с ростовщицеством и упорядочение арендной платы были одними из главных элементов их программы. Консерваторы-черносотенцы выступали против скупки земли кулаками, как русскими, так и еврейскими, поэтому предлагали ограничить продажу крестьянской надельной или выкупной земли.

Черносотенцы не могли оставить без внимания аграрную реформу Столыпина. Отношение к этой реформе было настороженным. С одной стороны, они не желали сопротивляться введению «отрубов» (земельных участков, выделенных из общинной земли в единоличную собственность). С другой – обращали внимание императора на чиновничье давление в отношении крестьян. Крестьянам не дают самим определиться, какой вариант аграрного землепользования будет им выгоден. Черносотенцы считали, что при проведении аграрной реформы нужно учитывать региональные различия. В такой большой стране, как Россия, на юге привыкли жить хуторами, а на севере – общинами. Поэтому нужно дать крестьянам время и возможность самим разобраться в этом деле.

В целом симпатии консерваторов-черносотенцев были на стороне крестьянской общины. Они признавали более желательным «...сохранение общины как основной формы деревенской жизни, потому что общинное хозяйство легче вести как уже налаженное, привычное... община ограждает слабых, вдов, сирот, спасая их от голода. В случае разбойных нападений и т. п. община защищается вся вместе, разделяя общую беду общим ответом. Общину легче охранять и спасать даже, пожалуй. Все это делает жизнь лучше и спокойнее. Разделенные на хутора совсем беззащитны от лихих людей и грабителей» [150, с. 23]. Для рассмотрения аграрного вопроса предлагали созвать всеобщий Земский собор.

Консерватизм черносотенцев проявлялся в их отрицательном отношении к передаче иностранцам казенных земель, а также минеральных ресурсов. Они полагали, что казенные земли и леса, а также нефть и некоторые минеральные богатства должны оставаться за государством. Они критиковали позорную, по их мнению, зависимость России от капиталистических стран. Среди предложенных мер можно выделить: 1) уничтожение золотой валюты и введение национального кредитного рубля; 2) увеличение количества денежных знаков в экономике; 3) отказ от заимствования средств на Западе для того, чтобы

выйти из подчинения иностранным финансовым рынкам; 4) выполнение казенных заказов только в России, а не за границей.

В рабочем вопросе крайне правые считали необходимым добиваться облегчения труда и улучшения быта рабочих. Важной задачей правительства, по их мнению, была поддержка создания промышленных рабочих артелей. С этой целью они предлагали устройство Русского государственного промыслового банка. Черносотенцы выступали за государственное страхование рабочих на случай смерти, увечья, болезни. Решению трудовых споров должны были помочь переговоры между предпринимателями и рабочими.

Изученные документы движения СРН позволяют сделать вывод о том, что его члены придерживались ярко выраженного консервативного мировоззрения. Его главными чертами являлись:

- Россия как самобытная цивилизация;
- антизападничество;
- отстаивание неограниченного самодержавия;
- ненависть к народному представительству и призыв к роспуску Государственной думы;
- неприятие инородцев и иноверцев;
- стремление сохранить сословный строй, крестьянское обособление и т. д.;
- приоритет силовых, репрессивных методов при подавлении революции, игнорирование гражданских, политических и религиозных прав граждан.

Проект развития России СРН ориентирован на прошлое – сохранение и восстановление старых политических и социальных институтов. Крайне правые не проявляли самостоятельности в политике, надеясь на решения императора или Синода. Несамостоятельность их часто проявлялась в выражениях: просить Синод поднять уровень духовенства, молить императора восстановить свою неограниченную власть. Несмотря на то, что в СРН входят русские люди всех сословий и состояний, его можно считать маргинальным движением, не имеющим широкой социальной опоры. Так, если в 1907 г. СРН имел по стране около 400 отделений с общим числом членов до 400 тысяч человек, то к 1916 г. число его членов сократилось до 45 тысяч человек. Это является ярким свидетельством падения популярности крайне правых консерваторов.

В СРН большой упор был сделан на поиск внутренних и внешних врагов. К таковым относились евреи, инородцы и иноплеменники. Его постоянно сотрясали раздоры и конфликты, основанные на самолюбии и честолюбии лидеров. В отличие от крайне правых, кадетский проект был устремлен в будущее. Они имели пусть небольшую, но стабильную социальную базу, подробно разработанный проект развития России, направленный на постепенное формирование правового государства и гражданского общества, приоритетную защиту гражданских и политических прав и свобод личности, демократическую государственность, формирование нового чиновничества, преодоление отчуждения бюрократии от народа, сохранение единой России с предоставлением народа широкой, местной автономии, отстаивание национальных интересов во внешней политике. Слабостью кадетов являлась очень узкая социальная база – профессора, преподаватели, адвокаты, земские деятели или, как отмечал В. В. Шелохаев, слабость среднего класса, национальной буржуазии. К сожалению, Россия в начале XX в. представляла собой огромную крестьянскую страну. А для умонастроения крестьянского сословия, не прошедшего школу образования и политического воспитания, не имеющего, по словам И. А. Ильина, верного правосознания, были характерны следующие черты: радикализм, привычность к насилию как к способу выхода из конфликтных ситуаций, отсутствие уважения к частной собственности, идеи мессианства. Это объясняет тот факт, почему крестьяне стали игрушкой в руках черносотенных и красносотенных радикалов.

Ярким примером, показывающим отсутствие единства в лагере консерваторов, являются два подхода к решению религиозных вопросов, представленные во взглядах П. А. Столыпина и крайне правых.

Вопрос о свободе вероисповедания был необычайно острым. Неоднозначным видением решения этой проблемы обладали русские консерваторы. Русский консерватизм был необычайно сложным, неоднородным явлением. Среди консерваторов выделялись и крайне правые консерваторы – черносотенцы, и представители либерального, креативного консерватизма. Изучение их взглядов на вопрос о свободе вероисповедания, оценку роли Православной церкви в обществе помогает обосновать критерии типологизации русского дореволюцион-

онного консерватизма. Таким образом, можно предложить два важных критерия типологизации консерватизма – отношение к инновациям, а также к правам и свободам граждан.

Председатель Совета министров России Петр Аркадьевич Столыпин (1862–1911) был ярким представителем креативного, творческого, либерального консерватизма. Большое внимание П. А. Столыпин уделял субъектности личности, т. е. способности ее к самоопределению, самодеятельности, самоорганизации, самоуправлению и нормотворчеству. В 1906 г. предложил обществу продуманную программу реформ, основными элементами которой являлись: ставка на развитие продуктивно-творческих сил человека, законность и правовой порядок, учет исторической преемственности поколений, патриотизм, единое и неделимое государство, креативные основы свободного труда и частной собственности, сильная вертикаль исполнительной власти. Следует подчеркнуть ведущее значение креативного консерватизма в качестве ориентира для разработки современной внутренней и внешней политики России: «В свое время Столыпин решал ту же фундаментальную стратегическую задачу, что и нынешние политические элиты России: формирование гражданского общества и правового государства, создание рыночной экономики и среднего класса, реальное законодательное закрепление прав и свобод личности...» [94, с. 5].

Следует отметить, что проблема религиозного равноправия была для Петра Аркадьевича неразрывно связана с формированием правового государства, предоставлением населению реальных гражданских прав и свобод. Уже в своем первом выступлении в качестве председателя Совета министров 6 марта 1907 г., П. А. Столыпин отметил необходимость скорейшего принятия новых законов, устанавливающих твердые основы правового государства: «Тогда как свобода слова, собраний, печати, союзов определены временными правилами, свобода совести, неприкосновенность личности, жилищ, тайна корреспонденции остались не нормированы нашим законодательством. Вследствие сего, в целях выполнения задачи проведения в жизнь начал веротерпимости, правительство вменило себе в обязанность подвергнуть пересмотру все действующее отечественное законодательство...» [139, с. 52–53]. Таким образом, для Петра Аркадьевича особенно важными являлись законы, ведущие к равноправию отдельных слоев населения и свободе вероисповедания, устройству нового быта кре-

стьян. Как консерватор, он отмечал необходимость учета многовековой связи русского государства с Православной церковью, обещая оберегать ее права и преимущества, а также предоставить ей полную свободу внутреннего управления, как либерал, утверждал, что: «вместе с тем права и преимущества Православной церкви не могут и не должны нарушать прав других исповеданий и вероучений. Поэтому, с целью проведения в жизнь Высочайше дарованных узаконений об укреплении начал веротерпимости и свободы совести, министерство вносит в Государственную думу и Совет ряд законопроектов, определяющих переход из одного вероисповедания в другое; беспрепятственное богослужение, сооружение молитвенных зданий, образование религиозных общин, отмену связанных исключительно с исповеданием ограничений» [139, с. 53].

В своей речи о вероисповедных законопроектах и о взгляде правительства на свободу вероисповедания, произнесенной в Государственной думе 22 мая 1909 г., Столыпин так определил задачи государства в религиозном вопросе: «...этот законный путь я уже указывал и повторяю: заключается он том, что государство, не вмешиваясь ни в канонические, ни в догматические вопросы, не стесняя самостоятельности церкви в церковном законодательстве, оставляет за собой и право, и обязанность определять политические, имущественные, гражданские и общеуголовные нормы, вытекающие из вероисповедного состояния граждан. Но и в этом последнем вопросе правительство должно прилагать все усилия для того, чтобы согласовать интересы вероисповедной свободы и общегосударственные интересы господствующей первенствующей церкви, и с этой целью должно входить с нею по этим вопросам в предварительные сношения» [139, с. 213]. По мнению Петра Аркадьевича, карательные меры для людей, желающих перейти в другое вероисповедание, едва ли соответствовали духу начал вероисповедной свободы. В вероисповедном вопросе главным должно стать право гражданина. Столыпин говорил: «Если совершенно бесспорно, что раз провозглашена свобода верования, то отпадает надобность всякого разрешения гражданской власти на переход в другое вероисповедание, если совершенно бесспорно, то в нашем законодательстве не могут быть сохранены какие-нибудь кары за вероотступничество (уже 14 декабря 1906 г. уничтожена статья 185, карающая за отпадение от христианства в нехристианство)» [139, с. 215–216].

В период руководства Петра Аркадьевича правительством были разработаны следующие указы: «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин и о правах и обязанностях входящих в состав общин последователей старообрядческих согласий и отделившихся от православия сектантов», «Об отношении государства к отдельным вероисповеданиям», «Об изменении законоположений, касающихся перехода из одного исповедания в другое», «О религиозных общинах и религиозных обществах».

Консерваторы-черносотенцы уделяли религиозному вопросу очень большое значение. В уставе общества «Союз русского народа» от 7 августа 1906 г. говорилось о необходимости сохранения православия, русского неограниченного самодержавия и народности. Православной церкви нужно предоставить первенствующее и господствующее среди других религий положение. В постановлениях Всероссийского съезда Союза русского народа, прошедшего 21 ноября – 1 декабря 1911 г. в Москве, серьезное внимание было уделено положению Православной церкви и состоянию православной веры. Депутаты были встревожены нарастающим безверием, утратой церковью своего влияния среди паствы. Всероссийский съезд консерваторов-черносотенцев нашел причину колебания православной веры в упущениях и настроениях самого духовенства. В постановлении съезда было обращение к императору не утверждать решений, нарушающих главенствующие права Церкви Православной, позволяющих переход в другую религию. Консерваторы-черносотенцы считали, что под видом свободы совести права православных людей ущемлялись, а инородцев неоправданно расширялись. Поэтому депутаты требовали предоставления для русских людей равной свободы, т. е. права совершать крестные ходы всюду, выступали за запрещение базаров и ярмарок в воскресные и праздничные дни, закрытие кабаков, кинематографа в часы церковной службы. Черносотенцы предлагали назначать на окраины государства добрых пастырей – подвижников и патриотов, обеспечив их достойным жалованьем. В отличие от П. А. Столыпина, для которого была характерна национальная и религиозная толерантность, консерваторы-черносотенцы рассматривали религиозный вопрос в тесной связи с вопросом национальным. Черносотенцы предлагали запретить евреям работать в православных храмах, а также заниматься иконописью и торговлей священными предметами. Они уделяли большое

внимание преподаванию Закона Божия в школах. В основе нравственного воспитания детей должна лежать православная вера. Необходимо заменить земские школы церковно-приходскими, запретить преподавание в школах евреям, политически неблагонадежным педагогам, ввести отдельное обучение русских и еврейских детей, создать особое миссионерство, направленное против социалистов и масонов. Таким образом, взгляды черносотенцев по еврейскому вопросу были нетерпимыми и разжигали национальную рознь.

В начале XX в. консерваторы-черносотенцы отмечали быстрое падение авторитета и силы правящей церковной власти. Их нетерпимость вызвала принятие целого ряда новых законодательных актов по вероисповедальным вопросам, которые проводились в жизнь без учета интересов Православной церкви. Реформы П. А. Столыпина, по мнению крайне правых, привели почти к полной утрате Православной церковью своего господствующего положения. Совершенно нетерпимым моментом они считали уравнивание прав православных и верующих других исповеданий. Они также жаловались царю, что под видом свободы вероисповедной стали распространяться лжеучения. Так, черносотенцы резко критиковали закон от 17 апреля 1905 г, предоставляющий свободу вероисповедания для сект. Консерваторы также просили царя, чтобы вопросы, касающиеся православной веры и дел Православной церкви, обсуждению в Государственной думе не подлежали. В отличие от консерваторов-черносотенцев, Петр Аркадьевич Столыпин призывал крайне бережно и осторожно относиться к реформам в сфере вероисповедания. Он стремился согласовать интересы верующих с интересами государства.

Церковный консерватизм об особенностях российской повседневности в начале XX в. Одним из известных представителей духовенства, разделяющих взгляды крайне правых, был Иоанн Кронштадтский, канонизированный на Поместном соборе Русской православной церкви 7–8 июня 1990 г. Личность отца Иоанна – одна из самых выдающихся в русской истории, его жизнь была насыщенной и глубоко поучительной. Он представлял собой удивительную гармонию психических и физических способностей и был для современников воскресителем веры, свидетелем истины русской, православной религии. Велики были его заслуги на ниве благотворительности. Всю свою жизнь он помогал нуждающимся.

Иоанн родился 19 октября 1829 г. в День памяти великого болгарского святого Иоанна Рыльского в семье псаломщика Илии Сергиева в селе Сура Архангельской губернии. Его мать Феодора Власьева была женщиной простой, неграмотной и глубоко верующей. Именно она оказала большое влияние на формирование характера Иоанна и приучила его к молитве. Он рос в обстановке глубокой религиозности и раньше, чем научился писать и читать, узнал правила богослужения и молитвы. Иоанн молился страстно и трепетно и, видя такое особое благочестие, односельчане часто просили его помолиться за них.

В 1839 г. отец привез Иоанна поступать в Архангельское приходское училище. Завершив обучение, мальчик был переведен в Архангельскую духовную семинарию, которую закончил с отличием в 1851 г. В каникулы Иоанн добирался до отчего дома пешком, неся сапоги в руках, чтобы не износить их. Во время таких путешествий в сотни верст он не переставал восхищаться красотой северной природы. Любил ее большие холмы, лес, луга, белые скалы с пещерами и особенно – цветы. Это трепетное восхищение красотой божьего мира – неотъемлемая сторона духовного облика и мирозерцания Иоанна. В дальнейшем он всегда проповедовал бережное отношение к природе, которую рассматривал как живой организм, имеющий очень хрупкую структуру. Считал, что невнимание человека к природе, подчас хищническое отношение к ней, идет от таких грехов, как жадность, гнев, гордыня. Отец Иоанн предвидел кризис научно-технической цивилизации, проявившийся в наше время в феномене экологического кризиса, и считал, что преодоление этого кризиса требует не только от россиян, но и от всего человечества консервативного мышления: в этом заключается императив выживания. В обновлении, нравственном очищении нуждается не только отношение человека к человеку, но и отношение человека к природе. Природу надо сохранить такой, какой нам ее дал Бог.

Как лучшего ученика его отправили за казенный счет учиться в Санкт-Петербургскую духовную академию, которая размещалась в самом конце Александро-Невской лавры. Рядом с академией был сад с красивой аллеей из дубов и кленов. Иоанн часто молился в этом саду, и ему казалось, что вместе с ним в молении участвует вся природа. Думая о христианских добродетелях, всепрощении, смирении и всепобеждающей любви, он пришел к убеждению, что в них сила и центр

христианства, что к Богу и торжеству его правды ведет только один путь – смиренной любви. В академии Иоанн строил планы будущей жизни. Одно время он хотел принять монашество и поехать миссионером в Китай или на Аляску. Но однажды во сне увидел себя священником в каком-то неизвестном соборе в Кронштадте и принял этот сон за знак Божий. В декабре 1855 г. после окончания академии Иоанн был рукоположен в диаконы и затем в иереи. Свое служение церкви отец Иоанн начал ключарем Андреевского собора в г. Кронштадте и через несколько лет стал называться Иоанном Кронштадтским.

Кронштадт в то время был крупной военно-морской базой. На окраинах города было много нищих, бродяг, пьяниц, бездельников. Молодой священник обходил лачуги и землянки, покупал больным на свои деньги лекарства, раздавал еду, помогал словом удрученным и молитвой страждущим, денежной помощью нуждающимся. Совершал церковные службы и среди ссыльных. Помогая обездоленным, отец Иоанн в своих проповедях учил, что нужно любить всякого человека: и в грехе его, и в его позоре, так как человек несет в себе образ Божий, и его не надо смешивать со злом, которое иногда проявляется в людях. Известный художник В. В. Верещагин писал, что отец Иоанн обладал особым даром убеждения, большой нравственной силою, которую умел внушать и передавать другим. Святой отец преподавал закон Божий в кронштадтском городском училище и в открытой классической гимназии, и один из его бывших учеников Н. В. Суворецкий вспоминал, что необычайная доброта лица отца Иоанна и ласковая улыбка сразу располагали к нему. Поучения батюшки дышали такой силой веры, что каждое его слово глубоко проникало в душу и его наставления, полные отеческой любви, принимались сразу с сердечной готовностью следовать им.

Молитва отца Иоанна соединяла верующих в едином порыве к Господу. Современники отмечали необычайную силу молитвы, его твердую уверенность в том, что молитва будет услышана и поможет страждущему человечеству. На его проповеди собиралось множество верующих, некоторые из них исцелялись от душевных и физических недугов. За помощью к нему шли люди, когда уже оказывалось бессильно всякое человеческое могущество. Шли не только православные, но и лютеране, католики, магометане, евреи. И отец Иоанн, как бы преступив за пределы своей церкви, шел как всемирный молит-

венник и целитель на помощь человеческому страданию. Он стал народным священником, народным старцем, все дни которого проходили среди людей, в делах милосердия, помощи и чуда. Служить Богу и ближним отец Иоанн не переставал ни на минуту, и любовь народа к своему ревностному пастырю была велика. А. П. Чехов, посетивший Сахалин, отмечал, что даже на далеком острове простые крестьяне и охотники держали портрет отца Иоанна в красном углу. Очевидцы вспоминали, что во время богослужения Иоанну Кронштадтскому приносили в алтарь пачки писем и телеграмм со всей России, он тут же читал их и молился за каждого человека.

Призывая жить в соответствии с заповедями Христа, отец Иоанн к своим помыслам и образу жизни подходил со всей строгостью. Он был бессеребренником и все церковные пожертвования раздавал нуждающимся людям. Прожив 53 года в одной квартире, не искал лучшей обстановки. Личной жизни у отца Иоанна фактически не было, но именно в отказе от личного счастья ради другого существа и переложении на него любви и заключалась сущность пастырской деятельности. Искренняя, простая, полная твердой веры молитва и подвижническая деятельность отца Иоанна привлекали людей. Они тянулись к нему сначала сотнями, затем тысячами. Иногда в Кронштадтском Андреевском соборе собиралось до 5–6 тысяч молящихся. Ежегодно Кронштадт посещало до 80 тысяч паломников. Только на одной первой неделе Великого поста собиралось до 10 тысяч человек.

Отец Иоанн был великим целителем болезней русского народа. Он и грех представлял себе не иначе как болезнь. Среди грехов – болезней, разрушающих как личность, так и народ, отец Иоанн называл пьянство, жадность, гнев, гордыню, уныние. Он старался лечить не следствие, а причину, не хворь, а грех, и главными средствами лечения у него были причастие и молитва. Его главный девиз был «Не болей!» – своего рода психологическая установка на выздоровление расслабленному, больному народу и государству. Его борьба за народное здоровье была борьбой с распадом, революционной смутой. В своих проповедях он выступал за сохранение всего здорового в народной жизни и истории: православной веры, монархической государственности, правопорядка и нравственных устоев.

Горя любовью к Богу и ближним, он с самого начала своего священства горячо и часто проповедовал милосердие и благотворитель-

ность. Многих людей он спас от голодной смерти, избавил от тюрьмы и каторги своими ходатайствами перед властями. По его мнению, бедность или неимение средств не должны были быть отговоркой для не желающих благотворить. Да и милосердие не должно связываться только с денежной помощью. Болезни души, несчастье человеческое облегчаются сочувствием и соболезнованием. В 1872 г. он обратился к кронштадтскому обществу с призывом совместными усилиями позаботиться о жилье для нищих и о строительстве рабочего дома и ремесленного училища. Многие откликнулись на обращение отца Иоанна и стали вносить деньги, кто сколько мог, на строительство Дома трудолюбия, который был открыт в 1882 г. Сначала это было большое 4-этажное здание, в дальнейшем вокруг Дома трудолюбия вырос целый городок, куда входили многочисленные мастерские, ночлежный дом, гостиница для паломников, храм Александра Невского, школа на 300 человек. Любой человек, не имеющий работы и специальности, мог прийти в мастерские и сразу приступить к работе. Ежегодно в мастерских работало 25 тысяч человек, получая помощь за свой труд. Дети и подростки могли записаться в бесплатную начальную школу, в мастерские, где их обучали различным ремеслам, в бесплатный рисовальный класс, в детскую библиотеку, в зоологический кружок. Для взрослых работала воскресная школа, устраивались народные чтения на религиозные и исторические темы. Была построена летняя дача для детей, богадельня для бедных женщин, бесплатная больница, народная столовая, которая каждый день выдавала около 800 бесплатных обедов. Благотворительная деятельность отца Иоанна оценивалась в миллионы рублей. Он основал Иоанновский женский монастырь в Санкт-Петербурге, Воронцовско-Благовещенский женский монастырь в Псковской епархии и ряд храмов в различных уголках России.

XX в. только увеличил смятение в умах, количество бунтов, мятежей и пролитой крови. В проповеди пастве на новый 1906 г. Иоанн Кронштадтский говорил: «Тысяча девятьсот пятый, злополучный, прошел, и дай Бог, чтобы никакие беды, бывшие в прошлом году, в наступившем году не повторялись, так как они означились бесчисленными потерями всякого рода, смертью многих верных сынов России, безмерными скорбями, столами и рыданиями братьев и сестер наших. Да будет же начавшийся год новым, полным Божией милости к нам, — временем покаяния и исправления, годом обновления нравственного — постараемся быть достойными этого» [131, с. 330].

Великого подвижника тревожила жестокость и нетерпимость, усиливающиеся в российском обществе. Иоанн говорил в своей проповеди 6 мая 1907 г.: «Не в мирное, а в беспокойное и крамольное время мы живем, время безначалия и безбожия, время дерзкого попрания законов Божественных и человеческих; во время бессмысленного шатания умов, вкусивших несколько земной мудрости... Для всех очевидно, что царство русское колеблется, шатается, близко к падению» [131, с. 327].

Как мог отец Иоанн бороться с несправедливостью, старался объединить российское общество, а не раскалывать его. В 1903 г. он осуждает еврейский погром в Кишиневе, призывая христиан следовать евангельским заповедям. Болея за людей душой, отец Иоанн страдал от развивавшегося в обществе равнодушия к православной вере. По его мнению, Россия могла остаться единым, сильным государством только при сохранении православной веры. Отец Иоанн считал, что распад российского государства совершается на почве безверия, безнравственности, безответственности, малодушия, потакания страстям: «...неверие, безбожие, безначалие, своеволие, зависть, крамолы, убийства, татьба, хищения, пьянство, сквернодейство, всякое насилие, взаимная неприязнь народностей, идолопоклонство...» [131, с. 327].

Отпавшую об Бога интеллигенцию Иоанн Кронштадтский призывал идти к нему с покаянием, как к твердому и непоколебимому пристанищу веры и церкви, а русский народ – не изменять вековым традициям, оставаться верным идеям православия и самодержавия: «Держись же, Россия, твердо веры своей и Церкви, и Царя православного, если хочешь быть непоколебимою людьми неверия и безначалия и не хочешь лишиться царства и Царя православного. А если отпадешь от веры, как уже отпали от нее многие интеллигенты – то не будешь уже Россией или Русью святою, а сбродом всяких иноверцев, стремящихся истребить друг друга» [131, с. 328].

Бурные революционные события отрицательно сказываются на здоровье святителя. В своих последних проповедях, предвосхищающих беды и напасти, могущие обрушиться на Россию в случае продолжения революции, Иоанн Кронштадтский пророчески предрекал, что если в России безбожники и анархисты-безумцы не будут подвергнуты праведной каре закона, то она опустеет как древние царства, стертые правосудием Божиим с лица земли за свое безбожие и беззакония. Двадцатого декабря 1908 г. сердце великого праведника отца

Иоанна остановилось. Он прожил семьдесят девять лет, и каждый год его служения был подвигом христианской жизни.

Русскому народу, как отмечал М. О. Меньшиков, он оставил два завета: благочестие и труд. Благочестие, проповедуемое церковью, составляет необходимое условие гражданской свободы. Только нравственный закон может обуздать, примерять и уравнивать свободы отдельных людей. Прощание с отцом Иоанном превратилось в грандиозные похороны. Двадцать третьего декабря он был похоронен в нижнем храме им же основанного Иоанновского женского монастыря. После революции 1917 г. могила отца Иоанна была осквернена. Останки святителя были вывезены за город и сожжены. Отец Иоанн был объявлен одним из главных врагов новой власти, память о нем искоренялась самым категорическим образом. Но даже в самые трудные времена богоборчества люди не отступились от праведного Иоанна, помнили о нем и молились ему.

Известным церковным консерватором был русский мыслитель и писатель архиепископ Никон (Рождественский) (1851–1919). Он сыграл значительную роль в подавлении революции 1905–1907 гг. Интересны его публикации о российской повседневности начала XX в. С большим сожалением он писал о духовном и физическом нездоровье общества.

Архиепископ считал главными разрушителями России либеральную и революционную интеллигенцию. В статье «Соблазн идет от интеллигенции» он отмечал: «Весь запас их «знаний» ограничивается газетной и брошюрной трухой... Жаль наш бедный, несчастный народ! Сколько зла и соблазна сеется этими непрошенными руководителями! ... Недаром же враги Церкви и Отечества так рассчитывают на народную школу в деле совращения и развращения народа; недаром так усиленно добиваются вырвать из рук Церкви народную школу: расчет очевидный – не пройдет десятка лет, как все молодое поколение будет отравлено ими, забудет Бога, и тогда настанет их темное царство... Куда захотят, туда и направят они эту озлобленную, обезумевшую, голодную толпу... Ужас берет, как подумаешь об этом! А наши «верхи» так спокойно беседуют о «передаче церковных школ в министерство»... не в министерство, господа, а в руки пропагандистов неверия и разрушения» [88, с. 104–105].

Никон, как и все консерваторы, был сторонником сохранения сословной иерархии. Он писал, что дворянское сословие за последние шестьдесят лет изменилось к худшему. В качестве примера дворян, оскорбляющих свое звание, он называл кадетов Долгорукова и Петрункевича. Очень негативно оценивал призывы либералов отменить смертную казнь: «Это люди без веры, а потому и без совести, это духовные кастраты, у которых все, чем человек отличается от скота, вытравлено, которые, неся образ человеческий, опаснее всякого зверя и способны на всякую мерзость, на всякое преступление, лишь бы не попасть на виселицу. Вот единственное нечто, их сдерживающее, и они знают, что делают, когда кричат о необходимости законопроекта об уничтожении смертной казни для подобных себе...» [88, с. 98].

Первая русская революция стала для него свидетельством глубоко духовного разлада не только между интеллигенцией и простым народом, но и раскола правящего класса. Критикуя Петра I за увлечение западными формами политической и общественной жизни, Никон писал: «Но роковая ошибка была сделана, и вот к концу еще XVIII в. наши верхние слои, наша бюрократия, представители высших сфер государственной жизни, науки, искусства, за исключением очень немногих, уже были заражены вольнодумством, вольтерьянством, масонством и всеми теми духовными ядами, которые постепенно, но верно вели западные народы к разложению» [88, с. 236]. Однако, вплоть до реформ Александра II народ сохранял верность царю как Божию помазаннику, считал Православную церковь святыней неприкосновенной. Либеральные реформы и появление интеллигенции способствовали духовной болезни среди простого народа: «В половине прошлого столетия, пользуясь великими реформами императора-освободителя, под влиянием веяний масонства... наша интеллигенция стала постепенно заражать народ болезнью легкомыслия в вопросах веры... Свобода печати разносила яд лжеучений всюду на Руси, 60-е гг. положили прочное начало тому движению, которое в последнее время наименовало себя «освободительным» [88, с. 237]. Никон призывал колеблющееся правительство встать рядом с носителями народной мысли, идеалов, четко обозначить свою позицию по сохранению первоначального положения Православной церкви.

Никона беспокоило не только духовное здоровье русского народа, но и физическое. Подобно консервативному публицисту Меньши-

кову, он призывал резко сократить производство алкоголя, прекратить спаивать народ: «Нужно сначала отрезвить народ, потом просвещать. Прежде спасти его от алкоголизации, от вырождения, от поголовной гибели... Если нет никакой возможности обойтись без питейного дохода сразу, уничтожить всякое производство и продажу алкоголя во всех его видах, признавая его ядом наравне с опиумом, гашишем и подобными отравками, ...то постепенно сводите доходы от этого яда на нет» [88, с. 244].

В публикациях Никона рассматривается тема воспитания подрастающего поколения. В статье «С чего начинается измена родным заветам» он критиковал традицию найма гувернеров и воспитателей-иностранцев для детей дворян или купцов: «Родители не понимают, какую дороною ценою они покупают легкость для их дитяти изучения иностранных языков; они не понимают, что сами, того не сознавая, поручают этим чужим людям не только разрушать некие малые зачатки православного миросозерцания, но незаметно... строить в детской душе неправославное миросозерцание?» [88, с. 333–334]. Иностранцы, допущенные к детям, незаметно формируют в них свои религиозные взгляды.

Таким образом, Никон рассматривал Православие как мощный оплот русской государственности, а измену ему считал духовной изменой.

Консерваторы о принципах формирования народного представительства. Среди русских консерваторов были и известные ученые. Известный ученый Д. И. Менделеев (1834–1907) был консерватором по политическим взглядам. В книге «Заветные мысли» (1905) он рассматривал желательные для России пути развития в политической, экономической и научной областях.

Д. И. Менделеев выступал за эволюционное, постепенное изменение государственного строя в сторону конституционной монархии. При этом наибольшее значение, по его мнению, имели ясно осознанные, разумные, нерезкие и небыстрые, некрупные по виду, но влиятельные меры и преобразования, которые не должны полностью отрицать прошлое. Он считал, что выбор государственной формы правления определяется «...всей народной историей не по случайным ее обстоятельствам, а по всей совокупности условий народа и страны» [58, с. 327]. Прошлое и будущее России ученый связывал с существованием мо-

нархии: «Единение и объединение России, ее просвещение духовное и умственное, ее силы внешние и внутренние и даже ее зачатки промышленного и прогрессивного строя влиятельно определялись монархами, что не только теперь, но и в предвидимом будущем Россия была и будет монархической страной» [58, с. 330]. Д. И. Менделеев выступал за предоставление Государственному совету права законодательной инициативы, а также за расширение прав председателя Комитета министров в подборе кадров.

Ученый считал, что нужно сделать так, чтобы в Государственной думе были представлены люди, умеющие подать личный пример порядка, трудолюбия, деловой разумности, искренне любящие Россию и желающие принести ей пользу: «Учреждение Государственной думы как неперемennого органа законодательных работ введет новый порядок исключительно потому, что к голосу царя, непременно любящего свой народ, теперь прибавятся голоса непременно любящих страну народных избранников» [58, с. 340]. Создание Государственной думы из людей, любящих Россию, – задача сложная. Д. И. Менделеев полагал, что для всеобщих, прямых и тайных выборов народных представителей Россия не готова, так как «...такой выбор... предполагает готовых, ранее намеченных кандидатов и развитие сознательности более или менее равномерным во всем народе» [58, с. 341]. Он предупреждал, что нельзя допустить, чтобы в Государственной думе преобладали теоретики, не важно либеральные или консервативные, так как теоретики в законах могут предпочесть идейное жизненному. Самым лучшим способом Д. И. Менделеев считал избрание депутатов при помощи выборщиков: «Избрание через выборщиков, установленное у нас, есть единственное донныне возможное, и вся судьба дела определяется не столько количеством выборщиков, сколько их качеством, т. е. цензом» [58, с. 342]. Цензы выборщиков могут быть различными (имущественный, возрастной, половой, образовательный, научный, отцовский), но ценз «научный» ученый выделяет особо, «...потому что наука охватывает всю жизнь и без ее руководства достижение “блага народного” и прозорливого предвидения, столь необходимого в законодательных делах даже у выборщиков, немислимо» [58, с. 343]. Д. И. Менделеев также ставил вопрос о том, чтобы избираемый в депутаты гражданин был хорошо знаком с местными нуждами. Избираемый в депутаты человек должен прожить в избирательном округе не

менее 3–5 лет и быть знаком выборщикам по своим действительным делам: «...выборщики сослужат свою службу родине лучше всего, когда будут руководиться не одними речами и “платформами” избираемых или их приспешников, а делами, совершенными предлагаемыми кандидатами в местной среде» [58, с. 345]. Д. И. Менделеев негативно относился к созданию депутатского корпуса по партийному принципу. Для него политическая партия ассоциировалась с политическими доктринами, а в Государственной думе нужны, прежде всего, практики, знающие реальную жизнь и нужды народа.

Самобытным консервативным мыслителем являлся Лев Тихомиров, о его жизни и взглядах подробно повествуется в монографии М. Н. Начапкина [80].

Л. А. Тихомиров писал об отсутствии четкой позиции Николая II в отношении будущего политического развития России. Главную заслугу Тихомирова как религиозного и политического мыслителя современный ученый С. М. Сергеев видит в том, что он «...сумел создать окончательный синтез русского “творческого традиционализма”. Короче говоря, этот синтез можно сформулировать так: наилучший социально-политический строй для России – социально укорененная, корпоративная монархия. Общество при такой монархии должно складываться не из гигантской массы разрозненных, атомизированных индивидов, а из хорошо организованных профессиональных корпораций, лучшие представители которых образовали бы своеобразное “народное представительство” при монархе, осуществляющее связь последнего с народом. И главное – общество должно быть проникнуто живой религиозной идеей, без коей истинная монархия невозможна. Выразителем этой православной идеи может быть только сильная, самостоятельная, но в то же время находящаяся в тесном союзе с государством Церковь. С реальной петербургской монархией тихомировский проект имел мало общего, но именно он мог стать ее последним шансом на спасение» [147, с. 5–6]. Бывший активный народник-террорист, ставший убежденным монархистом, автор знаменитой книги «Монархическая государственность» (1905) хотел, чтобы Николай II четко провозгласил свою приверженность к консервативным началам. В статье «Переходное время», опубликованной в журнале «Русское обозрение» (1898, № 1), Л. А. Тихомиров сделал вывод об отсутствии у государства ярко выраженной идеологии: «Беда в том,

что мы топчемся на месте, не имея ясной линии развития. Надежды же появляются от того, что мы, по крайней мере, не вступили бесповоротно на какой-то непоправимо ложный путь» [147, с. 320]. Либеральные поползновения пока встречали отпор от национальных сил, однако при этом консерваторы пока не предложили созидательной программы. Л. А. Тихомиров писал, что настоящие, живые русские люди малозаметны. Довольно значимую черту 1897 г., по его мнению, составляло «...появление у нас социал-демократии. Но и тут появляется то же самое. Является со множества сторон отпор, а в то же время – ничего идейно сильного, способного подорвать самый идеал социал-демократизма, не проявляется» [147, с. 321].

Неопределенность в трактовке национальных идеалов сильно волновала Л. А. Тихомирова. Он неоднократно задавал себе вопрос: куда идет Россия? Переходная эпоха опасна своей неопределенностью: «Одной рукой мы прививаем народу социалистические идеи, другой поддерживаем его православие. Одной рукой воскрешаем дворянство, другой стараемся превратить дворян в разночинцев... Одной рукой сдерживаем политиканство, ведущее к парламентаризму, другой размножаем целые мириады людей, которым в жизни нет места, кроме политиканства» [147, с. 322]. Из-за отсутствия воспитания общества, и прежде всего рабочих и крестьян на основе национальных, консервативных ценностей, Л. А. Тихомиров прогнозировал «...неизбежное торжество идеи чисто демократической» [147, с. 323]. Поэтому он писал, что в России, чтобы здоровые исторические начала получили наступательное движение, нужны не карьеристы и бездарности, а люди таланта и убеждения.

Л. А. Тихомиров высказывал немало критики в своих публикациях о петербургской монархии. В одной из статей «Нечто о реакции» он писал: «Исторические основы России... давно стали хиреть от того, что люди, им служащие, утратили сознание их сущности и допустили их перерождение в принципы, лишь по названию связанные с этими основами. Это относится и к политическому началу, переделанному в “абсолютизм”, и к православию, которое мы омертвили формализмом... Все это вместе взятое отнимало у наших исторических основ жизненную силу...» [147, с. 326].

Огромную ответственность за воспитание народа в национальном, консервативном духе Л. А. Тихомиров возлагал на царя. Его почитание Александра III было глубоким и искренним. В своем дневни-

ке 25 июня 1899 г. Лев Александрович записал: «Кончина Александра III была кончиной всего движения (национально-консервативного), хотя ведь, в сущности, он ему ничем не способствовал, кроме того, что при нем все противное чувствовало себя обескураженным, а все православно-русское знало, что царь ему сочувствует» (ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. ед. хр. 7. Л. 26, об. 270).

Отношение к Николаю II, судя по дневнику, у Л. А. Тихомирова было иным. Любопытно привести оценку первых лет правления Николая II, высказанную в дневнике Л. А. Тихомирова 28 февраля 1897 г.: «В России происходит какая-то чепуха. Все либеральные точки зрения не то что зашевелились, а прямо-таки объявились целиком, как трава из-под снега. Царствования Александра III совершенно будто бы и не бывало» (ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 89, об).

В марте 1899 г. он замечает: «...изумительно, как правительство ухитрилось расшатать Россию за какие-то четыре года. В конце царствования Александра III порядок казался незыблемым, как скала. Теперь я бы, кажется, не удивился никакому перевороту. Нигде нет ни искры движения к силе и прочности власти... Ни единого крупного человека в лагере монархии... Тяжело служить безнадежному делу, а его безнадежность мне становится все очевиднее» (ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1, ед. хр. 7. Л. 229).

С. М. Сергеев правильно высказал мысль о том, что Л. А. Тихомиров прогнозировал еще в 1899 г. падение монархии в недалеком будущем: «Петербургская система за два века успела поизноситься... Правящий слой России слишком долго отвыкал думать по-русски, чтобы понять, что абсолютизм и самодержавие – полярные принципы. Его хватило лишь на бездарные уступки конституционализму. Даже Столыпин, самый живой человек в правительстве, был предельно далек от тихомировских идей. Правящий слой выродился, он оказался неспособен творчески ответить на вызов эпохи, что привело к гибели традиционной России» [144, с. 16]. Как же так случилось, что от монархии осталась только форма?

В работе «Монархическая государственность» Л. А. Тихомиров большое внимание уделил оценке современного ему момента истории монархической государственности. Он считал, что Россия в 1905 г. находилась на распутье в отношении выбора вектора дальнейшего государственного развития. Неясность момента заключалась для Тихо-

мирова в том, какой верховный идеал выберет для себя нация – количественный (демократия) или же сохранит идеал нравственный (монархию). Русская монархия много сделала для русского народа: «Если брать многовековую жизнь до 1861 г., то она представляла один из величайших типов монархии... Она родилась вместе с нацией, жила с нею, возвеличивалась, падала, находила пути общего воскресения, и во всех исторических задачах стояла неизменно во главе национальной жизни» [144, с. 371]. Выделяя ее достижения, например, отмену крепостного права, Лев Александрович вместе с тем не замалчивает ее слабостей. Так, оценивая современную ему государственность, он писал: «С 1861 года Россия впервые представила тип бюрократического, полицейского государства» [144, с. 395]. Что же привело монархию к такому положению? Насколько оно было неизбежным? Как же могла возникнуть смута 1905 г.?

Надвигающаяся революция не являлась чем-то неожиданным для Л. А. Тихомирова. Как глубокий консервативный публицист он понимал ее неизбежность и мучился от того, что его предостережения не были услышаны властью: «Мне кажется, что вообще моя писательская судьба будет служить упреком современной России: она не умела мною воспользоваться. Ослиное общество, во всяком случае...» (ГА РФ, Ф. 634, Оп. 1. Д. 6. Л. 81).

Во время работы над «Монархической государственностью» Л. А. Тихомиров записал в своем дневнике: «Наша Монархия так разрыхлилась, что Господь один знает, каковы ее судьбы... Главное в обществе – подорвана ее идея... Все съел чиновник... Нужен гений, чтобы поставить Россию на путь истинно монархического развития. Мое сочинение... для настоящего... бесполезно... Ни очами не смотрят, ни ушами не слушают. Слишком вгрузили все в бюрократию и абсолютизм» (ГА РФ, Ф. 634, Оп. 1. Д. 12. Л. 82–83).

Для Л. А. Тихомирова приближающаяся революция была следствием целого ряда причин: тут и европейское умственное иго, и появление разночинцев и интеллигенции, и усиление конституционного движения, антирелигиозная пропаганда и утрата православного идеала, изменение социальной структуры (появление массового класса фабричных рабочих, подверженных усилившейся социалистической пропаганде), и отрицательная роль бюрократии, которая, с одной стороны, препятствовала живому общению нации с монархом, а с другой стороны, – дискредитировала монархию своим управлением.

Рассматривая первую причину смуты – европейское умственное иго, Л. А. Тихомиров писал, что со времен Петра I русские стремились усвоить европейское просвещение, а вместе с ним – и западный взгляд на монархию. Политическая доктрина Петра I – абсолютизм – основывалась на западноевропейских идеях рационализма и прагматизма. Другой причиной смуты стал атеизм. Процесс подчинения церкви государству начался еще в XVII в. и резко усилился в период правления Петра I и Екатерины II. Проводя политику секуляризации, усиливая бюрократизацию церкви, монархи, подчиняя своей власти православие, подрывали одновременно с этим идею царского самодержавия. Начиная с XIX в., стал исчезать священный ореол самодержавия, его мистичность.

Последствием отказа от своих традиций и чужебесия, т. е. бездумного заимствования с запада политических идей и культуры, стало распространение конституционных теорий. Именно в этом веке усилились случаи отречения от монархической идеи. Так одной из причин дворцового переворота 1801 г. стало стремление части дворянства к конституции. Во главе конституционалистов стоял Александр I. В то время он выступал за конституционное устройство России, хотел, чтобы нация могла избирать своих представителей в парламент. В 1825 г. декабристы вышли на Сенатскую площадь с либеральными и конституционными лозунгами и лозунгами цареубийства. Этим либерализм безнадежно скомпрометировал себя не только в лице Николая I, но и всех русских патриотов.

В конце XIX в. сильно изменилась социальная структура российского общества. Освобождение крестьян создало новый класс фабрично-заводских рабочих, увеличило доступность образования для них. Но огромная масса рабочих оказалась вне рамок традиционного уклада жизни: «И вот здесь-то, на фабрике, среди населения, лишенного всяких социальных устоев, особенно нашла почву отрицательная и социалистическая пропаганда» [144, с. 387]. Вместе с тем происходил процесс расслоения крестьянства на зажиточных и безземельных. Анализируя социальные процессы, Л. А. Тихомиров сделал вывод, что дворянство утрачивает свою роль в обществе. В духовной жизни появляется новый общественный лидер – либеральная и социалистическая интеллигенция. Она сформировалась из разночинцев, отбившихся от старых социальных слоев. Для интеллигенции был характе-

рен нигилизм – крайнее отрицание всего существующего и прежде всего – самодержавия, а также нетерпимость, приверженность к резким, насильственным изменениям.

Либеральные реформы Александра II привели к развитию свободных профессий – адвокатов, журналистов. Именно они стали проводниками космополитических, социалистических и либеральных идей. Таким образом, во второй половине XIX в. усилилась борьба между интеллигенцией, лишенной национальных идеалов, и национально-патриотическими мыслителями. Ситуация усугублялась тем, что интеллигенция проникла в ряды бюрократии и проводила работу, направленную против самодержавной идеи. Л. А. Тихомиров подвергал резкой критике бюрократию за ее непонимание сущности самодержавной монархии и предназначения России. Он считал, что русская монархия представляет собой верховенство нравственного идеала: «Политическая сущность русского народа состоит в том, что он создал особую концепцию государственности, которая ставит... выше юридических отношений начало этическое» [144, с. 388]. Таким образом, самодержавная монархия была сильна нравственным единением царя и народа и независимой Православной церковью. Однако со времен Петра I и возникновения абсолютной монархии, многочисленной, и, по большей части, иноземной, космополитической бюрократии, исчезают многие способы общения монарха с народом. Прежде независимая Православная церковь, помогавшая царю общаться с народом, была отрезана от верховной власти, подчинена все той же бюрократии. Да и сам Петр I не имел желания общаться со своим народом. Он издал указ о запрете под страхом смертной казни подавать петиции лично в руки монарха. Все челобитные должны были направляться в руки чиновникам-бюрократам.

Процесс отчуждения верховной власти от народа занял около 150 лет. Тихомиров сделал вывод, что к 1861 г. Россия стала абсолютистским, бюрократическим и полицейским государством. В этом была виновата бюрократия, которая все делала и все решала за Россию. Бюрократия затрудняла нравственное единение царя с народом, подвергала опеке национальные силы, проводила реформы, организованные не на русских народных началах. Тихомиров считал, что контроль за бюрократией зависел от личных качеств монарха. Процесс ослаб-

ления государственности и узурпации бюрократией царской власти был задержан Александром III. Его способность надзора за бюрократическим механизмом позволила не только парализовать вредные последствия пореформенного положения, а даже вызвать подъем национального духа и творчества. Но это положительное личное воздействие продолжалось недолго. С приходом к власти Николая II конституционное движение только усилилось.

Вывод Л. А. Тихомирова о важной роли зависимости управления страной от личных качеств монарха подтверждают воспоминания других современников Александра III и Николая II.

В 1894 г. к власти пришел 26-летний император Николай II. Он заявил о продолжении консервативного курса правления своего отца. Однако его реальная политика имела отличия от политики Александра III. В. И. Гурко сделал вывод, что заявленное им консервативное правление не соответствовало мощи его духовных сил. Иначе говоря, Николай был самодержцем, не обладавшим необходимыми для этого качествами. По мнению Владимира Иосифовича, правительство Николая II состояло из людей, никакими общими политическими взглядами не сплоченных. Постоянные разногласия были характерны и для работы Государственного Совета. Таким образом, у царя не было команды единомышленников.

Павел Павлович Менделеев – начальник отделения канцелярии Совета министров (1905–1909) – также по-разному воспринимал личность и политику Александра III и Николая II. Александра III он оценивал как доброго, былинного русского витязя, от которого веяло мощью, силой, спокойствием. Другим было отношение этого чиновника к Николаю II. Этот государь не придерживался твердой политической линии. Нередко, утвердив предположение одного министра, Николай II соглашался затем с совершенно противоположным предположением по тому же делу другого министра. Таким образом, по мнению чиновника, твердостью воли Николай II не обладал.

Начало XX в. было ознаменовано большими изменениями в политической жизни России. Под напором либеральных и оппозиционных сил сия верховная власть была вынуждена предпринять ряд шагов, ведущих к либерализации политической жизни и фактически ограничивали самодержавие. Как же оценивал Л. А. Тихомиров особен-

ности российской политической модернизации начала XX в.? Большой интерес он проявлял к политическим реформам 1905–1907 гг. Государственная дума получила широкие полномочия, но нечеткость кодификации Основных законов 1906 г. привела к возможности узурпации представительным учреждением законодательных функций Верховной власти. Возникает вопрос о том, что же вызывало тревогу Л. А. Тихомирова в Основных законах 1906 г. Во-первых, это неопределенный статус монарха. В законах не было четко определено, кто обладает полноценными законодательными правами – царь или Государственная дума. Эта неясность прав монарха вызывала у населения непонимание нового политического устройства страны. Другой важной проблемой оставался вопрос о статусе, роли и принципах комплектования народного представительства.

Монархист Л. А. Тихомиров считал, что правильное развитие государственной жизни возможно лишь при системе, соответствующей всем национальным, бытовым началам, выработанным веками и поколениями. Существующий государственный строй должен быть в тесной зависимости от условий развития народа и его своеобразных свойств. Государственное устройство должно быть выражением народного воззрения, а в начале XX в. в России была предпринята попытка построения синкретического строя (думской монархии по схемам парламентарных стран Европы), идущая вразрез с национальными традициями, с историческими условиями России. Реформа 1906 г. ухудшила государственный строй, породила борьбу партий за верховную власть. Л. А. Тихомиров пишет об отсутствии связи избранников с народом, о неопределенных правах, как у Верховной власти, так и у народного представительства. Виновниками принятия скоропалительного решения о создании парламентарной монархии Л. А. Тихомиров считал министерскую бюрократию и, в частности, С. Ю. Витте.

Оценивая проведенные в 1905–1906 гг. политические преобразования, Л. А. Тихомиров высказал немало справедливых оценок, касающихся Основных законов 1906 г., принципов организации, полномочий, порядке принятия решений и ответственности за них органов власти. Его главным образом не устраивало то, что народное представительство стало создаваться по западному образцу на партийной основе.

Брошюра «О недостатках конституции 1906 года» была опубликована в 1907 г., в ней Л. А. Тихомиров «...задался целью показать, как нарушение... природных законов, заложенное в государственный строй, роковым образом, шаг за шагом, приводит к анархии в практической жизни страны» [142, с. 143]. Он считал, что недостатки Основных законов 1906 г. были очевидны с самого начала. Вводимые изменения он определил как попытку государственного переворота. Их основная тенденция – не улучшение монархии, а замена одной Верховной власти другой. Такая перемена составляет собственно революцию. Со времени Земского собора 1613 г. Верховную власть государства представлял монарх. В старых Основных законах император именовался Верховной властью, самодержавной и неограниченной. Конституция 1906 г. вычеркнула слово «неограниченный» и ограничение власти императора провела последовательно по всему документу. Статья 7 Новых законов прямо ограничивает законодательную власть императора. Л. А. Тихомиров обвинял создателей Основных законов 1906 г. в безграничном произволе и нежелании считаться с самостоятельными законами жизни нации. Императору, по мнению Тихомирова, оставили лишь частичку Верховной власти «...с 1/3 частью законодательных прав, с довольно сильными, хотя все-таки ограниченными исполнительными правами и с совершенно фиктивными судебными» [141, с. 145–146]. Все законы, издаваемые государем, по статье 24 должны были быть скреплены председателем Совета министров или министрами. Иначе говоря, у императора отняли Верховную власть. Л. А. Тихомиров, критикуя создателей Основных законов, отмечал: «Воли Монарха на замену его Верховной власти какой-либо иною кодификаторы 1906 года, во-первых, не имели права даже предположить; во-вторых, мы не можем ничего подобного усмотреть и в содержании Высочайших манифестов, данных как руководство правительству для совершения реформы государственного строя» [142, с. 147].

Лев Александрович считал, что нескольких верховных властей в государстве существовать не может. Верховная власть всегда бывает только одна. Также он полагал, что император не имеет права законно ограничить свою самодержавную власть... Конституцию 1906 г., по мнению Л. А. Тихомирова, породило неизбежное зло: отсутствие авторитета и возможностей для эволюционного пути развития страны:

«Прочный и авторитетный государственный строй наилучше всего развивается путем медленной исторической эволюции» [142, с. 151]. Новые основные законы, принятые поспешно, по мнению Л. А. Тихомирова, подорвали историческую гегемонию русского народа в империи.

Для Л. А. Тихомирова важно было доказать, что самодержавная власть царя не утратила своих прав. Лев Александрович считал, что император может изменить любые законы, используя статью 4 Основных законов 1906 г. У него сформировалось мнение, что учреждения 1906 г. были созданы под сильным давлением революционной смуты. Точка зрения Л. А. Тихомирова состояла в том, что создание новой Верховной власти не требуется, ибо она уже существует тысячу лет в Российском государстве в лице государей. Введение любых юридических ограничений уже существующей Верховной власти способствует только ослаблению государственности. Реформы привели к тому, что различные ветви власти вмешивались в функции друг друга и пытались воздействовать на императора. Не были четко определены цели и задачи каждого государственного института. Неопределенность статуса государственных учреждений и политическая борьба привели к тому, что важнейшие государственные акты правительству приходилось проводить в чрезвычайном порядке (по статье 87 Основных законов), без широкого законодательного обсуждения. Не соглашаясь с такой постановкой реформы, Л. А. Тихомиров разработал свою систему реформ обновленного строя (1906 г.), в которой совещательное монархическое народное представительство должно формироваться из реально существующих сословно-профессиональных объединений. Введение народного представительства виделось ему как логическое продолжение отмены крепостного права в 1861 г., и возможную сложность Л. А. Тихомиров усматривал только в преодолении точки зрения либеральной интеллигенции, считавшей, будто введение народного представительства непременно должно сопутствовать ограничению царской власти.

Рассматривая вопрос о том, нужна ли России подобная реформа, Л. А. Тихомиров отмечает, что у нас «...по букве закона, даже и совсем не существует народного представительства. Такого термина закон не знает. Закон лишь знает лиц, «избираемых населением Российской Империи для обсуждения [142, с. 183]. Л. А. Тихомирова также не

устраивало отсутствие ответственности у народных избранников перед своими избирателями: «Эти лица не находятся ни в какой степени подчинения у избирателей, не ответственны перед ними, не получают наказов, не обязаны пред ними отчитываться, не имеют с ними никаких обязательных сношений... С другой стороны, эти лица не находятся ни в какой зависимости и от Верховной власти и не несут перед нею какой-либо ответственности за свою деятельность» [144, с. 183]. Реформа должна была покончить с неясностью статуса народных избранников.

Смысл народного представительства для Л. А. Тихомирова состоял в том, что оно создает реальную связь между царем и народом. Необходимо, чтобы народные избранники были действительными представителями народа, то есть находились с ними во взаимном понимании: «Этого нельзя достигнуть иначе, как назначая представителя (депутата) не от случайной массы избирателей, как ныне, а от определенных групп населения. В этом случае депутат имеет возможность знать своих избирателей, объясняться с ними, давать им отчеты, узнавать их мнения о своей деятельности, узнавать их потребности и желания» [142, с. 185]. В этом случае хорошо будет работать и система депутатских наказов. Представительство должно быть создано по корпоративному принципу из реальных трудовых групп – крестьян, промышленных рабочих. Народное представительство должно быть при Верховной власти, а не представлять собой орудие для возможного переворота. Рассматривая вопрос о том, кто должен быть в народном представительстве, Л. А. Тихомиров правильно сделал вывод, что представительством не должны воспользоваться элементы антигосударственные, например, ассоциации воров, грабителей, фальшивомонетчиков, контрабандистов и т. п., но также и от групп, принципиально отрицающих данное государство. С образованием партийного представительства Верховная власть оказалась разделенной между царем и Государственной думой. Деятельность Государственной думы Л. А. Тихомиров оценивает негативно: «...Государственная Дума... делает все возможное для того, чтобы представить Россию страной самого безнадежного разъединения внутренних сил» [142, с. 346]. Государственная дума не может быть верным отражением России, так как борьба думских партий изо дня в день, из года в год раздробляет нацию на враждебные лагеря, не по-

нимающие друг друга и не желающие ничего, кроме взаимного подрыва. В статье «Великая опасность и внутреннее разъединение» (Московские ведомости. 1909. № 276) Л. А. Тихомиров критикует работу Государственной думы и деятельность политических партий, ослабляющих внутреннее единство общества. Отрицательно он оценивал и работу депутатов. Очень часто они действуют в интересах иностранных держав, враждебных России: «Внешние враги нередко могут прямо указать в Думе на своих несомненных союзников. В ней раздаются голоса, в которых слышится не родство со своей страной, а полное духовное единение с силами, находящимися там, далеко, в лагере конкурентов России... Партии и фракции единятся на отвлеченных принципах, на классовых интересах мелких национальностей, входящих в состав империи, но среди отвлеченной борьбы этого политического партикуляризма голос национального единства слышится в такие редкие минуты, что кажется для наблюдателя совершенно отсутствующим» [142, с. 346–347]. И здесь Л. А. Тихомиров делает правильный **вывод о том, что при отсутствии национального единства страна ничего не сможет противопоставить внешнему врагу.**

Другая статья Льва Александровича «Парламентарная Россия» (Московские ведомости. 1910. № 138) посвящена развитию парламентаризма в России. Рассматривая законодательную работу Государственной думы I, II и III созывов, Л. А. Тихомиров делает неутешительный вывод: «...мы, конечно, насаждаем у себя... могущественные корни парламентаризма. В развитии их и состоит доселе главная миссия Третьей Думы» [142, с. 348].

Для Л. А. Тихомирова уже в 1910 г. было ясно, что падение самодержавия неизбежно. На его глазах рушилось традиционное сословное деление общества, а, как известно, развиты сословный строй являлся опорой самодержавной монархии. Он отмечал, что в России происходило развитие «...того буржуазного “общегражданского” строя, который логически требует своего политического завершения парламентаризмом» [142, с. 349]. Россия, как считал Л. А. Тихомиров, повторяет путь к парламентаризму европейских государств. Европейские страны прошли его в XIX в. Он задает себе вопрос: почему наступление буржуазного парламентаризма неизбежно? Несколько причин ведут к этому: «С каждым шагом, во всем, что мы ни делаем, раз-

валивается социальная организация народа... Дворянство уже стало пустым звуком, буржуазные слои... начинают организовываться по-новому, по-европейски; крестьянство... идет к уничтожению. Реформа земельная, местная, судебная – все направляется к тому, чтобы у нас образовались просто “граждане”, среди которых будут на буржуазных началах процветать в известном количестве “хозяева” и большинство бывших “крестьян”... перейдет в городской пролетариат» [142, с. 349].

Таким образом, Л. А. Тихомиров правильно предсказал ближайшее будущее России. Если дальнейшая либерализация страны будет продолжаться, то монархию сменит республика и парламентарное построение государства, что является политической идеей политиканствующей интеллигенции и буржуазии. В публикациях он старался ответить на вопросы: почему же народ идет на поводу у политических партий? Есть ли возможность избежать партийного соблазна? Успехи политических партий он связывал с малой политической сознательностью населения и его легковерием. Масса «...по всему миру недальновидна и обманывать ее легко. Политиканствующая интеллигенция держит в руках могущественные средства воздействия на умы – тенденциозную печать, поддельную науку, школу» [142, с. 351]. Для него было особенно обидно то, что народ, поддавшись политиканствующей интеллигенции, выбирает буржуазный парламентаризм, сулящий, как он был убежден, лишь самую жалкую историческую будущность народу. Тихомиров считал, что главную опасность для России представляет отсутствие внутреннего единения общества. Поэтому он и критиковал деятельность Государственной думы и политических партий, которые это внутреннее единство ослабляли.

В отличие от крайне правых, М. О. Меньшиков придавал большое значение Манифесту от 17 октября 1905 г., выступая за сохранение парламента – Государственной думы. Он писал, что народное представительство испытывает сильное негативное воздействие со стороны как радикалов, так и бюрократии. Сделать парламент работающим органом помогли бы выборы в него от трудовых корпораций. В этом вопросе М. О. Меньшиков был близок к Л. А. Тихомирову. Он писал: «Будем добиваться культурной государственности: парламента, ответственности министров. Добьемся через парламент ограничения латифондий, трестов, капитала... Давайте действовать через парламент» [73, с. 182–183]. Однако ни революционеры, ни реакционеры не хотели,

чтобы парламент стал машиной реформ. М. О. Меншиков был сторонником предоставления населению реальных политических и гражданских прав, поддерживал аграрную реформу П. А. Столыпина.

В 1913 г. Россия торжественно отпраздновала 300-летие династии Романовых. Проводились многочисленные торжества. Казалось, что будущее империи безоблачно. Даже Николай II уверовал в преданность своих подданных самодержавию. Поэтому очень интересно для понимания русской повседневности того периода посмотреть публикации о праздновании этого юбилея на страницах литературного журнала «Нива».

Празднование знаменательной даты 300-летия царствующего Дома Романовых происходило в России необычайно торжественно. Современники этого события оставили свои многочисленные воспоминания. Так П. Л. Барк (1864–1937) – последний министр финансов Российской империи – подробно описал атмосферу тех праздничных дней 1913 г., поездку царской семьи в Кострому, посещение Ипатьевского монастыря и других исторических мест, связанных с историей рода Романовых. Для Петра Львовича Николай II был большим христианином: у него была чистая и благородная душа. Барк выделил и другие черты характера Николая II: скромность и простоту в обращении с людьми, сдержанность, доброту. Царь обладал недюжинным умом, осознавал свою ответственность, долг перед Богом и Отчеством. По своим политическим взглядам Николай II оставался убежденным консерватором, сторонником неограниченной монархии. Но под влиянием революционных событий 1905 г., когда общество не поддержало сохранение неограниченной монархии, государь понял, что конституционные изменения неизбежны. Царь был вынужден пойти на создание народного представительства. Во время своей поездки по Волге Николай II видел десятки тысяч коленопреклоненных крестьян, и это заставляло его задуматься над тем, не рано ли он отказался от своего самодержавия.

Один из крупнейших литературных журналов дореволюционной России – «Нива» – посвятил 300-летию царствующего Дома Романовых много различных, интересных публикаций. Они хорошо передают атмосферу повседневной России того времени. Уже в первом номере рассказывалось о серии новых почтовых марок, изданных к юбилею: «В первый день 1913 г. во всех почтовых конторах будут выпущены юбилейные марки, приуроченные к 300-летию царствующего

Дома Романовых. Пока изготовлены марки стоимостью от 1 до 70 копеек. Рублевые марки с изображением Московского кремля, Зимнего дворца и т. д. выйдут несколько позже» [89, с. 20]. Интересно, что цари и императоры были оценены по-разному. Так, марка с портретом Михаила Романова оценивалась в 70 копеек, Алексея Михайловича «Тихайшего» – в 25, Петра I в 1 и 4, Елизаветы Петровны – 50, Екатерины II – 14, Павла I – 35, Александра I – 20, Александра II – 2, Александра III – 3, Николая II – 7 и 10 копеек.

В журнале № 8 была опубликована очень интересная статья С. М. Шпицера «Русский театр за три века царствования Дома Романовых» [162, с. 147–150]. Несмотря на неодобрительное отношение к скоморохам и театру со стороны Православной церкви, театр появился уже во время правления Алексея Михайловича, когда в 1673 г. немецкие музыканты дали при дворе комедию «Ассур и Эсфирь». Затем была и другая комедия «Как Юдифь Олиферну отсекала голову». Воспитатель царских детей Симеон Полоцкий написал и поставил драмы «Блудный сын» и «Навуходоносор». Интересно, что Духовный регламент, написанный в 1722 г. Феофаном Прокоповичем, предписывал семинариям заставлять учеников разыгрывать нравственные комедии.

Журнал № 9 от 2 марта 1913 г. посвятил свою публикацию созданию общества трудящихся слепых в Костроме, 10, февральский, номер «Нивы» поместил сразу несколько своих статей и заметок к началу торжественных мероприятий юбилейного года. Публиковались фотографии, дающие представления об атмосфере праздничных дней в Петербурге (21–24 февраля 1913 г.): отбытие их Императорских Величеств из Казанского собора после торжественного богослужения, украшенный флагами Невский проспект и здание Государственного банка на улице Садовой (две короны на воротах – шапка Мономаха и хрустальная корона). В этом же номере была опубликована статья «Торжество милитаризма» о германских экспансионистских планах, резком увеличении военного бюджета. Интересно, что автор ее прогнозирует мировую войну с участием России и Германии именно на 1914 г.

О февральских торжествах 1913 г. в Петербурге написала в своих воспоминаниях Анна Александровна Танеева (Вырубова) – подруга государыни Александры Федоровны: «Юбилейные торжества начались с молебна в Казанском соборе, который в этот день был переполнен придворными и приглашенными. Во время коленопреклонной молитвы я издали видела Государя и Наследника на коленях, все время смотревших

вверх; после они рассказывали, что наблюдали за двумя голубями, которые кружились в куполе. Вслед за этим были выходы и приемы делегаций в Зимнем дворце. Все дамы, по положению, были в русских нарядах... Государыня была поразительно красива в голубом бархатном русском платье, с высоким кокошником и фатой, осыпанной жемчугами и бриллиантами... Царской семье пришлось стоять часами, пока им приносили поздравления... Все же я чувствовала, что нет настоящего воодушевления и настоящей преданности» [141, с. 97–98].

Несколько номеров журнала посвящено одному из героев Смутного времени – патриарху Гермогену. Так, в 20 и 21 номерах можно прочесть заметки о месте пребывания патриарха Гермогена (в статье Ермогена) в Чудовом монастыре и увидеть несколько фотографий с места заточения патриарха, а также изображение его пангии. В 1913 г. по инициативе Православной церкви Гермоген был прославлен в лике святых как священномученик. Его мощи поместили в новую раку, созданную по инициативе Николая II и его супруги. Каждый год 2 марта отмечается день памяти знаменитого патриарха, отдавшего жизнь за свободу своей страны.

Большой материал был приведен в 27 номере журнала «Нива» о Романовском музее в Костроме: «Построенный в ознаменование 300-летия Дома Романовых и удостоенный Высочайшим Государя Императора посещением 21 мая сего года, музей представляет гордость Костромы, сейчас его называют «Колыбелью Дома Романовых» [120, с. 533]. В музее представлена богатая экспозиция жизни русских людей и царей в XVII в. – собрание древнерусских икон, оружия (стрел, копий, кольчуг, шлемов), домашней утвари. В экспозиции музея есть даже возок, на котором передвигался царь Михаил Федорович. В этом номере также было опубликовано патриотическое стихотворение А. Д. Львова к 300-летию Дома Романовых «Из Костромы в Москву» [120, с. 532–533]:

С тех пор минуло три столетия
Россия гибла без царя
Во мраке адском лихолетья!...
На трон бояре звали шведа
И присягали поляку...
Сплотилась Русь! Взывая к Богу
Она очистила дорогу самодержавному царю
И молодого Михаила
На трон, молясь, благословила.

Николай II с большим уважением относился к своим предкам, сумевшим преодолеть трудности Смутного времени. И поэтому совершенно понятны причины его паломничества с семьей по историческим местам, которые назывались колыбелью Дома Романовых. Анна Александровна Танеева так описала это путешествие: «Весной они уехали на Волгу: в Кострому, Ярославль и т. д. Путешествие это в нравственном смысле утешило и освежило Их Величества. Прибытие на Волгу сопровождалось необычайным подъемом духа всего населения. Народ входил в воду по пояс, желая приблизиться к Царскому пароходу. Во всех губерниях толпы народа приветствовали Их Величества пением народного гимна и всевозможными проявлениями любви и преданности» [140, с. 98]. В майские дни 1913 г. государь посетил Кострому, Ипатьевский монастырь, а затем Нижний Новгород, где заложил памятник К. Минину и Д. Пожарскому. Во всех этих городах были повсюду развешаны флаги, устроены триумфальные арки с надписью «Боже, Царя храни!».

Журнал «Нива» № 27 подробно повествует о майских торжествах в стольном граде Москве. Николай II вошел в Кремль пешком, а перед ним шло духовенство с кадилами, как это было при первом царе, Михаиле Романове. Торжественно гудели все московские колокола, и казалось, ничто: ни время, ни обстоятельства не изменят это чувство любви и преданности народа к царю. Очень подробно описаны подношения со стороны дворянства 25 мая 1913 г. – Николаю II была преподнесена харатейная грамота с 50 подвешенными золотыми печатями главных дворянских губерний. Печати других губерний сделаны из полудрагоценных уральских камней. Грамота написана на тонком пергаменте скорописью начала XVII в. Она была вложена в ларец из литого серебра, выполненного в стиле XVII в., с тремя эмалированными портретами: царя Михаила Федоровича, патриарха Филарета Никитича и государыни – инокини Марфы Ивановны. Ларец содержал изображения государственных символов – герба Романовых – грифона, а также государственных печатей. В верхней части ларца перед крышкой содержалась надпись: «Богом Венчанному Царю и Самодержцу Всероссийскому Государю Императору Николаю Александровичу от Верноподданного Российского Дворянства в годовщину 300-летия славного Царствования на Руси Дома Романовых». Серебряный ларец с верноподданной грамотой был подан государю в Крем-

левском дворце на блюде из мамонтовой кости, оправленном в серебро. На блюде были изображены герб Романовых, государственный герб и райские птицы.

Годы правления Николая II были временем небывалого промышленного роста, крупных изобретений. В том же 27 номере журнала «Нива» в рубрике «Завоевание воздуха» было рассказано о чуде техники Российской империи – первом в мире четырехмоторном самолете «Русский витязь» И. И. Сикорского, который называли ярким свидетельством русского гения.

В юбилейный год на страницах журнала «Нива» не часто, но публиковались фотографии представителей Дома Романовых. В № 29 были опубликованы фотографии наследника Алексея, разъезжающего на велосипеде в парке Царского села, фото Алексея и Анастасии, катающихся на лодке на одном из прудов Царского села в сопровождении матроса.

Вообще 1913 г. можно назвать урожайным на различные юбилейные даты, открытие памятников, освящение соборов. Так в № 32 «Нивы» рассказывается об открытии памятника адмиралу Макарову в Кронштадте 24 июня 1913 г. На памятнике был написан девиз адмирала: «Помни войну!». В № 38 рассказывается об открытии памятника П. А. Столыпину в Киеве. Другими юбилеями были 200-летие Александро-Невской лавры и Кронштадта, кронштадтского морского собора и т. д.

В общем, последний предвоенный год был богат на разные события: среди прочих состоялась экспедиция на Камчатку при финансовой поддержке Рябушинского и экспедиция на ледоколах «Таймыр» и «Вайгач». В 1914 г. начнется ужасная Первая мировая война с ее огромными жертвами и бедствиями, и события 1913 г. будут казаться семье Романовых прекрасной, но далекой сказкой.

Глава 3. КОНСЕРВАТОРЫ О ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Участью России в Первой мировой войне посвящено обширное количество томов. В 1926 г. Андрей Медардович Зайончковский (1862–1926) выпустил книгу «Подготовка России к мировой войне». Профессиональный военный, участник русско-японской войны 1904–1905 гг., отмеченный орденами и золотым оружием, он много знал о тайных механизмах, запустивших мировой конфликт. В 2015 г. его труд «Первая мировая война» был переиздан. В 2017 г. была опубликована переписка Николая II и Вильгельма II. Эти письма – важнейшие исторические документы – позволяют понять причины войны, соотношение сил ведущих мировых держав – России, Германии, Англии и Франции. Одним из известных военных историков русского зарубежья был Антон Антонович Керсновский. Его многотомный труд «История русской армии» был издан в Белграде, с 1934 по 1938 гг. А. А. Керсновский придерживался консервативных убеждений, с уважением относился к личности Николая II, считал, что мало какой монарх мог взять на себя крест возглавить армию, казалось, безнадежно разбитую. Можно перечислить и других авторов, занимающихся исследованиями по истории Первой мировой войны: Н. Н. Яковлев, П. В. Мультипули, В. Б. Миронов. В контексте изучения российской повседневности большой интерес вызывает исследование «Города империи в годы Великой войны и революции», опубликованное издательством «Нестор-история» в 2017 г. Много интересной информации о повседневной жизни царской семьи в годы Первой мировой войны содержится в книге Б. И. Колоницкого «Трагическая эротика. Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны», опубликованной в двух изданиях в 2010 и 2021 гг. Автор поставил перед собой задачу изучения распространения и восприятия образов членов императорской семьи в народном сознании, и, прежде всего, в слухах. Большую роль в распространении слухов сыграли печать и, как ни странно, многочасовые очереди за продуктами и товарами первой необходимости. Первая мировая война обострила потребность в печатном слове. Газеты и журналы пользовались ажиотажным спросом. Пресса особенно отличилась в распространении думской пропаганды. Колоницкий делает интерес-

ный вывод, что прессу с интересом читали, но мало кто доверял помещенным в ней материалам из-за цензурных запретов. С привлечением большого количества исторических источников даются оценки личности Николая II, императрицы Александры Федоровны в годы Первой мировой войны, нашедшие отражение в письмах, слухах, газетных публикациях, думских выступлениях, судебных делах об оскорблении носителей власти, представителей самых различных слоев населения. В книге также анализируется роль слухов в подготовке Февральской революции. В 2014 г., к столетнему юбилею Первой мировой войны, серьезное научное исследование «Россия в Первой мировой войне: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис» было опубликовано Российским историческим обществом и Институтом российской истории РАН.

Причины войны и ход военных действий. Первого августа 1914 г. Германия объявила России войну, мотивируя это проведенной русскими на ее границах мобилизацией и отказом Николая II данную мобилизацию остановить. Первая мировая война охватила 38 государств с населением в 1,5 миллиарда человек. Война, совершенно «чуждая русскому и германскому народам, лишенная каких-либо исторических перспектив, приведшая самодержавную Россию и кайзеровскую Германию к гибели» [74, с. 7]. Война не отвечала ни интересам России, ни Германии. России она обошлась в 5,5 миллионов убитых, 2 миллиона 417 тысяч пленных, 556 тысяч искалеченных. Между Германией и Россией фактически не было никаких жизненно важных противоречий. Две империи были связаны тесными экономическими, культурными, политическими, династическими связями. В 1897 г. 30 % российского экспорта приходилось на Германию. Инвестиции немецких банков и компаний в российскую экономику оценивались в 200 миллионов золотых рублей. В целом российская военная и политическая элита была настроена против войны с Германией. Памятуя о событиях русско-японской войны, окончившейся поражением России и сопровождавшейся Первой русской революцией, не приходится сомневаться, что людям, находящимся в 1914 г. у власти, благоразумие подсказывало сохранять нейтралитет. Следует также отметить, что император Николай II по характеру не был воинственным человеком. Ему принадлежала инициатива об ограничении вооружений и заключении всеобщего мира. Историк С. С. Ольденбург, высоко оценивая созыв Га-

агских международных конференций в 1899 и 1907 гг., отмечал, что императору Николаю II принадлежит исторический почин в вопросе практических мер для предотвращения войн и облегчения бремени вооружений. В 1899 г. Россия предложила другим странам принять обязательства не увеличивать в течение пяти лет количество войск, на три года ограничить рост военных бюджетов, запретить применение удушливых газов, разрывных пуль, создать в Гааге международный суд для разрешения конфликтных ситуаций. Николай II верил в возможность предотвращения войн совместными усилиями всех стран. Кроме того, в своей миротворческой деятельности он руководствовался завещанием своего отца императора Александра III держаться независимой позиции, избегать войн. Будучи хорошо информированным, Николай II хорошо понимал всю военную, экономическую, внутривосточную неподготовленность России к большой войне. В отличие от многих своих современников он был далек от идеи «маленькой победоносной войны». Государь с полной ясностью осознавал, что общая европейская война будет грозить гибелью Родине. Поэтому он всеми средствами старался сохранить российскому народу все преимущества мирной жизни, стараясь не ввязываться в войну, по крайней мере, в течение ближайших пяти-шести лет – до 1917 г.

Миротворческие усилия Николая II активно поддерживались здравомыслящими консерваторами, которыми активно разрабатывалась концепция внешней политики страны. Так, перед началом Первой мировой войны трезвомыслящие консерваторы выступали против войны с Германией, полагая, что она будет губительной для обоих государств и что только одна Англия, предав Россию в решительный момент, получит выгоды от самоистребления народов. Об этом предупреждал Николая II в записке известный консерватор, бывший министр внутренних дел П. Н. Дурново, настаивающий на том, что франко-русский союз выгоден России, так как защищал ее от Германии, обеспечивая равновесие в Европе: «Это равновесие было нарушено англо-русским сближением. Зачем нам нужна война с Германией? Главная тяжесть войны выпадет на нашу долю. Война эта чревата для нас огромными трудностями и не может быть триумфальным шествием в Берлин. Неизбежны и военные неудачи. При исключительной нервности нашего общества этим обстоятельствам будет придано исключительное значение. Начнется с того, что все неудачи будут приписываться прави-

тельству. В законодательных учреждениях начнется яростная кампания против него. В стране начнутся революционные выступления. Армия, лишившись наиболее надежного кадрового состава, охваченная в большей части стихийным крестьянским стремлением к земле, окажется деморализованной, чтобы служить оплотом законности и порядка. Законодательные учреждения и лишенные доверия оппозиционно-интеллигентские партии будут не в силах сдерживать ими же поднятые расхолодившиеся народные волнения, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается описанию» [15, с. 10–11].

Так почему же Россия все-таки ввязалась в Первую мировую войну? В самой России склонны были искать объяснения этому во внешних обстоятельствах – а именно в экономических и моральных обязательствах перед союзниками. Социал-демократы во главе с В. И. Лениным объясняли участие в войне давлением западных стран, которым Россия задолжала крупные суммы. Консерваторы считали, что Россия действовала, побуждаемая бескорыстным чувством долга перед союзниками. По мнению А. Ф. Керенского, Россия была втянута в войну, так как имела обязательства в рамках Антанты перед Англией и Францией: «России становилось все труднее следовать дорогой мира в Европе, балансировавшей на грани войны. Не будучи способной... сдержать мирными средствами чудовищный динамизм германской экономической и военной машины, Антанта все больше концентрировала свои усилия на производстве и совершенствовании вооружений. Увеличение армий и военных флотов неизбежно подталкивало Европу все ближе и ближе к вооруженному столкновению...» [42, с. 81]. Керенский выделял три основных противоречия, существовавших в Европе в канун мировой войны: «Это, во-первых, англо-германская борьба за военно-морское превосходство; во-вторых, австро-германороссийские разногласия в отношении Балкан и Турции; и, в-третьих, франко-германское соперничество в вопросе об Эльзасе и Лотарингии и африканских колониях» [42, с. 81]. П. Н. Милюков считал инициатором войны кайзера Вильгельма II: «Он был готов воевать с Россией. С другой стороны, демократический лагерь Европы рассчитывал на помощь России в случае “мирового конфликта”» [69, с. 146–147]. Генерал А. И. Деникин в качестве главной причины мировой войны выделял борьбу государств за политическую и экономическую гегемо-

нию. Современный историк Н. Н. Яковлев считает главной причиной мировой войны безумное империалистическое соперничество Германии и Англии. Таким образом, по своему характеру Первая мировая война была империалистической. Она являлась справедливой лишь для отстаивающих свой суверенитет Бельгии и Сербии.

В начале двадцатого века между ведущими державами мира, вступившими в стадию империализма, резко обострились экономические, политические, территориальные противоречия. Особенно острыми эти противоречия были между державами образовавшегося в 1882 г. Тройственного союза (Германии, Австро-Венгрии, Италии) и странами Антанты (Россией, Францией, Англией), сформировавшейся в 1907 г. Уже в ходе Первой мировой войны в составе союзов произошли изменения: в 1915 г. из Тройственного союза вышла Италия и присоединилась к странам Антанты, в 1916 г. также к членам Антанты присоединилась Румыния, а в 1917 г. – США. Тройственный союз в свою очередь пополнился в 1914 г. Турцией, а в 1915 г. – Болгарией. Страны, входившие во враждебные друг другу союзы, ставили перед собой в войне следующие цели:

1. Англия стремилась сохранить свою гегемонию в Европе, прежде всего в военно-морской сфере.

2. Германия мечтала о территориальном переделе мира. Ее интересовали богатые английские и французские колонии.

3. Франция хотела вернуть утраченные в 1871 г. в ходе франко-прусской войны Эльзас и Лотарингию.

4. Австро-Венгрия добивалась сохранения своего влияния на Балканах. Следует особо отметить, что взрывоопасность ситуации усугублялась тем, что Россия, Франция, Англия, Германия также имели на Балканах свои интересы.

5. Россия хотела добиться выполнения четырех задач: сокрушить германский милитаризм, присоединить часть Западной Украины (Галицию), получить гарантию свободного прохода через черноморские проливы, поддержать свою союзницу Сербию.

Экспансионистскую программу самодержавия поддерживали Англия и Франция. В 1915 г. эти страны признали правомерность притязаний России на обладание Черноморскими проливами (Босфор и Дарданеллы) с прилегающими островами. Большинство российских политических партий поддержали самодержавие в самом начале войны.

Крайне правые, или консерваторы-реакционеры, формулировали захватнические притязания подчас шире, чем намечало правительство. Так, Н. Е. Марков, выступая в Государственной думе 14 марта 1916 г., требовал передать в полное владение Россией Константинополь и Андрианополь с прилегающими территориями – Галлиполи, Галицию, Буковину, Угорскую Русь, Армению с Трапезундом, Северную Персию. Либеральные партии также поддерживали правительственную программу аннексии черноморских проливов.

Особую позицию в отношении войны занимали большевики. В. И. Ленин выступил за превращение войны империалистической в войну гражданскую. Следует отметить, что и в династии Романовых была сильна партия войны. Особой воинственностью отличался великий князь Николай Николаевич, дядя Николая II, ставший в августе 1914 г. главнокомандующим русской армии.

Большинство историков считают, что Россия не была готова к Первой мировой войне. Это становится очевидным после сравнения военно-промышленных потенциалов Германии и России. В 1913 г. Германия находилась на пути бурного технического развития. Население ее составляло 67,5 млн человек. Промышленное производство с 1860 по 1900 гг. увеличилось в пять раз, протяженность железных дорог составляла 48 тыс. верст, морской флот насчитывал порядка двух тысяч судов. Германия обладала многочисленной и хорошо обученной армией – 808 тыс. человек, увеличенной после мобилизации в августе 1914 г. до 3 млн 882 тыс. человек. В составе вооруженных сил насчитывалось 232 самолета, 9388 орудий (из них 3260 тяжелых), 14 броненосцев, 4000 бронеавтомобилей.

Россия также к 1913 г. совершила скачок вперед в своем развитии. Население ее составляло в 1913 г. почти 170 млн человек. Промышленное производство с 1860 по 1913 гг. увеличилось более чем в четыре раза. Протяженность железных дорог составила 74 тыс. верст (1 верста – 1,067 км). В 1913 г. урожай зерновых в России был на одну треть больше, чем в Англии, Канаде, США. Французские экономисты подсчитали, что если Россия будет развиваться такими темпами, то к середине двадцатого века она будет доминировать в Европе в экономическом и военном отношениях. Уже в 1913 г. русская армия была самой многочисленной в Европе – 1 млн 384 тыс. человек. После

мобилизации численность армии превысила 5 млн человек. Вооруженные силы насчитывали 263 самолета, 7088 орудий (из них 240 тяжелых орудий), 13 броненосцев и 60 броневедомостей. Германская армия, уступавшая русской по численности, превосходила ее по количеству тяжелых орудий и броневедомостей. К недостаткам русской армии можно отнести недостаточное количество боеприпасов и слабо подготовленное высшее командование.

Кроме того, Россия в 2,5 раза отставала от Германии по пропускной способности железных дорог. Это привело во время войны к недостаточному снабжению боеприпасами и продовольствием. Российское военное руководство неверно оценивало военную перспективу, рассчитывая на скорейшее, успешное завершение войны. Из-за просчетов оценки размаха будущей войны было резко сокращено производство винтовок. В России было три государственных оружейных завода, выпускающих винтовку Мосина, – Тульский, Ижевский, Сестрорецкий с общей годовой производительностью в 525 тыс. винтовок. В 1913 г. они работали, соответственно, на 7, 8 и 12 % своей мощности. В 1908–1913 гг. в России была проведена военная реформа. Улучшилась система боевой подготовки, увеличился срок службы, возросла численность армии, были отменены сословные ограничения при приеме в офицерские училища. Военные расходы увеличились в 3,7 раза, составив 40 % процентов бюджета. В середине сентября 1913 г. была принята «Большая программа» по перевооружению русской армии. Она должна была быть выполнена к осени 1917 г. Программа предусматривала качественное и количественное усиление артиллерии, развитие авиации, автомобильного транспорта и инженерных войск. Вооруженные силы России предполагалось увеличить на 480 тыс. человек или 39 % процентов.

Интересным историческим источником об участии России в Первой мировой войне являются мемуары британского военного атташе в России генерал-майора Альфреда Нокса. Всю войну он исправно вел записи и после нее издал книгу «Вместе с русской армией. Дневник военного атташе. 1914–1917». В 2014 г. эта книга была издана на русском языке. Воспоминания генерал-майора содержат размышления о роли России в Первой мировой войне, сильных и слабых сторонах ее армии, оценке действий верховных главнокомандующих – великого князя Николая Николаевича и государя Николая II, анализ планов воен-

ных действий, наступательных операций, причин отступления и поражения русской армии. В дневнике приведена целая галерея портретов генералов и политиков, с которыми А. Ноксу довелось встретиться. Современным историкам особенно интересна его личная оценка событий, произошедших на театре военных действий в Восточной Пруссии, Галиции, Польше, подробностей знаменитого Брусиловского прорыва, анализ причин, приведших к Февральской и Октябрьской революциям. А. Нокс отмечал, оценивая свой дневник: «Можно предположить, что эти выдержки из дневника британского офицера вызовут интерес. В любом случае автор готов утверждать, что у него было гораздо больше возможностей наблюдать за деятельностью русской армии, чем у любого другого зарубежного наблюдателя...» [90, с. 7]. Хорошая наблюдательность и большая информированность позволили ему создать целостное представление об изменениях в русской армии на протяжении всего периода Первой мировой войны. Что же представляла собой русская армия в 1914 г.? Каковы были ее достоинства и недостатки? Готова ли она была к мировой войне? Можно ли было согласиться со словами военного министра В. А. Сухомлинова, сказанными в интервью одной газете «Мы готовы!»? Российский генеральный штаб считал, что война будет носить кратковременный характер и русское численное превосходство в сочетании с французским наступлением поможет сокрушить противника. Британский военный атташе старался понять, верны ли эти прогнозы. Он сделал вывод, что при численности населения в 170 миллионов человек, Российская империя обладала большими мобилизационными ресурсами: «В январе 1910 г. ... мужское население России достигло 81 980 600 человек, из которых примерно 74 262 600 были годны для несения военной службы» [90, с. 13]. Такое количество молодых людей вселяло надежду у союзников по Антанте, что «русский паровой каток» раздавит германскую мощь. Альфред Нокс отмечал, что такое мнение о неисчерпаемых людских ресурсах России было ошибочным.

В стране существовало либеральное законодательство по вопросу освобождения от военной службы: по семейным обстоятельствам и в связи с получением образования. В стране было 12 военных округов, насчитывалось 114 пехотных и 36 кавалерийских дивизий. Готовясь к войне, царское правительство приняло решение увеличить численность армии к 1917 г. на 468 тысяч человек, до 1 миллиона 768 тыс. человек.

Британский атташе отмечал следующие недостатки, не позволяющие резко увеличить численность русской армии: «сложные климатические условия, а также недостаток казарменных помещений, большинство из которых располагались в центрах крупных городов, а также плохая подготовка инструкторского состава обуславливали низкое качество подготовки новобранцев. Здесь же действовали и такие негативные факторы, как отсутствие мест для расквартирования войск близ линии фронта и низкая пропускная способность российских железных дорог, что не позволяло вовремя восполнять потери в боевых частях. Касаясь вопроса вооружения русской армии, А. Нокс отмечал простоту и надежность винтовки Мосина образца 1891 г. Большим недостатком русской армии, по сравнению с армиями Тройственного союза, было малое количество орудий тяжелой артиллерии: «Иными словами, на 1000 штыков приходилось всего по 34 полевых пушки, 28 легких гаубиц и 0,5 так называемых тяжелых орудий» [90, с. 14]. Военное ведомство планировало создать 63 батареи тяжелой артиллерии. Однако к моменту начала войны их не успели даже сформировать. Другой ошибкой, во многом общей для всех воюющих держав, стало неверное планирование количества снарядов и патронов, необходимых для военных действий. Политики и военные думали, что война продлится всего 1–2 месяца. Русские генералы считали, что достаточно будет боекомплекта в 1000 снарядов на одно орудие, а французские генералы планировали 1500 снарядов. Как показала война, и те и другие расчеты оказались неверными. По мнению А. Нокса, слабая российская промышленность не могла в короткий срок резко развернуть производство артиллерийских снарядов. Касаясь состояния военно-воздушных сил, А. Нокс также отмечал отсутствие мощных дирижаблей и недостаточное количество боевых самолетов. К 1914 г. страна имела 320 аэропланов, среди которых выделялись 10 четырехмоторных бомбардировщиков «Илья Муромец». Власти планировали в период с 1914 по 1916 гг. поставить в вооруженные силы 1000 летательных аппаратов, из которых 400 построить на российских предприятиях. Однако этому плану препятствовало слабое развитие авиационной промышленности: «В стране было всего два предприятия по производству двигателей – завод «Гном» в Москве, производственные мощности которого позволяли выпускать примерно по 20 двигателей в месяц, и завод «Мотор» в Риге, выпускавший ежемесячно по два-три дви-

гателя» [90, с. 14]. Поэтому основной авиапарк поставлялся со стран Антанты – «Ньюпорты», «Фарманы» и другие самолеты. Кроме того, для военно-воздушных сил были характерны и другие недостатки: малое количество пилотов и нехватка опытных авиационных механиков (не больше 300 человек). А. Нокс сделал вывод, что до войны царскому правительству не удалось создать массовое авиационное движение в России (число авиаклубов было в 10 раз меньше, чем в Германии).

Российская армия испытывала большие сложности и с транспортом. Основным видом транспорта, наряду с железнодорожным, оставался медленный гужевой транспорт. К моменту начала войны «... в стране имелось всего 679 автомобилей, принадлежащих государству: 259 пассажирских, 418 грузовых и 2 машины скорой помощи» [90, с. 17]. За 13 месяцев войны для нужд армии было реквизировано 475 машин. Положение России осложнялось недостаточным количеством портов. Фактически власти могли использовать только два крупных порта – Архангельск и Владивосток. Касаясь подготовки личного состава, А. Нокс отмечал некомпетентность высшего руководства и недостаточную подготовленность личного состава. Среди новобранцев 75 % были выходцами из крестьянства. Лишь 50 % из них к началу войны были грамотными. Русские солдаты имели в глазах А. Нокса и положительные качества: они были более приспособлены к суровому климату, лишениям, нервным нагрузкам. Отношения между солдатами и офицерами были заметно лучше, чем, например, в германской армии. Для русского солдата вообще характерна искренняя вера в Бога и императора. Среди других характеристик русских солдат, приведенных в дневнике, можно встретить и такую, с которой трудно согласиться: «Русские солдаты были ленивы и беспечны, не привыкли что-то делать тщательно при отсутствии жесткого принуждения и контроля. Большинство из них в первый момент охотно отправились на войну в основном потому, что плохо представляли себе, что это такое. У них отсутствовали ясные знания о целях, за которые они сражались, чувство истинного патриотизма, которое помогло бы им морально выстоять в условиях, когда армия несет тяжелые потери» [90, с. 24–25]. По мнению А. Нокса, тяготы мировой войны в России ощущались сильнее, чем в других странах Антанты из-за недостаточно развитых коммуникаций, отсталой промышленности, некомпетентности правительства и военных, классового неравенства, отсутствия истинного патриотиз-

ма. При этом он признает тот неоспоримый факт, что русская армия действовала с редкой самоотверженностью. Таким образом, можно сделать вывод, что Россия вступила в Первую мировую войну неподготовленной.

Мобилизация русской армии, по мнению А. Нокса, прошла гладко. Он так описывает свои впечатления от первого дня войны: «Все винные магазины закрыли, пьяных не было вообще. Война встретила необычайно горячую поддержку среднего класса. Около четверти миллиона людей с непокрытой головой собрались на Дворцовой площади перед святыми иконами в момент, когда император давал клятву, повторяя слова Александра I, что он не заключит мира до тех пор, пока хоть один враг останется на Русской земле» [90, с. 31]. Толпы возбужденных граждан стояли у британского и французского посольств, выкрикивая патриотические лозунги, требуя сокрушить германский милитаризм. Прогноз российского генерального штаба относительно начала войны оказался довольно точным: немцы бросили все силы на Западный фронт. Описывая ход военных действий в Восточной Пруссии, А. Нокс выделил хорошую работу русской артиллерии, ее меткую стрельбу. В то же время, он пишет о больших потерях русской пехоты от губительного огня немецких пулеметов. Неудача Восточно-Прусской операции была связана также с бедственным положением связи и с тем, что многие офицеры не могли читать карты, сверяться с ними. Общие потери русских войск в Восточно-Прусской операции составили 170 тысяч человек в армии А. В. Самсонова и 60 тысяч в армии П. К. Ренненкампа. Много видевшего в жизни А. Нокса поразило отношение к этим потерям великого князя Николая Николаевича: «Мы здесь привыкли жертвовать собой в интересах своих союзников» [90, с. 78]. Вот такое пренебрежение жизнями своих солдат. Более четверти миллиона всей кадровой армии, девять армейских корпусов и 8 кавалерийских дивизий, было принесено в жертву. Потеряно было 500 орудий.

В августе-сентябре 1914 г. в Галицийской битве участвовало свыше 100 пехотных и кавалерийских дивизий (около 2 млн человек). Русские войска прорвали австрийский фронт в Галиции, заставив их начать беспорядочное отступление. Третьего сентября войска Юго-Западного фронта заняли Львов, а днем раньше Галич. В сентябре австро-венгерское командование отдало приказ об отводе всех своих армий

за реку Сан. В Галицийской битве австрийцы потеряли 400 000 человек убитыми, свыше 100 000 – пленными. Русские потери составили 250 000 человек. В разгар Галич-Львовской операции, 25 августа 1914 г., совершил подвиг военный пилот штабс-капитан П. Н. Нестеров. На высоте 2000 метров он протаранил австрийский аэроплан. Австрийский самолет опрокинулся и стал падать вниз. Аэроплан Нестерова был невредим и благополучно продолжил полет, но удар от столкновения был настолько сильным, что летчик погиб от перелома позвоночника.

В сентябре-октябре на Восточном фронте проводилась Варшавско-Ивангородская операция. Командующий германскими войсками П. фон Гинденбург приказал силам 9-й армии сходу овладеть Варшавой. С этой целью была образована ударная группа под командованием генерала А. фон Макензена. Макензен внезапно 26 сентября нанес удар на варшавском направлении. С 27 сентября развернулись ожесточенные сражения между немцами и войсками трех русских армий. Под ударами противника русские войска отошли за линию фронта южнее Варшавы. События у Иван-города также развивались напряженно. Двадцать четвертого октября русские армии предприняли контрудар у Иван-города. Первая немецкая армия была вынуждена отступить. Четыре русские армии начали наступать на западе и юго-западе. Угроза вторжения войск в Германию становилась реальной. Однако у русских войск не хватало сил. В кровопролитных операциях (октябрь – ноябрь) обе стороны понесли большие потери: Россия – 2 миллиона убитыми, ранеными, пленными; Германия – 950 тысяч человек. России удалось остановить австро-германское наступление. Однако она не смогла предпринять поход на Берлин.

В октябре 1914 г. активизировались военные действия Турции против России. Шестнадцатого октября немецкие крейсера под турецким флагом «Гебен» и «Бреслау» обстреляли Севастополь и Одессу. Другие вражеские корабли подвергли нападению Новороссийск и Феодосию. В декабре 1914 г. началось наступление турецких войск на Кавказе. У России появился новый фронт – Кавказский. Столкновение с русскими войсками окончилось для турок катастрофой. В битве под Сарыкамышем турки были разбиты, потеряв при этом 80 тыс. человек. После этой победы русские войска начали крупное наступление вглубь Турции и в январе – марте 1915 г. очистили от турок Батумскую об-

ласть. В это время в тылу у турок началось восстание армян. Турецкие войска во время подавления восстания вырезали 800 тыс. армян. Русское командование решило помочь восставшим и в мае 1915 г. начало крупное наступление по всему фронту. Было спасено 375 тыс. армян, т. е. 23 % армянского населения Турции. В 1915 г. была взята хорошо укрепленная крепость Эрзерум. Потери турок составили около 60 тыс. человек убитыми и ранеными.

Итоги военных действий в 1914 г. заключались в срыве германских планов блицкрига. После сентябрьской битвы на Марне Западный фронт стабилизировался. Германия вынуждена была вести борьбу на два фронта. Начало войны выявило недостатки русской армии: нехватку тяжелых орудий, винтовок, боеприпасов. В 1915 г. германское командование пришло к выводу, что надежду на победу в мировой войне мог дать выход из войны России. Поэтому как только настало затишье на Западном фронте, началась переброска германских войск на Восточный фронт против России. Германский император Вильгельм II планировал в 1915 г. одним мощным ударом вывести Россию из войны и принудить ее к сепаратному миру или капитуляции. В любом случае планировалось уничтожение русской армии. Общий план германского наступления был разработан генерал-фельдмаршалом П. фон Гинденбургом. До наступления весны немцы сосредоточили к югу от Кракова 11-ю армию Августа фон Макензена, состоящую из десяти пехотных и одной кавалерийской дивизий. После переброски дополнительных частей на Восточном фронте было сосредоточено более двух третей германских дивизий (65 из 90). В апреле немцам удалось создать подавляющее превосходство в тяжелой артиллерии. Русское командование было не в курсе планов германского командования. Оно разрабатывало план похода на Берлин через территорию Восточной Пруссии. В марте 1915 г. русские войска начали наступление в Карпатах. 9 марта была захвачена австрийская крепость Перемышль. В плен попало 117 тыс. австро-венгерских солдат и офицеров. Николай II посетил взятые крепости Перемышль и Львов. Русские войска, отразив все атаки, начали форсирование Карпат, а затем вышли на Венгерскую равнину. Открывалась прямая дорога на Вену. Над Австро-Венгрией нависла угроза военного поражения: ее потери были огромны – 400 тыс. человек убитыми и ранеными, однако и потери русской армии были велики – 200 тыс. человек. Сил для дальнейшего наступления на Венгрию уже не было.

В этот момент П. фон Гинденбург нанес свой ошеломляющий удар. Он задумал сокрушить русский фронт в районе Горлицы и на р. Дунайце с целью зайти в тыл армиям Юго-Западного фронта и уничтожить их. Германские силы, предназначенные для удара, были огромными: 357 тыс. человек, 1272 легких и 334 тяжелых орудий, 660 пулеметов. Русские войска на этом направлении имели 219 тысяч солдат, 675 легких и 4 тяжелых орудия, 600 пулеметов. 14 апреля Гинденбург начал отвлекающее наступление в Прибалтике. Была занята Либава. 15 апреля началось главное германское наступление. На позиции русских войск обрушился ураганный артиллерийский огонь. Он не смолкал несколько суток. Русские солдаты были подавлены металлом и стали отступать. 9 июня германские войска отбили Львов и приблизились к Варшаве. 30 июня немецкие войска начали наступление из Восточной Пруссии. 9 июля русские войска начали отступать по всему фронту, оставляя центральную Польшу. Укрепленные польские крепости сдавались одна за другой. 1 августа немцы овладели Ковно, 5 – Варшавой, 7 – крепостью Новогеоргиевск (83 тыс. солдат и 1204 орудия). Немцы продолжали продвигаться на восток. Тринадцатого августа они овладели Брест-Литовском. Литва и значительная часть Латвии оказалась в оккупации. 21 августа пал Гродно. Вся линия Неман – Буг развалилась. Русской ставкой овладела паника. За летнюю кампанию потери русской армии составили 1 млн 410 тыс. убитыми и ранеными. Пагубно сказались события года и на психологическом климате. Россия утратила богатые земли, уже более века находившиеся под русским владычеством, а также недавно завоеванную Галицию. Двадцать три миллиона подданных русского царя – 13 % населения Российской империи – оказались под оккупацией. Поражения 1915 г. подорвали моральный дух русской армии. Одним из последствий ощущения долгой безнадежности была готовность, с какой русские солдаты сдавались в плен. В 1915 г. германцы и австрийцы взяли в плен один миллион русских солдат. Старой кадровой русской армии уже более не существовало. И все же можно утверждать, что цели Германии – разгромить русскую армию в Польше и заставить Россию выйти из войны – не были достигнуты.

Дефицит винтовок привел к тому, что в окопы отправлялись безоружные солдаты, чтобы после гибели своих товарищей взять их оружие.

Царское правительство закупило около 1 миллиона винтовок в Японии, США, Италии. Однако иностранные компании плохо выполняли заключенные контракты. Русской армии не хватало эффективной артиллерийской поддержки. Офицеры говорили А. Ноксу: «Бои с немцами сильно отличаются от боев с австрийцами. Немцы кладут свои снаряды прямо нам в окопы, и этих снарядов очень много» [90, с. 230]. С ростом потерь русской армии в среде офицерства стало меняться отношение к союзникам. Офицеры, обеспокоенные тем, что французы не начинают обещанного контрнаступления, говорили А. Ноксу много плохого о союзниках по Антанте: «Некоторые из русских думают, что французское наступление не начинается по вине западной дипломатии, поскольку наши правительства приняли дьявольски коварное решение о том, что Россия должна обессилеть, чтобы после войны не стать чересчур мощной» [90, с. 173].

В армии ощущалась нехватка вооружений. Ситуация с обеспечением фронта боеприпасами также стала критической. Весной 1915 г. резко ухудшилось внутриполитическое положение России. Резко подорожали продовольственные товары, особенно мясо и сахар. В широких слоях населения стала накапливаться усталость по отношению к войне: «Представители всех классов начали уже уставать от войны. Шепотом стали распространяться слухи, что Россию втянули в войну в результате ссоры между двумя чужими государствами, где она была не причем. Население начало терять доверие к правительству и высшим эшелонам власти» [90, с. 225]. Главнокомандующий русской армии Николай Николаевич пребывал в полной растерянности. Он плакал и просил Николая II сменить его на посту. После военных неудач Верховным Главнокомандующим с 23 августа 1915 г. стал император Николай II.

Поражения на фронте привели к недовольству общества. К июню 1915 г. дух единения, во имя общей цели сблизивший правительство и общество в первые месяцы войны, иссяк, уступив место упрекам и враждебности. Военный министр В. А. Сухомлинов был отправлен в отставку. Одиннадцатого июня 1915 г. на его место был назначен генерал А. А. Поливанов. После военных поражений весны 1915 г. в Государственной думе был образован Прогрессивный блок. Во главе этого блока стояли либеральные оппозиционеры: П. Н. Милюков, руководитель кадетской партии, октябрист А. И. Гучков, прогрессист А. И. Ко-

новалов, националисты В. Шульгин и В. А. Бобринский. Руководители блока заявили о готовности оказать содействие царскому правительству при условии, что это правительство будет возглавляться лицом, пользующимся доверием общественности. То есть в основе программы лежало главное требование кадетской партии – требование ответственного министерства. В новое правительство должны были войти сторонники либеральных реформ, которые до введения конституции должны были взять руководство страной в свои руки. Предложения Прогрессивного блока получили поддержку Московской городской думы, военно-промышленных комитетов. В газете «Утро России», владельцем которой являлся миллионер П. П. Рябушинский, 13 августа появился список людей, которых блок хотел бы видеть в составе ответственного министерства: П. Н. Милюков, А. И. Гучков, А. И. Коновалов, А. А. Поливанов, А. В. Кривошеин. В 1915 г. был образован объединенный комитет по снабжению армии под председательством Г. Е. Львова (Всероссийский союз земств и городов). Для распределения военных заказов на базе представительных организаций крупной буржуазии возникли Военно-промышленные комитеты. Председателем центрального ВПК являлся А. И. Гучков. Николай II был сторонником привлечения общественных организаций к выполнению заказов для нужд обороны. Правительство проводило особые совещания по обороне, топливу, перевозкам. Следует отметить важную, положительную роль Николая II в налаживании нормального снабжения армии. Благодаря усилиям императора в короткий срок было построено 37 военных заводов. В 1916 г. объем промышленного производства вырос на 22 % по сравнению с 1914 г., производство винтовок увеличилось в три раза, а орудий – в восемь раз. Для Уинстона Черчилля поразительным эпизодом Первой мировой войны стало быстрое перевооружение русской армии, которая к лету 1916 г. сумела собственными усилиями и путем использования средств союзников, выставить 60 армейских корпусов вместо 35, с которыми она начала войну. Численность русской армии достигла к концу 1916 г. семи миллионов человек. Увеличилась техническая оснащенность армии. К первому января 1916 г. русская армия имела 5300 броневых автомобилей, 1700 мотоциклов, 8900 самолетов, 900 прожекторных станций, несколько десятков зенитных батарей.

Между тем внутреннее положение России продолжало ухудшаться. Союзники России опасались, что она может выйти из войны путем

заклучения сепаратного мира с Германией. И хотя Николай II, верный своим союзническим обязательствам, пообещал не заключать мира, пока из пределов России не изгонят неприятеля, общественные круги, Государственная дума начали обвинять его в измене, в попытках заключения сепаратного мира. Лидер кадетской партии Милюков дошел до того, что первого ноября 1916 г. в Государственной думе заявил, что имеет неопровержимые доказательства связей Романовых с германским императором Вильгельмом II. Милюков огульно обвинил Ее Величество императрицу Александру Федоровну в государственной измене. В любой воюющей стране мира П. Н. Милюкова за такие речи предали бы военному трибуналу, а в России приветствовали как героя. Б. И. Колоницкий отмечал, что речь П. Н. Милюкова, запрещенная цензурой, переписывалась не от руки, а на пишущих машинках. Спрос на текст речи лидера партии кадетов так возрос, что люди платили по 25 рублей за экземпляр думского выступления.

Именно в 1915 г. против Николая II в среде Государственной думы, генералитета, правящей династии стал назревать заговор. Заговор активно поддерживался правительствами Англии и Франции. Англия, Франция, США преследовали цель уничтожить национальную монархическую государственность в России и активно вмешивались во внутренние дела страны, опираясь на либеральные и социалистические партии: «Движущими силами второй антирусской революции стали мировое масонство, российское либерально-масонское подполье, а также социалистические и националистические круги» [103, с. 345]. Либерально-масонское подполье ставило своими целями свержение существующего государственного строя и разложение Православной церкви. Еще в начале двадцатого века мировое масонство, встревоженное усилением экономической и военной мощи России, стало разрабатывать различные планы ослабления и уничтожения России. Одним из планов являлось втягивание России в мировую войну. Английское посольство в годы Первой мировой войны являлось одним из подрывных центров, способствующих подготовке в России революции. Для английского посла Дж. Бьюкенена самодержавие ассоциировалось с реакцией. Дж. Бьюкенен принимал в посольстве либеральную оппозицию П. Н. Милюкова, С. Д. Сазонова, убеждал, что английское правительство одобрит военный переворот, целью которого является ликвидация монархии и провозглашение конституции. Английское по-

сольство способствовало раздуванию клеветнических, лживых слухов о взаимоотношениях императрицы и Г. Е. Распутина. Дж. Бьюкенен, принимая в посольстве П. Н. Милюкова 1 ноября 1916 г. после его клеветнической речи в Государственной думе, показывал одобрение разрушительной деятельности Милюкова.

Французский посол в России Морис Палеолог также был замешан в подготовке антимонархического заговора. Поражает цинизм данного дипломата, сравнивающего ценность жизни русского и французского солдата. Для него русские были пушечным мясом. Он выпрашивал у Николая II 400 тыс. солдат для того, чтобы отправить их на Западный фронт.

Активизация масонства относится к 1915 г., когда все политические и социально-экономические противоречия, связанные с войной, достигли большого напряжения. Работа масонов шла двумя путями: во-первых, происходило объединение оппозиционных элементов, прежде всего военных, способных совершить военный переворот, во-вторых, осуществлялось давление на общество при помощи печати. Руководство политического масонства в 1916 г. состояло из следующих лиц: Н. В. Некрасова, А. Ф. Керенского, М. И. Терещенко, И. А. Коновалова, И. Н. Ефремова, А. И. Гучкова. Роли каждого из руководителей масонства были расписаны. Так, Н. В. Некрасов держал связь с либеральными кругами, А. Ф. Керенский втягивал в орбиту масонского влияния радикалов, М. И. Терещенко вел работу среди военных. Русская писательница Н. Н. Берберова делает следующий вывод: «Масонство нашего столетия объединяло великих князей Романовых и социал-демократов, генералов царской ставки и членов Государственной думы “прогрессивного блока”, людей известных в свое время всей России...» [12, с. 10].

В 1915–1916 гг. процветала Военная ложа. Ее организацией занимался А. И. Гучков. Генералы М. В. Алексеев, А. М. Крымов, Н. В. Рузский были посвящены в масоны с помощью А. И. Гучкова, который вынашивал мысль об организации дворцового переворота. Он предусматривал насильственную передачу власти от Николая II к великому князю Михаилу Романову – регенту при малолетнем царевиче Алексее. Генерал-адъютант М. В. Алексеев, начальник штаба при Верховном главнокомандующем, вошел в военную ложу с рекомендацией А. И. Гучкова. В этой связи становится понятно, почему именно генералы М. В. Алексеев и Н. В. Рузский приняли участие вместе с А. И. Гучковым и В. В. Шульгиным в процедуре подписания царем акта отречения. Алексеев чис-

лился в кадетах и в кадетском партийном списке по выборам в Учредительное собрание и хотел стать военным диктатором.

Вначале 1916 г. со стороны России действовало три фронта: Северный, Западный и Юго-Западный. Северным фронтом командовал генерал А. Н. Куропаткин, Западным – генерал Эверт, Юго-Западным – генерал А. А. Брусилов. В течение весны 1916 г. на Юго-Западном фронте шла подготовка к наступлению против Австро-Венгрии. 4 июня 1916 г. мощная артиллерийская канонада возвестила о начале русского наступления, вошедшего в историю как знаменитый Брусиловский прорыв. Главный удар должна была наносить восьмая армия генерала А. М. Каледина в направлении Ковель-Брест. Генералу П. А. Лечицкому поручено было прорвать фронт в Буковине. В ходе наступления русской армии широко применялась тактическая авиация: бомбардировщики «Илья Муромец» направлялись на поражения особо важных целей в сопровождении истребителей. Германские и австро-венгерские войска были разгромлены. Русские овладели Буковиной, частью Южной Галиции, достигли горных хребтов Карпат. Количество пленных, захваченных армиями А. А. Брусилова за неделю наступления, перевалило за 115 тыс. человек. 27 сентября ставка приказала прекратить наступление. Брусиловский прорыв был завершен. Военные его результаты были следующими: германские и австро-венгерские войска потеряли свыше 1,5 млн человек убитыми и ранеными, 272 тыс. пленными, 312 артиллерийских орудий, 1795 пулеметов. Главная заслуга в победоносном наступлении принадлежала генералу Алексею Алексеевичу Брусилову.

Русские солдаты мужественно сражались во Франции и Македонии. С самого начала мировой войны союзники воспринимали Россию прежде всего как «паровой каток», который своими несметными полчищами завалит Германию, добыв для них победу живой силой, и постоянно требовали солдат от России. Это происходило даже в 1915 г., когда русская армия потеряла свыше одного миллиона человек. В декабре 1915 г. Россию посетила французская делегация во главе с сенатором Думером, который потребовал от истекающей кровью России направить на Западный фронт 300 тыс. солдат. Отказать Франции русское командование не могло. В апреле 1916 г. в Марсель прибыли четыре особых бригады русской армии. Общая численность русских войск

составила 45 тыс. 760 человек. Вторая бригада была переброшена для усиления союзных войск в Македонию.

Немецкая экономика испытывала большие трудности в войне со странами Антанты. В Германии неуклонно снижалось производство вооружений, ощущалась нехватка сырья и продуктов питания. В военных и политических кругах Германии возник план использования социал-демократов для организации беспорядков с целью выхода России из войны. Элизабет Херш в книге «Николай II», написанной на основе архивных материалов, убедительно показала разрушительную роль Германии в поддержке российских революционеров [153]. Немцы легко находят человека, имеющего связи с верхушкой революционеров. Революционер Александр Парвус (Гельфант) предложил немцам план по организации революции в России. Наиболее важные элементы плана включали: антивоенную и антимонархическую пропаганду в столицах – Петрограде и Москве, создание искусственного дефицита в снабжении армии и населения, диверсии на военных заводах, поддержка национальных и сепаратистских настроений в Польше, Украине, Финляндии для ослабления империи, создание печатных изданий, стоящих на антирусских и пацифистских позициях. Немецкая сторона была убеждена Парвусом. Революционерам был выделен стартовый капитал – два миллиона золотых марок. Деньги поступали через Стокгольм и размещались на счетах Сибирского банка в Петрограде. По мнению компетентного исследователя О. А. Платонова, «общая сумма денег, выделенных германской и австрийской спецслужбами... оценивается... цифрой не менее 100 млн долларов в ценах тех лет» [102, с. 353].

Осень третьего года войны была порой упадочных настроений на фронте и в тылу. Кампания 1916 г. обошлась русской армии в 2 млн убитых, раненых и плененных солдат. Расходы на войну были огромны. Если в 1914 г. Россия потратила на войну 1 млрд 655 млн рублей, то в 1916 г. – 14 млрд 573 млн рублей. Все это тяжелым бременем ложилось на плечи народа. К осени 1916 г. тяготы войны стали ощущаться необеспеченными классами города и деревни. В своих донесениях охранка предупреждала о высоких ценах, отсутствии в продаже предметов первой необходимости, нарастании продовольственного кризиса. Продовольственные продукты подорожали в несколько раз. К примеру, в июле 1914 г. мясо стоило 18 копеек за кг, картошка (10 штук) – 15 копеек, хлеб 1 фунт – 2,5 копейки, масло сливочное – 50 копеек. В мае 1916 г.

мясо стоило 60 копеек, свинина – 80 копеек, картошка – 55 копеек, хлеб – 6 копеек, масло сливочное – 1 рубль 20 копеек. За два военных года заработок рабочих повысился на 100 %, а цены на продукты и товары повысились на 300 %. Дороговизна продуктов в 1916 г. привела к появлению новых поговорок: «человек не скотина – поест и маргарина», «видит бедняк молоко – да рыло у него коротко», «продай лошадь и санки – купишь полфунта сметанки», «сидит впотьмах и дворянин, коли шкуру дерут за керосин».

Сильно пострадало в ходе войны сельское хозяйство. В армию была мобилизована почти половина трудоспособных работников, 2,5 млн лошадей. Посевные площади сократились на десять процентов, сбор зерна на двадцать процентов, производство мяса сократилось на 70 процентов. Однако благодаря прекращению зернового экспорта, принятию сухого закона, введению в 1916 г. в ряде губерний продразверстки – принудительной продажи хлеба для нужд армии по фиксированным ценам – хлеба и в целом продовольствия в стране было достаточно. К январю 1917 г. недостаток хлеба из-за плохо организованного снабжения ощущался в Петрограде. В сельском хозяйстве в то же время сократился сбор картофеля, сахарной свеклы и ряда технических культур.

Русский фронт к 1917 г. удерживал 187 немецких дивизий, что составляло 49 % от их общего количества. Военная программа по обеспечению армии оружием и боеприпасами была выполнена. Однако с каждым месяцем росло недовольство населения войной. Целей войны народ не знал. Усиливались антивоенные настроения. На передовой увеличивалось дезертирство, ослабла дисциплина, проводились стихийные братания солдат на передовой. Сельское хозяйство в целом обеспечивало армию и мирное население. В то же время росла инфляция. Большой проблемой для нормального обеспечения фронта и тыла была слабая пропускная способность железнодорожной сети. Падение жизненного уровня привело к разрастанию стачечного движения. Так в 1916 г. насчитывалось около одного миллиона стачечников.

До сих пор не утихают споры о причинах Февральской революции 1917 г. и о роли в ней различных политических сил. Предпосылками общенационального кризиса зимой 1916 г., приведшего к революции, обычно называют: 1) дезорганизацию и оскудение хозяйственной жизни вследствие Первой мировой войны (80 % заводов были переведены на военные нужды; 2) массовую мобилизацию – 15 мил-

лионов рабочих и крестьян на октябрь 1916 г. были призваны в армию; 3) общественное недовольство, связанное с национальным поражением в войне (огромные жертвы, много раненых, более четырех миллионов беженцев, раздражение и апатия); 4) острый политический кризис, связанный с неправильными кадровыми назначениями со стороны Николая II (за 1916 г. сменилось 5 министров внутренних дел, 4 министра сельского хозяйства, 3 военных министра). Известный консерватор И. Л. Солоневич считал, что причинами революции были «культурная отсталость, вырождение правящего строя и продолжение политики территориального расширения...» [134, с. 34]. Рассматривая причины Февральской революции, нельзя упускать из виду еще одну важную причину – оппозицию, т. е. пораженческую деятельность либеральных и социалистических партий. Так большевики с началом Первой мировой войны выдвинули лозунг – «Превратим войну империалистическую в войну гражданскую!». В. И. Ленин всеми средствами стремился разжечь гражданскую войну, призывал не бояться крови, применять террористические методы для уничтожения ненавистной ему традиционной, православной Руси.

Говоря о роли отдельных военных в Февральской революции, нельзя утверждать, что революция была сделана армией, однако без ее поддержки она не могла бы произойти. Многие военные были втянуты в антимонархический заговор ради амбиций, по глупости, по наивности, из идеализма. Интересно привести взгляды Ю. Н. Данилова, видного представителя русской штабной школы, поддерживающего антимонархический заговор. Генерал придерживался либеральных взглядов, критиковал самодержавие: «Основными причинами совершившегося крушения великой Российской империи были внутренняя слабость ее государственности и ошибочность политики центральной власти, не желавшей считаться с голосами и настроениями широких народных масс» [30, с. 25]. Можно объяснить беспочвенные взгляды Ю. Н. Данилова отсутствием патриотического воспитания и политической наивностью. Не имея объективной информации о западном политическом устройстве, он пишет: «Русская интеллигенция, наблюдая заграничную жизнь и отдавая себе отчет о ее преимуществах, уже давно задалась твердой целью разбить этот архаический порядок... и направить дальнейшую жизнь... населения по пути, указывавшемуся опытом западной культуры» [30, с. 59].

Для оппозиции было очевидно, что Николай II неуязвим среди армии, пока высшее командование остается ему верным: только предательство генералов могло поставить армию перед свершившимся фактом: отречение или смерть государя. Поэтому с самого начала войны представители оппозиции попытались обеспечить себе содействие генералов. Были начаты переговоры, возбуждались честолюбивые мечты. В состав участников заговора входили генералы из генерального штаба: Н. И. Янушкевич, В. И. Гурко, А. А. Поливанов, А. З. Мышлаевский, В. Ф. Новицкий. Каждый из этих генералов нарушил присягу и внес свой вклад в антимонархический заговор. Так, например, генерал В. И. Гурко не выполнил приказ Николая II послать гвардейскую кавалерию в Петроград для укрепления гарнизона.

Тайная измена генералов и политиков окутала Николая II как липкая паутина. Февральскую революцию произвели Государственная дума и часть генералитета, используя недовольство широких народных масс трудностями военного времени. Штабом революции являлось политическое масонство. В 1917 г. масонство представляло собой значительную политическую силу, главным оплотом которой были 28 лож масонского ордена «Великий Восток Франции». Масонами были великие князья Николай Михайлович, Александр Михайлович, Николай Николаевич, Дмитрий Павлович. Среди царских министров насчитывалось как минимум семь масонов: Поливанов, Наумов, Кутлер, Барк, Джунковский, Урусов, Федоров. В Государственной думе насчитывалось 40 масонов. Глава Верховного совета российских масонов И. В. Некрасов был заместителем председателя Государственной думы. Почти все руководство образованного 9 августа 1915 г. Прогрессивного блока состояло из масонов. Масонская агитация стремилась развенчать в народном сознании образ царя как верховного авторитета, как высшую духовную инстанцию, как символ Родины. Заговорщики планировали несколько вариантов переворота. Гучков предлагал захватить царя в Царском селе или Петергофе. Но этот вариант вызвал у заговорщиков сомнения. Они опасались, что за Николая II вступятся верные войска. Масон князь В. Л. Вяземский хотел арестовать Николая II в царском поезде и немедленно выслать за границу. Генерал А. М. Крымов, активный масон, предлагал осуществить убийство царя на военном смотре в марте 1917 г.

Николай II много работал в начале года для подготовки решающего военного наступления. Он считал, что военная ситуация в 1917 г. будет благоприятна, и Россия одержит вместе с союзниками победу. Поглощенный войной, император упустил военный заговор в ставке. Судя по воспоминаниям офицеров, Николай II не понимал всю серьезность внутривластной обстановки, считал информацию о заговоре слухами, сплетнями гнилого Петербурга. Пассивность Николая II объяснялась тем, что он не представлял себе всю опасность складывающейся ситуации, не знал о готовности военной верхушки совершить переворот.

Одной из главных причин, по которым генералы легко оказались на стороне заговора, были их общие масонские корни. Н. Берберова в своей книге «Люди и ложи» пишет о масонских корнях генерала Алексева и части генералитета: «Мы знаем теперь, что генералы Алексеев, Рузский, Крымов, Теплов и, может быть, другие с помощью Гучкова посвящены в масоны. Они немедленно включились в его заговорщические планы» [12, с. 43].

Императрица Александра Федоровна до последнего дня отстаивала необходимость сохранения самодержавия и считала уступки либералам преждевременными. Так было и после Манифеста 17 октября 1905 г., и в мартовские дни 1917 г. Она понимала, что крушение монархии означает гибель России и династии. Трагедия жизни Николая II состояла в неразрешимом противоречии между его стремлением сохранить основы, традиции России и нигилистическими попытками значительной части антигосударственной интеллигенции страны разрушить их. Императрица своими письмами старалась укрепить волю государя. 4 мая 1915 г. она пишет мужу: «Будь тверд, мой друг, стой на своем, дай всем почувствовать, что знаешь, чего хочешь. Помни, что ты император...» [103, с. 31]. Александра Федоровна советовала Николаю II и в 1916 г. держаться твердо, не делать уступок депутатам: «...Ты не можешь делать уступок, вроде ответственного министерства... Это должна быть твоя война, твой мир, слава твоя и нашей страны, а во всяком случае не Думы – они не имеют права вмешиваться в эти вопросы» [103, с. 406]. Александра Федоровна старалась быть в курсе всех событий в Петрограде. В отличие от мужа, находящегося в ставке в Могилеве, она видела интриги либералов и, интуитивно

чувствуя в них своих врагов, писала государю, что место А. И. Гучкова, М. П. Милюкова – в Сибири. Императрица еще с 1915 г. призывала Николая II распустить Государственную думу, пресечь тайные заговоры, недопустимые в военное время, показать твердость гнилому, слабому, безнравственному депутатскому обществу. Она глубже, чем Николай II, понимала, что либералы и социалисты ведут внутреннюю войну в России. А это, по ее мнению, есть высшая измена. Поэтому Александра Федоровна критиковала попустительство со стороны Николая II разрушителям России. Она не понимала причин его медлительности, призывала царя быть властелином и не преклоняться перед кучкой республиканцев. Александра Федоровна была более прозорливой в оценке готовящегося антимонархического заговора и возможности революции.

В 1916 г. снабжение русской армии улучшилось. До ста тысяч в месяц возросло производство винтовок, был преодолен снарядный голод. Однако моральный дух солдат оставался невысоким. Усиливалось недовольство населения в крупных городах тяготами войны. Резко дорожали жизненно необходимые товары: хлеб, сахар, дрова. Огромные потери также вызывали недовольство населения. Так, по подсчетам британского военного атташе А. Нокса, из 14,5 миллионов, призванных в армию, к марту 1917 г. были убиты 1 миллион 100 тысяч человек, ранены 550 тысяч, пропали без вести более 2 миллионов солдат. Несмотря на непопулярность войны и громадные потери, император Николай II и его генералы «...руководствовались одной главной идеей – сделать все, что было в их силах, для того, чтобы максимально облегчить бремя союзников на Западном фронте» [90, с. 494].

Февральская революция и возникновение двоевластия. Февральская революция началась с забастовок в Петрограде 23 февраля 1917 г. Демонстранты требовали хлеба и прекращения войны. 24 февраля в столице бастовало уже 214 тыс. рабочих. Февральская революция не была бескровной. Толпа начала грабить и убивать жандармов, офицеров, полицейских. Были сожжены здания охранных отделений, судов, из тюрем были выпущены уголовники. Пьяные матросы жестоко расправились с морскими офицерами в Кронштадте, убивая их и сбрасывая тела в море. 25 февраля Николай II своим указом приостановил сессию Государственной думы, но депутаты, не послушав-

шись императорского указа, продолжили сессию. В тот же день экономические забастовки переросли во всеобщую политическую стачку с участием 305 тыс. человек. 26 февраля полицией были проведены массовые аресты участников антиправительственных выступлений. Силы полиции были явно недостаточны. Всего лишь 10 тыс. полицейских противостояло сотням тысяч демонстрантов. День 25 февраля запомнился современникам множеством разных событий. Так на один час прекратили работу 14 тысяч рабочих Обуховского сталелитейного завода. С красным флагом и революционными песнями они двигались к центру Петрограда вместе с рабочими фарфорового завода и картонной фабрики. На проспекте Михаила Архангела, рассеивая рабочих, казаки били людей нагайками и обнаженными шашками. На Литейном мосту и Василевском острове также произошли столкновения полиции с рабочими. Но главные события стали разворачиваться на Невском проспекте. Трамваи остановились. В некоторых местах стали грабить продовольственные лавки. В толпе появились красные флаги. К 12 часам дня на Невском проспекте были арестованы 60 участников движения. Однако толпа сумела освободить арестованных, избив полицейского надзирателя. На Знаменской площади, у памятника Александру III, толпы народа митинговали под лозунгами: «Долой войну», «Долой самодержавие». Казаки отказались разгонять демонстрантов и даже убили полицейского ротмистра Крылова. Одновременно рабочие и особенно работницы начали обращаться с призывами присоединяться к стоящим в строю солдатам. Предметом особой агрессии рабочих и солдат были «фараоны» – чины полиции, к ним в дни Февральской революции ненависть бастующих сильно возросла. По всему городу начался разгром полицейских участков. В полицию бросали бомбы и стреляли.

Большевики вели в своих листовках активную антиправительственную пропаганду. Они распространяли листовки с призывами: «Все под красные знамена революции! Долой царскую монархию! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует 8-часовой рабочий день! Вся помещичья земля народу! Да здравствует всероссийская всеобщая стачка! Долой войну! Переговоры проводились представителями различных политических партий, в первую очередь, социалистическими. В них участвовали меньшевики и эсеры. На исходе

дня 25 февраля градоначальник А. П. Балк и командующий войсками Петроградского военного округа генерал С. С. Хабалов сочли необходимым доложить о происходящем в столице царю. Императрица Александра Федоровна следила за ситуацией в Петрограде. Вечером 25 февраля она послала письмо Николаю II, в котором с тревогой сообщала о забастовке булочных. Царь получил это письмо утром 26 февраля. Он телеграфировал Хабалову свой приказ прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны. Между тем политическое положение в городе становилось все более напряженным.

27 февраля на сторону революции перешли 70 тыс. солдат запасных полков. Солдаты поддержали требования демонстрантов о прекращении войны. Тем временем в Могилеве, в царской Ставке, заговорщики-генералы с 23 февраля по 2 марта 1917 г. лишили царя объективной информации и отрезали его от связи с надежными войсками. 27 февраля демонстрантами и солдатами запасных полков были заняты Зимний дворец, вокзалы, мосты, главный арсенал, правительственные учреждения. В тот же день в условиях анархии, охватившей Петроград, формируются две новые власти: Петроградский Совет рабочих депутатов и Временный комитет по наведению порядка и связям с учреждениями. Первое заседание депутатов Петроградского Совета состоялось 27 февраля. В исполком Петросовета было выбрано 15 человек, в том числе и председатель – меньшевик Н. С. Чхеидзе, эсер А. Ф. Керенский, меньшевик М. И. Скобелев. От большевиков в Исполком вошли А. Г. Шляпников и П. А. Залуцкий. Петроградский Совет рабочих депутатов в своей деятельности опирался на временные стачечные комитеты, созданные на предприятиях 24–25 февраля. Комитетом по восстановлению порядка и связям с учреждениями Государственной думы руководил «гофмейстер Февральской революции» М. В. Родзянко. 1 марта весь Петроградский гарнизон (170 тыс. человек) перешел на сторону новых органов власти.

Заговор, переросший в восстание, привел к падению монархии. Николай II вынужден был 2 марта 1917 г. отречься от престола.

Д. В. Митюрин и Ю. Б. Шелаев, рассматривая причины свержения монархии в 1917 г., выделяют следующие ошибки Николая II:

1) отстранение от командования великого князя Николая Николаевича и возложение на себя роли Верховного главнокомандующего: эта ситуация породила два фактора. Первый связан с тем, что все не-

удачи в армии напрямую связывались в народном сознании с фигурой императора. Второй и вовсе катастрофический: Николай II, проводя теперь большую часть времени в Ставке, оказался, говоря современным языком, в информационном вакууме, почти полностью утратив ощущение реальности;

2) частая смена министров (только за 1916 г. Николай II сменил четырех председателей Совета министров, трех министров иностранных дел, трех военных министров и трех министров внутренних дел) привела к полной деморализации правительственного аппарата;

3) необоснованное игнорирование опасности, исходящей от антиправительственных партий и масонских групп.

Между тем в Петрограде происходило формирование нового органа власти – Временного правительства. После консультаций с Петроградским советом в ночь с первого на второе марта 1917 г. был образован новый Кабинет министров. Состав его был следующим: председатель Совета министров и министр внутренних дел – князь Г. Е. Львов, министр иностранных дел – П. Н. Милюков, министр юстиции – А. Ф. Керенский, министр путей сообщения – Н. В. Некрасов, министр торговли – А. И. Коновалов, министр народного образования – А. А. Мануйлов, военный министр – А. И. Гучков, министр земледелия – А. И. Шингарев, министр финансов – М. И. Терещенко, государственный контролер – И. В. Годнев, обер-прокурор Святейшего синода – В. Н. Львов. Большинство в этом правительстве принадлежало либералам и умеренным консерваторам. Следует отметить, что в правительство вошел социалист (эсер) А. Ф. Керенский. С первых же часов стало ясно, что всей полнотой власти новое правительство не обладает. Деятельность Временного правительства была затруднена существованием Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, который фактически был вторым правительством. Он состоял из рабочих и солдат, избранных на заводах и военных частях. Туда же входили представители социалистических партий. Самое большое представительство имели социалисты-революционеры. Следующей по величине группировкой были депутаты от меньшевиков. Первый декрет Временного правительства от 1 марта был издан под нажимом Совета. В декрете провозглашалась следующая программа: 1) амнистия по делам политическим и религиозным, в том числе – террористическим покушениям, военным восстаниям, аграрным выступлениям; 2) свобода союзов, печати,

слова, собраний и стачек, политическая свобода военным; 3) отмена всех сословных, вероисповедальных, национальных ограничений; 4) немедленная подготовка к созыву на началах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования Учредительного собрания, которое установит форму правления и конституцию страны; 5) замена полиции народной милицией; 6) войска, принимавшие участие в революционных событиях, должны были оставаться в Петрограде, их запрещено отправлять на фронт. В скором времени Совет издал другой декрет, не согласовав его суть с Временным правительством. Это был знаменитый Приказ № 1 от 1 марта, ставший основой разрушения российской армии. Основные положения приказа сводились к следующему: 1) в каждом воинском подразделении должны были быть избраны солдатские комитеты; 2) все воинские подразделения были обязаны подчиняться политическим требованиям Совета; 3) приказы военного комитета Государственной Думы подлежали исполнению лишь в том случае, если они не противоречили требованиям Совета; 4) контроль над всем вооружением переходил к солдатским комитетам, получившим право раздавать его военным. Таким образом, приказ о создании полковых солдатских комитетов уничтожил единоначалие в армии, отменил все социальные и воинские различия между солдатами и офицерами, привел к развалу армии и усилению дезертирства. Этот приказ внес смятение в руководство армии, так как делал невозможным дальнейшее ведение войны. Временное правительство в лице А. И. Гучкова попыталось его отменить, но это ему не удалось. Теперь стало ясно, что реальная власть находится у Совета, а не в руках Временного правительства.

Обнародование Приказа № 1 на фронте открыло дорогу потоку ненависти и насилия в отношении русского офицерства. Начались ежедневные публичные аресты генеральских и офицерских чинов, нередко в оскорбительной форме. Особо трагический оборот приняли события на Балтийском флоте. В Кронштадте толпа матросов схватила главного командира порта адмирала Р. Н. фон Вирена, сорвала с него погоны и убила. Начальник штаба Кронштадтского порта адмирал А. Г. Бутаков, будучи окруженным толпой, отказался отречься от старого строя и был немедленно убит. 3 марта погибли командир 2-й бригады линкоров адмирал А. К. Небольсин и командующий Балтийским флотом А. И. Непенин. Известный военный историк С. В. Волков при-

водит следующие цифры офицерских потерь только на Балтийском флоте: «К 15 марта Балтийский флот потерял 120 офицеров, из которых 76 убито (в Гельсингфорсе – 45, в Кронштадте – 24, в Ревеле – 5 и в Петрограде – 2). В Кронштадте кроме того было убито не менее 12 офицеров сухопутного гарнизона. Четверо офицеров покончили жизнь самоубийством и 11 пропали без вести. Всего, таким образом, погибло более 100 человек» [24, с. 16–17]. Такие же жестокие расправы над офицерами происходили и на сухопутном фронте.

Повседневная жизнь царской семьи в годы Первой мировой войны. Как же складывалась повседневная жизнь царской семьи во время Первой мировой войны? Свидетельства людей, видевших царскую семью вблизи, например, учителя Пьера Жильяра, призывают говорить о них как о примере подлинного христианского служения Отечеству и друг другу.

До недавнего времени о дневниках и письмах царских дочерей – Ольги, Татьяны, Марии и Анастасии – было ничего неизвестно. В 2006 г. вышла уникальная книга «Августейшие сестры милосердия», составленная Н. К. Зверевой по материалам ранее недоступных для исследователей архивов. Опубликованные в ней выдержки из дневников и писем царицы Александры Федоровны и царских дочерей позволяют по-новому оценить жизнь этой семьи. Н. К. Зверева дала им следующую оценку: «Светлый христианский образ Царицы Александры Федоровны и Ее дочерей с полнейшей силой явил себя не только в их мученической кончине, но и в подвиге деятельной, самоотверженной любви, которому они себя посвятили в годы войны. Вместе со своими дочерьми царица Александра Федоровна в течение трех лет служила в лазаретах как простая сестра милосердия... Уникальный случай в истории. На такой самоотверженный подвиг могло решиться только сердце, наполненное христианской любовью. В Царском Селе императрица оборудует к 10 августа 2 лазарета, а в дальнейшем их число будет увеличено до 70. Одновременно создаются санитарные поезда для перевозки раненых с места военных действий» [2, с. 4]. 6 ноября 1914 г. в здании общины Красного креста на Леонтьевской улице в Царском Селе императрица Александра Федоровна с великими княжнами Ольгой и Татьяной и вместе с 42 сестрами 1-го выпуска получили свидетельства сестер милосердия военного времени.

Преподаватель французского языка, наставник царских детей Пьер Жильяр, в книге «Император Николай II и его семья» отмечал огромную роль православной религии в жизни царской семьи. Государь с детства рос глубоко религиозным человеком. Императрица тоже была искренней и верующей женщиной. П. Жильяр писал: «Она с полным убеждением приняла свою новую религию и в ней черпала большое облегчение в часы волнений и тревоги. Но ее нежное сердце находило свое главное питание в семейной любви; только в кругу своих она чувствовала себя счастливой» [33, с. 49]. В тяжелое время военных испытаний искренняя вера в Бога укрепляла силы Александры Федоровны.

Христианское милосердие, скромность, естественность, простота – вот те принципы, на которых воспитывались царские дети.

П. Жильяр преподавал с декабря 1905 г. французский язык великим княжнам Ольге Николаевне и Татьяне Николаевне. Вспоминая первую встречу с царскими дочерьми, он писал: «Старшая из великих княжон, Ольга, девочка десяти лет, очень белокурая, с глазками, полными лукавого огня, с приподнятым слегка носиком, рассматривала меня с выражением, в котором, казалось, было желание с первой же минуты отыскать и слабое место, – но от этого ребенка веяло чистотой и правдивостью, которые сразу привлекали к нему симпатии. Вторая, Татьяна, восьми с половиной лет, с каштановыми волосами, была красивее своей сестры, но производила впечатление менее открытой, искренней и непосредственной натуры» [33, с. 18]. Кроме Ольги и Татьяны ученицами П. Жильяра стали в 1907 г. Мария и в 1909 г. Анастасия. А 2 октября 1912 г. П. Жильяр дал свой первый урок царевичу Алексею, которому едва исполнилось восемь с половиной лет. Наставник отмечал богатство его натуры: «Вкусы его были очень скромны. Он совсем не кичился тем, что был наследником престола, об этом он меньше всего помышлял. В маленьком капризном существе, каким он казался вначале, я открыл ребенка с сердцем любящим и чувствительным к страданиям, потому что сам он много страдал» [33, с. 39–40].

П. Жильяр отмечал необычайную дружбу, сплоченность царской семьи, их заботу друг о друге. В борьбе с болезнью Алексея участвовала вся семья. Болезнь наследника была трагедией и испытанием для них. Александра Федоровна возлагала надежды на Бога: «Он один мог совершить чудо! Но это вмешательство нужно было заслужить!

Будучи и без того набожной, она отдалась всецело, со страстью и порывом, которые во все вносила, – православной вере» [33, с. 50]. П. Жильяр так описывал приступ болезни наследника в 1913 г.: «Императрица сидела у изголовья сына с начала заболевания, нагибаясь к нему, ласкала его, окружала его своей любовью, старалась тысячью мелких забот облегчить его страдания. Государь тоже приходил, как только у него была свободная минута. Он старался подбодрить ребенка, развлечь его, но боль была сильнее материнских ласк и отцовских рассказов. Изредка отворялась дверь, и одна из великих княжон на цыпочках входила в комнату, целовала маленького брата и как бы вносила с собой струю свежести и здоровья» [33, с. 40].

Великие княжны были прелестны своей свежестью и здоровьем. П. Жильяр писал о том, что трудно было найти четырех сестер, столь различных по характерам и в то же время тесно сплоченных дружбою: «Последняя не мешала их личной самостоятельности и, несмотря на различие темпераментов, объединяла их живой связью. Из начальных букв своих имен они составили общее имя: «Отма». Под этой общей подписью они иногда делали подарки или посылали письма, подписанные одной из них от имени всех четырех» [33, с. 68]. Прелесть этих сестер состояла в простоте, естественности, свежести и врожденной доброте. Они обожали свою мать. Когда императрица болела, они по собственному почину устраивали при ней дежурство.

По словам Пьера Жильяра, их отношения с отцом были прелестны. Отец Николай был для них одновременно царем, отцом и товарищем: «Их чувство переходило от религиозного поклонения до полной доверчивости и самой сердечной дружбы, он ведь был для них то тем, перед которым почтительно преклонялись министры, высшие церковные иерархи, великие князья и сама их мать, то отцом, сердце которого с такой добротой раскрывалось навстречу их заботам и огорчениям» [33, с. 73].

Православное воспитание великих княжон Ольги, Татьяны, Марии и Анастасии очень ярко проявляется в их письмах к отцу на фронт. Верные и любящие дочери молили Господа Бога сохранить жизнь отцу на фронте, грустили о том, что не могут приехать к нему, желали ему хорошо спать и видеть хорошие сны. Каждое свое письмо они заканчивали словами «Да хранит тебя Бог» и рисовали Православный крест. Дочери понимали важность пребывания отца на фронте. Ольга

Николаевна в письме от 20 сентября 1914 г. писала отцу: «Папа, золотой, да хранит Тебя Господь Бог. Как ни тяжело с тобой расставаться, но я рада, что ты едешь. Когда Тебя увидит войско, и после им будет еще легче сражаться, и Тебе будет хорошо увидеть их. Ну, до свиданья, Папа – солнышко. Крепко-крепко как люблю, целую Тебя. Всегда верная и любящая Тебя дочь – Ольга Романова» [33, с.22]. Мария Николаевна в письме, датированном 21 сентября, рассказав о своей работе в дворцовом Большом лазарете, добавляет: «Будущий раз непременно возьми меня, а то я сама впрыгну в поезд, потому что мне без Тебя скучно. Спи хорошо» [33, с. 23]. Вся жизнь великих княжон была посвящена стремлению принести пользу воюющему Отечеству. Ни о каких балах, праздных увеселениях, кавалерах не могло быть и речи. Так, из письма Ольги Николаевны к отцу 21 октября 1914 г. мы можем понять, как складывалась ее жизнь в военную пору: «Папа, золото мое! Ты уехал, и пусто стало; но дома сидели мы мало. До 5.30 были у нас в лазарете. С 2 часов до 4 часов перевязывали в Большом доме, потом сидели у наших офицеров. Потом мы заехали в Нижнюю церковь Большого лазарета (дворцового)» [33, с. 35–36]. В своих дневниках княжны сообщали фамилии своих больных солдат и офицеров. Они активно участвовали в сборе пожертвований для нужд фронта, работая в комитетах по оказанию временной помощи пострадавшим от военных действий, а также занимались сортировкой теплых вещей для раненых, возвращающихся на фронт.

Любовь к родине, желание принести пользу своему Отечеству, личная скромность были характерны для всех членов этой большой, дружной семьи. В годы Первой мировой войны великие княжны просто и благодушно относились к суровому образу жизни. Ольге Николаевне к началу войны было почти 19 лет, а Татьяне Николаевне минуло только 17. П. Жильяр писал: «Они никогда не присутствовали ни на одном балу. С началом военных действий у них была одна мысль – облегчить заботы и тревоги своих родителей. Они окружали их своей любовью, которая выражалась в самых трогательных и нежных знаках внимания. Какой пример, если бы только о нем знали, давала столь достойная семейная жизнь, полная такой нежности!» [33, с. 122].

Вся жизнь Александры Федоровны и ее дочерей была заполнена заботой о раненых и больных солдатах. С. Я. Офросимова в книге «Царская семья» писала о перемене, произошедшей в облике великих кня-

жон Ольги и Татьяны с началом мировой войны: «Полтора года тому назад я оставила их еще беспечными молодыми девочками и вдруг увидела двух совершенно выросших молодых девушек. Я была поражена переменой, в них произошедшей. Больше всего меня поразило сосредоточенное углубленное выражение их немного похудевших и побледневших лиц... Весь день великих княжон был посвящен раненым; им они отдавали всю любовь, всю ласку и заботу своих богатых любовью и отзывчивостью душ; жизнь раненых стала их жизнью, над ними они склонялись с глубокой любовью и нежностью, у их изголовья проливали слезы сострадания, из-за них часто не спали ночей, смертью кого-либо из них глубоко огорчались, выздоровлению радовались со всей силой своих впечатлительных душ» [2, с. 289]. Таким образом, в годы мировой войны основной формой служения своему Отечеству и народу для императрицы и ее старших дочерей стала ежедневная работа сестрами милосердия в лазарете.

Опубликованная в 2013 г. издательством «Захаров» переписка за 1914–1917 гг. Николая II и Александры Федоровны содержит интересную информацию о повседневной жизни царской семьи в годы Первой мировой войны, дает представление об их взаимоотношениях, переживаниях, проблемах и радостях. Эти письма и телеграммы показывают, как тяжело было бремя ответственности, возложенное историей на плечи Николая II как Верховного главнокомандующего русской армией. В последнее время были опубликованы несколько статей, общий смысл которых сводится к тому, что Николай II мало занимался управлением страной, что для него все события, происходившие в стране, и в том числе на фронте, не имели такого существенного значения, как благополучие его семьи и любовь императрицы. Так ли это было на самом деле? На наш взгляд, царская семья во время тяжелой войны достойно выполняла свой долг перед страной. Почти каждое письмо или телеграмма посвящены, в том числе, обсуждению положения на фронтах, состоянию тыла, деятельности госпиталей, которые патронировала императрица. Переписка российских монархов позволяет оценить их личности. Она дает четкое представление об их отношении к войне, возможности подписания сепаратного мира, показывает глазами других представителей династии Романовых, генералов, министров, депутатов Государственной думы, позволяет ответить на вопрос: какова была роль Александры Федоровны в управ-

лении страной, назначении министров? В советской историографии была распространена точка зрения, что многие важные назначения в годы войны были осуществлены по предложению Григория Распутина. Переписка царской четы позволяет ответить и на этот вопрос.

Следует заметить, что Николай II и Александра Федоровна были патриотами России. Их отношение к начавшейся войне, ее жестокостям, грабежам было резко отрицательным. Однако эта война была навязана России Германией. Поэтому одну из главных целей войны Николай II видел в сокрушении германского милитаризма. Другими целями было присоединение к России Галиции и черноморских проливов. Александра с восторгом встретила известие о вступлении русских войск в Галицию: «Да благословит и объединит Господь эти славянские области с их старинной матерью Россией в полном, глубоком, историческом и религиозном значении этого слова! Все происходит в свое время, и мы теперь достаточно сильны, чтобы удержать их за собой, а раньше мы этого не могли; но «внутри» мы должны еще окрепнуть и объединиться во всех отношениях, чтобы править тверже и с большим авторитетом» [100, с. 136]. Императрица Александра радовалась, видя, как правнук Николая I, захватывая австрийские крепости, наказывают Австрию за ее измену.

У Александры Федоровны была мечта – снова сделать Стамбул православным Константинополем: «О, что за великий день, когда будет отслужена опять обедня в Св. Софии! Только ты дай приказание, чтобы не разрушалось и не портилось ничего принадлежащего магометанам, они могут все употреблять для своих мечетей, и мы должны уважать их религию, так как мы христиане, слава Богу, а не варвары!» [100, с.124]. Таким образом, религиозный контекст в Первой мировой войне, с точки зрения Романовых, был очень важен. В письме от 24 сентября 1914 г. Александра Федоровна писала: «Эта ужасная война, кончится ли она когда-нибудь? Я уверена, что Вильгельм подчас переживает моменты отчаянья при мысли, что он сам, под влиянием русофобской клики начал войну. С Божьей помощью здесь все пойдет хорошо и приведет к победоносному концу. Эта война подняла настроение, пробудила многие застоявшиеся мысли, внесла единство в чувства, это в моральном отношении – «здоровая война». Только одного мне хотелось бы, чтобы наши войска вели себя примерно во всех отношениях, чтобы они не стали грабить и громить – пусть эту мерзость они предоставят

проделывать пруссакам. Это деморализует, и потом теряешь настоящий контроль над людьми; они дерутся для личной выгоды, а не для славы своей родины... Победа не означает грабежа. Вели полковым священникам обратиться к солдатам с речью по этому поводу. Вот я надоедаю тебе вещами, которые меня не касаются, но делаю это исключительно из любви к твоим солдатам и к их репутации» [100, с. 22–23]. В этом же письме царица упоминает Г. Е. Распутина, называя его «нашим Другом». Поражает ее вера в молитвенные силы этого человека: «Да, одни молитвы и беззаветная вера в Божью милость дают человеку силу все перенести. И наш Друг помогает тебе нести твой крест и великую ответственность – все пойдет хорошо, так как правда на нашей стороне» [100, с. 23].

С самого начала войны Александра Федоровна развернула большую работу по созданию госпиталей. В письмах она старалась поддержать мужа, молилась Богу, чтобы он дал ему мужества, крепости и терпения, а русской армии – успехов. В письме к мужу от 19 сентября 1914 г. Александра Федоровна отмечает, что уход за ранеными служит для нее утешением. Вместе с дочками царица прошла полный фельдшерский курс. Она считала, что одна из главных женских обязанностей заключается в том, чтобы привести людей ближе к Богу, часто беседовала с офицерами и солдатами о Нем, утешала, успокаивала их: «Я говорила об этом с одним из наших офицеров. Он согласился причаститься и после почувствовал себя таким счастливым и бодрым и стал лучше переносить свои страдания» [100, с. 27]. Императрица внимательно относилась к сохранению памяти о героизме русских воинов. По ее приказу под зданием старого дворцового госпиталя был сделан маленький пещерный храм, в котором находились доски с упоминанием раненых, умерших в царскосельских лазаретах, а также офицеров, получивших георгиевские кресты и георгиевское оружие. Каждый день государыни был расписан: кроме заботы о раненых, она занималась сбором зимних вещей и 300 тысяч рождественских подарков для солдат и офицеров. Для девочек при ее активном участии была создана школа народного искусства, где они могли обучаться различным видам ремесла – ковроткачества, вышивания, вязания. В одном из писем мужу она писала: «Мы только что вернулись из города. Школа действительно прекрасная – в четыре этажа...

Девочки делают замечательные успехи. Я прошла через все их мастерские: ткацкую, вышивальную, рисовальную, для выделки ковров...» [100, с. 327].

Императрица переживает не только за судьбу России, но и своей маленькой родины – Гессен-Дармштадта: «Наряду с тем, что я переживаю вместе с тобой и дорогой нашей родиной и народом, – я болею душой за мою «маленькую, старую родину», за ее войска, за Эрни и Ирен... А знаешь, как постыдна и унизительна мысль, что немцы ведут себя подобным образом! Хотелось бы сквозь землю провалиться» [100, с. 7–8]. Она осуждала бомбардировки мирных городов, варварские методы ведения войны. После того, как немцы сбросили бомбы на виллу бельгийского короля Альберта, императрица написала мужу: «Какая это низость, что сбросили с аэроплана бомбы над виллой короля Альберта, в которой он сейчас живет, – слава Богу, что это не причинило никакого вреда, но я никогда не слышала, чтобы кто-нибудь пытался убить государя только потому, что он враг во время войны» [30, 100]. В другом письме от 27 октября 1914 г. Александра Федоровна пишет о немецком флоте: «Они бомбардировали Потти. О, эта ужасная война! Подчас нет более сил слышать о ней; мысли о чужих страданиях, о массе пролитой крови терзают душу, и лишь вера, надежда и упование на Божие безграничное милосердие и справедливость являются единственной поддержкой» [100, с. 39]. Императрица не хотела этой войны, писала, что и Григорий Распутин считал, что война за Балканы не стоит жизни и даже одного русского солдата: «Наш Друг был всегда против войны и говорил, что Балканы не стоят того, чтобы весь мир из-за них воевал, и что Сербия окажется такой же неблагодарной, как и Болгария» [100, с. 357].

Царица мечтала о мире, понимая, что он наступит не скоро: «Так хотелось бы вернуться к былым спокойным, счастливым дням. Но нам предстоит долго ждать, пока опять наступят мирные во всех отношениях времена» [101, с. 40]. В одном из писем императрица обращает внимание мужа на нарушение немцами Гаагских конвенций, использование запрещенных средств ведения войны. 20 ноября 1914 г. она сообщает Николаю о страшных ранениях солдат: «Один из офицеров-волынцев в Большом дворце показал мне германские пули думдум, очень длинные, узкие в конце, на вид словно сделанные из красной меди» [100, с. 51]. В начале Первой мировой войны главнокоман-

дующим русской армии был назначен великий князь Николай Николаевич-младший. Это назначение с самого начала вызвало неприятие у Александры Федоровны, что было связано с опасением, что Николай Николаевич станет сверхпопулярнее Николая II и возможно даже попытается отстранить его от власти. Кроме того, великий князь был женат на одной из черногорских княгинь – Анастасии Николаевне, которая интриговала против императрицы. В письме, датированном 20 сентября 1914 г., Александра передает мужу разговор, состоявшийся с Григорием Распутиным. Распутин убеждал Александру в нелояльности к Николаю II великого князя Николая Николаевича и его стремлении добиваться трона: «Григорий ревниво любит тебя, и для него невыносимо, чтобы Н. играл какую-либо роль» [100, с. 11]. Отвечая на письмо Александры, Николай II подробно описал свое пребывание в Ставке у Николая Николаевича. Он пишет о сосновом боре, напоминающем Спалу, молодцеватом виде лейб-казаков, молебне, который отслужил священник Шавельский. Большое недовольство царя вызвал отказ Николая Николаевича дать ему возможность проехать в крепость Осовец и поздравить героических ее защитников: «Увы! Николаша, как я и опасался, не пускает меня в Осовец, что просто невыносимо, так как теперь я не увижу войск, которые недавно дрались» [100, с. 19]. Александра Федоровна немедленно откликнулась на это письмо сочувственным ответом: «Я глубоко огорчена за тебя, что тебе советуют не ехать в крепость. Это было бы истинной наградой для удивительных храбрецов» [100, с. 22]. Судя по переписке, Александра Федоровна получала довольно большой объем информации: от генералов и офицеров, друзей, знакомых раненых солдат. Так она пишет Николаю о том, что лошади уланов под Гродно измучены, а во Львове появились случаи заболевания холерой. Императрица внимательно следила за положением на фронтах. Когда германский крейсер «Бреслау» обстрелял черноморское побережье, она написала Николаю: «Я жажду новостей с Черного моря – дай Бог успеха нашему флоту» [100, с. 26]. В письме от 27 января 1915 г. Александра опять упомянула «Бреслау»: «Какая гнусность, этот обстрел Ялты с «Бреслау» – это сделано только назло – слава Богу, нет жертв!... Как бы мне хотелось, чтобы потопили этот гнусный маленький «Бреслау» [100, с. 90]. Когда русскими войсками был взят город Сандомир, императри-

ца с восторгом написала мужу: «Какие приятные вести – Сандомир опять наш, а также взято много пленных, пушек и огнестрельного оружия» [100, с. 29].

Как показывает переписка, Александра Федоровна любила мужа неугасающей любовью и всеми силами старалась помочь ему в его нелегком служении: «О дорогой мой, как бесконечно ты мне дорог! Если бы я только могла помочь тебе нести твоё тяжелое бремя, ты так безмерно отягощен!» [100, с. 29]. Будучи очень религиозной женщиной, она уверовала в молитвенные силы Григория Распутина. Часто в переписке она передает от него приветы, молитвы, всякого рода советы. Так, в письме от 24 октября 1914 г. Александра пишет: «Наш Друг весьма одобрил нашу поездку в Лугу, и притом в одежде сестер милосердия и настаивает на подобных поездках впредь» [100, с. 33]. Через месяц, 24 ноября, царица снова упоминает Г. Е. Распутина: «Вести с фронта причиняют такую тревогу, – я не придаю значения городским сплетням, которые расстраивают нервы, поверю исключительно тому, что сообщает Николаша. Тем не менее, я просила Аню протелеграфировать нашему Другу, что дело обстоит очень серьезно, и что мы просим его помолиться. Да, мы имеем дело с сильным и упорным противником» [100, с. 59]. Царица полагала, что молитвы и благословение Распутина принесут свою помощь. Слушался ли Николай II этих советов? Можно сделать вывод, что на посту Верховного главнокомандующего Николай II пытался мобилизовать все свои волевые качества для достижения победы и старался при этом не оглядываться на советы семьи, двора, противоречащие его представлениям о благе государства. Представление о монархе, управляемом советами амбициозной жены и Г. Е. Распутина, давно уже является устаревшим и нуждается в пересмотре.

Следует особо отметить, что Николай II был прекрасно информирован о военных делах и не скрывал от жены тяжелого положения на фронте. В письме от 19 ноября 1914 г. из Ставки царь писал: «Единственным и серьезным затруднением для наших армий является то, что у нас опять не хватает снарядов. Поэтому во время сражений нашим войскам приходится соблюдать осторожность и экономию, а это значит, что вся тяжесть боев падает на пехоту; из-за этого потери сразу сделались колоссальными. Некоторые армейские корпуса превратились в дивизии; бригады растаяли в полки и т. д. Пополнение прибывает

хорошо, но у половины нет винтовок, потому что войска теряют массу оружия. Его некому подбирать на полях сражений» [100, с. 49].

Николая II часто обвиняют в безразличии к солдатам, бессердечии. Переписка, однако, свидетельствует о другом отношении царя к армии. Рассказывая жене о неудачах своего войска, царь старался выглядеть невозмутимым перед офицерами и генералами Ставки. Хотя в письмах мы можем встретить его жалобы на болезнь сердца. Все свои переживания он держал в себе. В одном из писем он писал: «Да, моя родная, я начинаю ощущать свое старое сердце. Первый раз это было в августе прошлого года после Самсоновской катастрофы, а теперь опять – как тяжело с левой стороны, когда дышу. Ну, что ж делать!» [100, с. 171]. Как свидетельствует переписка, Николай II был на фронте активным, деятельным человеком. Он не сидел на одном месте, постоянно посещал войсковые части, оружейные и судостроительные заводы, например, Тульский и Николаевский, крепости, корабли, госпитали, награждал героев орденами и медалями. Так, в конце ноября 1914 г. он посетил Екатеринодар (соврем. Краснодар). Поездка по Кубани вызвала у царя оптимизм: «Великолепен и богат этот край казаков. Пропать фруктов садов... а главное – непостижимо чудовищное множество крохотных детей-младенцев. Все будущие подданные. Все это преисполняет меня радостью и верой в Божье милосердие; я должен с доверием и спокойствием ожидать, что припасено для России... телеграмма от нашего Друга была подана мне на маленькой станции, где я вышел прогуляться. Я нахожу ее высокоутешительной» [100, с. 62]. Конечно, во время этих поездок Николай II очень сильно уставал. Кроме того, он, конечно, скучал по своей семье: «Как досадно всегда быть таким занятым и не иметь возможности спокойно посидеть вместе и побеседовать» [100, с. 99]. Скучала и царица. Она призывала мужа плюнуть на Ставку из-за ее нездоровой атмосферы и вернуться в Петроград. Александра старалась больше писать о здоровье Бэби – Алексея. В письмах можно встретить описание его прогулок на маленьком автомобиле – «моторе», успехов в изучении французского языка и игры на балалайке, увлечении кинематографом (просмотр фильмов на аппарате, подаренном фирмой «Пате»).

После начала войны у царя наладились отношения с младшим братом Михаилом. Получив под свое командование «дикую» дивизию

он отличился на австрийском фронте. Николай обрадовался успехам брата, наградив его георгиевским крестом. Рада была и Александра. В письме от 4 марта 1915 г. она написала: «Насчет Миши. Я так счастлива, – непременно напиши об этом матушке, ей будет очень приятно это узнать» [100, с. 107].

Императрица в своих письмах к мужу обсуждала широкий круг вопросов – состояние здоровья наследника и дочерей, организацию различных благотворительных вечеров с целью сбора средств на нужды раненых, вопрос о выставке военных трофеев, вход на которую должен быть бесплатным. Ее интересовали вопросы о ротации частей на фронте, возможности отсрочки призыва на фронт ратников второй категории, поставке на фронт снарядов и патронов, снабжения городов продовольствием, ограничение роста цен на мясо и хлеб. Однако очень важным для нее вопросом был вопрос о сохранении самодержавной власти. Николай II и Александра по своим политическим взглядам были консерваторами. Резко негативно оценивая деятельность Государственной думы, они не оставляли надежды изменить законодательство и сделать представительное учреждение совещательным. Также считали и другие русские консерваторы, например, члены «Союза русского народа»: «Активизация либеральной оппозиции в Государственной Думе и Государственном Совете летом 1915 года и особенно создание Прогрессивного блока были восприняты этой частью российских консерваторов как дополнительное доказательство несовместимости реально существующих представительных институтов с монархией» [55, с. 166]. Александра Федоровна всегда считала мужа самодержавным монархом, верила, что о конституции мечтает только кучка негодяев и республиканцев. Она часто напоминала в письмах мужу, что никто не имеет права судить о его действиях. Для нее либералы были ужасными людьми, глупцами, гадинами. Так летом 1915 г. в одном из писем она очень четко выразила свое политическое консервативное мировоззрение: «Теперь в августе собирается Дума, а наш Друг тебя несколько раз просил сделать это как можно позднее... Не забудь, что ты есть и должен оставаться самодержавным императором. Мы еще не подготовлены для конституционного правительства. Н. и Витте виноваты в том, что Дума существует, а тебе она принесла больше забот, чем радостей» [100, с. 188]. После смерти Витте, последовавшей в феврале 1915 г., Николай II писал, что на душе его радостное, спокойное настроение. Это как нельзя

лучше характеризует отношение царя к «хамелеону» С. Ю. Витте. 7 сентября 1915 г. императрица опять обсуждает в своем письме политическое устройство страны: «Не нужно назначать министров, ответственных перед Думой. Мы для этого не созрели, и это было бы гибелью России. Мы не конституционная страна и не смеем ею быть. Наш народ для этого не образован и не готов. Слава Богу, наш император-самодержец, и должен оставаться таким, как ты это и делаешь...» [100, с. 264]. Семнадцатого марта 1916 г. царица еще раз пишет о своем представлении будущего политического устройства России: «Нельзя ли быть более осторожным при назначении членов Государственного Совета? Государственный Совет должен быть лояльно-правым. Сазонова нужно сменить. Он такой трус перед Европой и парламентарист, а это было бы гибелью России. Ради Бэби мы должны быть твердыми, иначе его наследие будет ужасным, а он с его характером не будет подчиняться другим, но будет сам господином, как должно быть в России, пока народ еще так необразован» [100, с. 538]. В общем, должен править царь, а не Дума. Александра также критически относилась к стремлению некоторых органов самоуправления, земств обсуждать политические вопросы. Однажды она критически высказалась по адресу Петроградской думы, порекомендовав ей заниматься вопросами раненых, продовольствия и беженцев.

Объектом критики Александры Федоровны часто был великий князь Николай Николаевич-младший – главнокомандующий русской армии: «...он находится под влиянием других и старается брать на себя твою роль, что он не вправе делать – за исключением разве вопросов, касающихся войны. Этому следовало бы положить конец, никто не имеет права перед Богом и людьми узурпировать твои права, как он это делает. Меня это ужасно оскорбляет» [100, с. 94]. В другом письме, от 4 апреля 1915 г., Александра Федоровна упрекает мужа в слишком большой доброте и мягкости по отношению к Николаю Николаевичу, призывает проявить твердость, показать себя повелителем: «Будь более решительным и уверенным в себе, ты отлично знаешь, что правильно, и когда ты прав и не согласен с остальными, ты должен настоять на своем мнении и заставить остальных его принять» [100, с. 121]. Она постоянно напоминала Николаю, что он император. У Александры вызывала беспокойство несогласованная деятельность министров: «Ты знаешь, как даровит наш народ, только ленив и лишен инициативы. Двинь их

на работу, и они все смогут сделать, – только не проси, а приказывай, будь энергичен на благо твоей родины» [100, с. 166].

Весеннее отступление 1915 г. болезненно отражалось на царской семье. Николай II с горечью писал о страшных потерях и отступлении. Великий князь Николай Николаевич уже не мог контролировать положение на фронте: «Бедный Н., рассказывая мне все это, плакал в моем кабинете и даже спросил меня, не думаю ли я заменить его более свободным человеком» [100, с. 163]. Как свидетельствует переписка, царица подготавливала Николая к мысли, что следует заменить Николая Николаевича: «На Н. лежит только забота об армии и победе – ты же несешь внутреннюю ответственность и за будущее, и если он наделает ошибок, тебе придется все исправлять. После победы он будет никто» [100, с. 166]. Свою роль в отставке Николая Николаевича сыграла его возможная связь с оппозицией из Государственной думы, в частности, с А. И. Гучковым и то, что он, по словам императрицы, был врагом Божьего человека – Григория Распутина. В дальнейшем враждебное отношение Александры Федоровны к Николаю Николаевичу младшему только усилилось. Она называла его «величайшим моим врагом» и призывала царя сослать его в Сибирь.

Переписка Николая и Александры касается и такого острого вопроса, как возможность заключения сепаратного мира с Германией. Александра Федоровна, как свидетельствуют ее письма, поддерживала контакты со своими немецкими родственниками. Например, в письме к Николаю II от 17 апреля 1915 г. она упоминает послание от брата Эрни – правителя Гессен-Дармштадта. Эрни предлагал начать русско-германские переговоры в Стокгольме с целью выхода из войны. Александра, понимая, что слушать о сепаратном мире Николаю будет неприятно, написала брату, что «...хотя все и жаждут мира, но время еще не настало» [100, с. 147].

При изучении переписки возникает вопрос: видели ли Романовы приближение революции? Можно сделать вывод, что некоторые проблемы их очень беспокоили. К примеру, одной из причин революционных выступлений был недостаток продовольствия. Александра Федоровна уже с осени 1915 г. постоянно пишет мужу о проблемах с доставкой продовольствия. 8 октября 1915 г. она отмечает, что в Петрограде ощущается недостаток муки, сахара и мяса. По ее мнению, целые составы с продовольствием застряли где-то в Сибири. 10 октября того

же года она, ссылаясь на Распутина, вновь просит мужа ускорить доставку продовольствия в столицу, беспокоясь, что недовольство населения будет только расти, если положение не будет исправлено. В ноябре 1915 г. Александра Федоровна пишет: «Еженедельно должно приходить 400 вагонов муки, приходит же только 200. Нужно наладить все поскорее и поэнергичнее» [100, с. 356]. Другой причиной Февральской революции был кадровый кризис, выразившийся в нехватке надежных, преданных, деятельных людей. В письмах императрица постоянно задавала вопрос: где найти надежных людей на министерские посты. Разлад в правительстве между министрами и Государственной думой тревожил ее. Однако царская семья и в страшном сне не могла предвидеть предательства генералов, которые, забыв присягу, пошли на преступный сговор с либералами и социалистами. В конечном счете, это и оказалось решающей причиной свержения монархии.

Переписка Николая II и Александры Федоровны показывает, что это были люди со своими достоинствами и недостатками, очень религиозные, патриоты, искренне желавшие России победы и послевоенного процветания.

Первая мировая война и Февральская революция глазами монархиста. Большой интерес в оценке повседневности Первой мировой войны и событий Февральской революции 1917 г. представляет дневник консерватора и монархиста Льва Александровича Тихомирова. Дневниковые записи мыслителей, политиков и государственных деятелей всегда являлись важнейшими историческими источниками. Судьба России живо интересовала Л. А. Тихомирова. Какие же вопросы жизни России волновали Льва Александровича в 1915 г.? Он перечисляет их в дневнике: «Жива ли в народе религиозная вера? Живет ли в его сердце царский принцип? Каковы чувства междусловные? Развивается ли принцип народного представительства?» [31, с. 42]. Таким образом, основными темами записей Л. А. Тихомирова были: судьба России во время войны и после нее, размышления о причинах военного поражения, состояние Верховной государственной власти и правительства, деятельность различных политических партий и политических сил, изменения общественных умонастроений, состояние экономики. Он также доверял своему дневнику постоянные заботы и тревоги о своей семье. В условиях разложения России Льва Александровича устрашало ее будущее. Дневник также позволяет прояснить при-

чины негативного отношения монархистов к Николаю II незадолго до свержения монархии, выявить слабости русского консерватизма на примере взглядов Л. А. Тихомирова. Таким образом, дневник монархиста и консерватора представляет собой соответствующую оценку политических, социально-экономических и военных причин краха монархической государственности в России, в нем очень ярко проявляется прогностическая функция консервативного мировоззрения автора, а прогнозы относительно будущего исхода войны и монархии поражают своей точностью.

Дневниковые записи за 1915 г. охватывают период с 4 января по 7 декабря. Л. А. Тихомиров искренне переживал за неудачи русской армии на фронтах войны. Так 2 февраля он писал: «Что касается общего политического положения, то оно весьма скверное... Между прочим, скверно то, что немцы берут наших в плен больше, чем мы их» [31, с. 38]. Как и многие другие люди, Л. А. Тихомиров выступал за присоединение к России черноморских проливов. Он понимал их важность для экономической и военной мощи страны. С военными неудачами завоевание проливов становилось несбыточной мечтой. В записи, сделанной 10 февраля 1915 г., можно прочитать: «Не нынче-завтра англо-французы форсируют Дарданеллы и займут Константинополь. Это будет огромный успех, но не для нас. Мы после этого не получим ничего, ни одного пролива. Это полный исторический разгром» [31, с. 40].

Его февральские заметки о правительстве переполнены критикой бестолковой, с его точки зрения, власти. Он отмечает, что государственные люди очень плохи: «Правительство наделало столько зла, сколько не сделал бы и умный неприятель» [31, с. 47]. Вину правительства Л. А. Тихомиров видел в плохом снабжении населения продовольствием и предметами первой необходимости: «Губернаторы воспрепятствуют вывозу и провозу. Никто ничего не может продать, никто ничего не может купить, нечем кормить людей, нечем кормить лошадей, а сено, овес, хлеб – гниют и пожираются крысами. Это какие-то неисправимые глупцы, не способные понять – где нужна власть, и что она не должна мешаться. Теперь – дров нет. А живем около лесной области, где каждое лето горит лесу больше, чем нужно на отопление» [31, с. 48]. Л. А. Тихомиров жалуется на отсутствие дров, дороговизну продуктов и отсутствие важнейших из них – масла, сыра, ветчины, яиц. Решение бытовых проблем отнимало у него много вре-

мени. Большую проблему для него представляло распоряжение администрации Сергиева Посада об уборке навоза и дезинфицировании дворов. Л. А. Тихомиров снимал жилье в Москве, из-за роста цен он был вынужден много времени заниматься поиском подходящего. 7 апреля он написал, что его семье нужна квартира не менее шести комнат и на 1–2 этаже, так как половина семьи по состоянию здоровья не в состоянии подниматься на высокие этажи. Однако жилье предлагалось ему скверное, дорогое и тесное.

Лев Александрович внимательно следил за политическими событиями. Его интересовало положение в доме Романовых. Он делает вывод о безусловном подчинении царя своей супруге. Также авторитет Николая II был подорван контактами царской семьи с Распутиным. Мыслитель использовал слово «всесильный» для определения влияния Распутина на политику. Л. А. Тихомиров отмечал негативную роль императрицы Александры Федоровны в управлении страной. Находясь под влиянием Распутина, она добивалась назначения на высокие правительственные посты его ставленников. Комментируя события и слухи, касающиеся царской семьи, Л. А. Тихомиров сделал 5 октября 1915 г. в дневнике следующую запись: «Словом, кредит Государю подрывается страшно. А он – поддерживая этих Распутиных и Варнав – отталкивает от себя даже и дворянство и духовенство. Не знаю, чем кончится война, но после нее революция кажется совершенно неизбежной. Дело идет быстрыми шагами к тому, что преданными династии останутся только лично заинтересованные люди, но эти продажные люди, конечно, сделаются первыми изменниками в случае наступления грозного часа» [31, с. 145–146]. Отмечая катастрофическое падение авторитета Николая II, он выделял необычайную популярность в народе великого князя Николая Николаевича.

К концу жизни монархист и консерватор Л. А. Тихомиров глубоко разочаровался в окружающей его действительности. Он понял, что идеалы, которые он защищал более четверти века, оказались никому не нужны. Свои горести Лев Александрович изливает 12 апреля 1916 г. на страницах дневника: «Весь век я жил, имея цели, и ставя их себе, думал, будто был я для чего-то нужен на свете... Прежде я даже воображал, будто я что-то “сделал”, написал... Оказывается, что это все нуль, иллюзия, нечто ни на что не нужное и даже никому неизвестное» [31, с. 54–55]. Признавая в себе теоретический ум и почти полное отсутст-

вие способностей практических, мыслитель признавал, что результаты его жизни были почти нулевые. Неудачу своего жизненного пути он как верующий человек связывал с волей Божьей: «Стало быть, Богу было угодно попустить моей жизни сложиться столь бесплодно. А теперь единственный живой вопрос – чтобы дал мне Господь спасение души» [31, с. 55]. Он уже не помышляет о земных свершениях, чувствует свою заброшенность и одиночество. К этому времени многие его друзья и знакомые умерли, а новых он не нашёл. В одной из записей 28 апреля Л. А. Тихомиров сетует на то, что его опыт остался невостребованным: «...тяжело сидеть без всякого дела. Но если России становится плохо – то страшно тяжело ничем ей не помогать. Между тем я выброшен из всех возможностей служить ей, и это неисправимо, я не могу никуда сунуться, нет никакой щелки» [31, с. 58–59]. Однако на страницах дневника можно встретить и другие записи: «Вообще, я чувствую какую-то пассивность. Строго общественной деятельности я уже даже не хочу. Она во мне возбуждает какое-то отвращение» [31, с. 71].

Одной из важных тем дневника являлось осмысление положения русских войск на фронте. Л. А. Тихомиров внимательно следил за всеми изменениями линии фронта. Среди недостатков русской армии он выделял отсутствие плана военных действий, инициативы, слабость и бесталанность командного состава. Командование, находящееся не на высоте положения, вело войну под диктовку неприятеля.

В дневнике Л. А. Тихомирова нашли отражение и немецкие погромы в Москве. Осуждая жестокость и вандализм толпы 1 июня 1915 г., Лев Александрович писал: «Дело, очевидно, подготовлено и организовано с величайшим искусством и ведено замечательно дисциплинированно... Делалось это с иступляющей энергией. Выбивались окна, весь товар уничтожался, выбрасывался на улицу, топтали, разрывали, рубили ломами и топорами» [31, с. 65]. На улицы выбрасывали драгоценную резную мебель, музыкальные инструменты, ткани, книги. Толпа громила имущество германских подданных при попустительстве полиции.

Лев Александрович старался спрогнозировать итоги войны. При этом он признавал, что понять историческую эволюцию России ему очень трудно: «В ней идут процессы сложные, неясные. Партийные люди их оценивают по своей мерке. Я же умом и сердцем стою вне партий, и меня лишь привлекает мысль о всенародной сущности» [31, с. 72]. Ис-

ход войны, по его мнению, будет зависеть от того, насколько едино будет действовать все общество. Так Германия действует вся как один человек, а Россия разрознена и в ней каждый себе на уме. Л. А. Тихомиров сетовал на то, что в России царский престол не стал центром всенародного единения. В общественном сознании сформировалась мысль о Николае II как о человеке неспособном помочь России одержать победу. Кроме того, Л. А. Тихомиров поддался царившей в то время в стране шпиономании: «А мы, т. е. Россия, вдобавок переполнены немцами в правительственных сферах, в армии, во всех функциях страны. Кто из этих немцев не изменник, если не явный, то в глубине души?» [31, с. 72].

Среди других причин, делающих победу России в мировой войне невозможной, можно отметить: отсутствие ощутимой помощи со стороны союзников артиллерией и снарядами, упадок духа перед немцами в различных слоях общества, отсутствие военных гениев среди генералов, духовный разлад между властью и народом. Особенно его тревожило исчезновение авторитета царской власти: «Против его личности никто, кажется, искренне ничего не имеет. Но как правитель, как Царь, — его авторитет исчез. В 1612 г. тяжкая война привела к воскресению Монархии; здесь, по-видимому, война приведет к падению Самодержавия» [31, с. 86]. Л. А. Тихомиров также сомневался в победе России и из-за подрывающей силу власти деятельности кадетов: «Мы — погибли. Наша гибель — не в одних ошибках правительства, а еще больше во внутренней разложенности русского так называемого образованного общества... Теперь в передовых слоях идет безумная политическая спекуляция в целях упразднить Самодержавие и добиться либеральной конституции с ответственным министерством» [31, с. 106]. Деятельность кадетов подрывала власть, а значит и оборону страны. Критикуя слабую власть Николая II за политику, ведущую к разрушению страны, Л. А. Тихомиров считал, что ему нужно отказаться от престола и назначить регентом великого князя Николая Николаевича. Кроме того, в условиях наступающей анархии важно было назначить еще и диктатора.

Дневник Л. А. Тихомирова фиксирует ухудшение социально-экономического положения в стране. Появляются сотни тысяч беженцев, в конце августа 1915 г. исчезает из обращения разменная монета, растет спекуляция продуктами и товарами. Тихомировым пришлось взять беженцев во флигель.

Беспокойство Л. А. Тихомирова за судьбу страны и безопасность семьи усиливается в 1916 г. 26 февраля он пишет, что не верит в победу России и прогнозирует неизбежность внутреннего разгрома в форме пугачевщины.

При изучении дневника Льва Александровича возникает вопрос: отказался ли он в это время от своих консервативных взглядов? И хотя он сам отказывается называть себя консерватором, его взгляды очень ясно проявляются в отношении к Государственной думе, либералам и политическим партиям. Он делает вывод о вреде Государственной думы, разжигающей страсти населения, критикует партии за подрыв национального единства.

В заметках за 1916 г. Л. А. Тихомиров подробно пишет о шпионии, толпах беженцев, падении солдатской дисциплины, упадке духа и деморализации, о возросших до 24 млрд рублей внешних долгах государства. Большую опасность внешних долгов он видел в том, что за них с иностранцами придется расплачиваться своими недрами. Без военных успехов, делает он вывод, спасение российской монархии невозможно. Однако их не было: «Ох, плохо, если у нас не будет военных успехов! Без них власть, столь слабая, не посмеет встать на ноги и всех привести в порядок. Паршивые эти наши союзники. Только вяжут нам руки, а толку из них ни малейшего. О Господи, дай помощь! Идем на дно» [31, с. 65]. Столь пессимистический прогноз будущего России связан с низким качеством правящего класса: «Весь наш верхний класс, дворянский и промышленный – ловкий на всякое хищничество, – лишен идеи, самосознания, идеалов. Энергии нигде нет. Борьбаться энергично не может ни с кем. При опасности каждый будет спасаться сам, не заботясь о гибели других» [31, с. 211].

Январские страницы дневника за 1917 г. полны как критикой Думы с ее либералами, социалистами, беспощадно эксплуатирующими тяжелое политическое и экономическое положение страны ради создания ответственного перед Думой правительства, так и критикой отсутствия у Николая II твердой политики. Л. А. Тихомирова не устраивали непрерывные переходы от «уступок» к «нажимам». Для него не было ничего опаснее политики вечных полумер и постоянных колебаний. Кроме того, частая смена министров не могла не привести к анархии. Лев Александрович признавался, что в эти тяжелые дни для страны часто ломал голову над вопросом, чем можно сохранить

монархию и не находил средств. Слабовольный характер Николая II изменить уже было невозможно.

28 января 1917 г. Л. А. Тихомиров пишет о наступившей полной анархии в управлении страной, высоких ценах на продовольствие, негативном отношении населения к царю и царице. Его вывод звучит тревожно: «Одним словом, страна полна слухов, которые показывают полное падение доверия к управительным способностям государя и какое-то прямо желание переворота» [31, с. 331]. 27 февраля 1917 г., комментируя продолжавшиеся беспорядки в Петрограде, он пишет: «Безумно правительство, но и безумная Государственная дума тоже хороша. В такое время начинать междоусобную войну!» [31, с. 343]. В эти дни улица поддерживала восставших. 2 марта Л. А. Тихомиров высказывается на страницах своего дневника в поддержку ограниченной монархии. Он отмечает, что династия Романовых, видимо, сгнила до корня и с горечью отмечает, что ему было суждено дожить до конца России. Для себя он так и не мог ответить на вопрос: куда идет Россия. Но для Л. А. Тихомирова, с учетом его богатого революционного прошлого, было очевидно, что путь революционной перестройки страны, основанный на двух противоположных идеях – социалистической и демократической – может привести лишь к экономическому и социальному развалу. Отмечая отсутствие у России каких-либо демократических традиций, Лев Александрович приходит к выводу о неизбежности установления диктатуры, пролетариата и малоимущих классов.

Дореволюционный русский консерватизм потерпел поражение в февральские дни 1917 г., так и не выполнив свою главную задачу – сохранение монархии. К этому провалу привел целый ряд причин: наличие различных течений и отсутствие единства в стане консерваторов; разрыв между теоретической деятельностью и практической работой в массах с разъяснением основных идей; и главное – отторжение идей творческих консерваторов со стороны верховной царской власти. Как ни парадоксально, консерваторам затрудняла защиту самодержавия сама Верховная власть своим нравственным падением. Как писал Л. А. Тихомиров, нравственный авторитет власти был многократно подорван Распутиным. Приходится констатировать, что творческий консерватизм, ярким представителем которого являлся Л. А. Тихомиров с его острой критикой правительственной бюрократии, призывами к реализации давно назревших реформ (например, церковной, по восстановлению патриаршества), не был востребован Николаем II.

Глава 4. ПРИЧИНЫ И ХОД ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. ГЛАЗАМИ КОНСЕРВАТОРОВ

Революция 1917 г. стала поворотным пунктом в истории России. В последнее время было опубликовано несколько интересных сборников документов, книг, посвященных истории русской революции 1917 г. [121]. Еще одним важным историческим источником по теме революции и гражданской войны стала публикация материалов следственного дела известного монархиста Василия Шульгина [147]. Малоизвестным до недавнего времени историческим источником был «Дневник» знаменитого монархиста Л. А. Тихомирова. Он стал доступен читателю лишь в 2008 г. [31]. В 2006 г. были опубликованы материалы и архивные документы о позиции российского духовенства во время свержения монархии [127]. Большой материал о фракции крайне правых в Государственной думе IV созыва содержится в монографии А. А. Иванова [35]. Интересные архивные материалы о Первой мировой войне и Февральской революции 1917 г. содержатся в нескольких томах Российской политической энциклопедии, опубликованной в 2014 г. [98, 99]. В 2016 г. М. Н. Начапкин опубликовал статью «Русская революция 1917 года в оценках российских консервативных мыслителей первой трети XX века» [83].

Эти документы позволяют глубже понять расстановку социально-политических сил, экономические причины, приведшие к революции. Для того, чтобы получить объективную картину революционных потрясений, необходимо рассмотреть состояние российского общества по нескольким критериям: верхи и низы, столицы и периферии, города и деревни, фронт и тыл. Очень интересно отследить, как отражались события Февральской революции на страницах периодической печати. Для ученых всегда любопытны оценки современников повседневной жизни этой противоречивой эпохи. К годовщине столетия Февральской революции, в февральском номере научно-популярного журнала «Родина» за 2017 г., была открыта рубрика «Печать эпохи». С. А. Экштут проанализировал в своей статье события, о которых писали столичные газеты «Биржевые ведомости», «Русская Воля», «Петроградская газета», «Новое время» в феврале 1917 г.

Февральская революция 1917 г. застала врасплох журналистов столичных газет. С. А. Экштут отмечал: «Февраль 1917-го начался на

мажорной ноте. Новости – одна отраднее другой. Россияне, уставшие от долгой войны и слишком морозной зимы, спешили этими новостями насладиться» [166, с. 19]. Еще в январских номерах ничего не предвещало будущей грозы.

Как свидетельствуют архивы, недовольство населения, приведшее к свержению монархии 2 марта 1917 г., стало формироваться еще в конце 1916 – начале 1917 гг. Какие же события предшествовали революции? Все показывает, что она стала результатом целого комплекса политических, социально-экономических, культурных, классовых и национальных неразрешимых противоречий. Как же объяснили причины революции консервативные мыслители?

На наш взгляд, полезно обратиться к воспоминаниям русских консервативных мыслителей – непосредственных участников этих событий. Журналиста газеты «Нового времени» Михаила Осиповича Меньшикова (1859–1918) не устраивало то, что после 1905 г. Россия стала копировать путь западной партийной демократии: «...вся государственность наша и культура до религии включительно теряют неудержимо свою национальность. Иностранное и инородческое во всем начинает подменять собою коренное русское, самобытное» [59, с. 139]. Дореволюционная Россия была охарактеризована М. О. Меньшиковым как страна больная, гибнущая. Неизбежность краха всей дореволюционной государственности была вызвана повальной безграмотностью крестьянства, повальным пьянством всех сословий и слепым рабством их перед властью, коррупцией, деревянным равнодушием генералов и адмиралов к интересам государства. Для М. О. Меньшикова его судьба как человека, журналиста была неразрывно связана с Россией. Он чувствовал и свою ответственность за все разрушительное, что произошло: «Разве ты не знал лично министров, растерянных, равнодушных, цепляющихся за свой пост при явной неспособности наладить дело? Разве ты не пережил этих политических убийств? Разве не убедился в жалком бессилии общества, интеллигенции, бутафорского, нечестно и глупо подобранного парламента? Разве ты не убедился в низости и безверии церковной иерархии и в глупости царя? ...И если, видя всю эту внутреннюю гниль и возмущаясь ею, ты не бежал из гнилого омута, стало быть, тем самым, ты признал неразрывность твою с ним... Вот оценка твоей родины и тебя вместе с ней» [124, с. 19]. Еще одной из тем, затронутых в дневнике, была

тема крушения причин монархии. При чтении дневника складывается впечатление, что самодержавие было для М. О. Меншикова отжившей формой правления: «Крушение Российской Империи. Оно было тысячу раз предсказано и, наконец, совершилось. Плохо связанная, она распалась подобно всем империям, не исключая Римской... Судорога мировой войны, осложненной, по-видимому, мировой революцией, показывает, что старая государственность отходит...» [124, с. 18].

Для Михаила Осиповича было ясно, что все эти революционные потрясения, поражения в войне связаны с характерными особенностями самого народа. Русский народ – это народ, сочетающий в себе крайности: с одной стороны, бесконечное терпение, с другой – склонность к жестоким, беспощадным, ничем не ограниченным бунтам: «Наша русская драма в том, что в жизни идет вечная борьба между храмом и публичным домом; между молитвой и похабной песнью, между матерью и распутной девкой» [124, с. 130]. Происшедшие в 1917 г. революции являлись для М. О. Меншикова глубоким подтверждением многолетнего процесса деградации общества. Немаловажное значение имело и то, что народные массы были одурманены алкоголем: «Бунт народный есть буйство алкоголиков, не имеющих чем опохмелиться» [124, с. 35].

Личность отрекшегося от престола императора Николая II не вызывала у М. О. Меншикова положительной оценки: «Боже, до чего я был прав, чувствуя задолго до войны глубоко возмущенное и презрительное чувство к Николаю II! Он погубил Россию, как губит огромный корабль невежественный или пьяный капитан, идущий в узком фарватере и передающий неверный курс на штурвал. Роковой человек!» [124, с. 138–139]. Он критиковал Николая II за слабование, измену монархии. Свое отношение к последнему императору М. О. Меншиков более обстоятельно объясняет в дневниковой записи 23 июня 1918 г.: «Встревоженное настроение. В «Молве» настойчивые слухи об убийстве Николая II... Жаль несчастного царя – он пал жертвой двойной бездарности: и собственной, и своего народа. Будь он, или народ, или еще оба вместе поумнее, не было бы никакой трагедии... Николай читал мою статью «Кто кому изменил?» В ней я доказывал, что не мы, монархисты, изменили ему, а он нам. Можно ли быть верным взаимному обязательству, которое разорвано одной стороной? Можно ли признавать царя и наследника, который при первом намеке

на свержение сам отказывается от престола? Точно престол – кресло в опере, которое можно передать желающим. Престол есть главный пост государственный... Тот, кто с таким малодушием отказался от власти, конечно, недостоин ее. Я действительно верил в русскую монархию, пока оставалась хоть слабая надежда на ее подъем. Но как верить в машину, сброшенную под откос и совершенно изломанную?» [124, с. 139]. Хотя М. О. Меншиков и осуждал Николая II за измену принципам самодержавия, поспешное, без сопротивления, отречение от престола, он с большим сочувствием отнесся к сообщениям о гибели царя и его семьи в Екатеринбурге. Так 24 июня 1918 г. он записал в дневнике: «Неужели Николай II убит? Глубинам совести народной, если остались какие-нибудь глубины, будет нелегко пережить эту кровь... Впрочем, кто его знает, – может быть, по нынешней психологии народной, чего доброго, еще гордиться будут, бахвалиться!» [124, с. 153]. Его поражала чрезмерная жестокость этих людей. Об этом М. О. Меншиков писал на страницах своего дневника: «Николай II расстрелян... Тяжелая тоска на сердце. Зачем эта кровь? Кому она нужна? ...Почему же даже Персия предоставила возможность свергнутому шаху уехать, а у нас непременно лишили свободы и, наконец, жизни монарха, которому когда-то присягали? ...Без суда, без следствия, по приговору какой-то кучки людей, которых никто не знает... При жизни Николая II я не чувствовал к нему никакого уважения и нередко ощущал жгучую ненависть за его непостижимые, глупые, вытекавшие из упрямства и мелкого самодурства решения... Но все-таки жаль несчастного, глубоко несчастного человека: более трагической фигуры “человека не на месте” я не знаю» [127, с. 169].

Для публициста и общественного деятеля Василия Витальевича Шульгина (1878–1976) революция и падение монархии были связаны, прежде всего, с разрушением системы управления, невозможностью царского правительства руководить страной во время войны, и ярким примером тому являлось усиление разрухи в промышленности и на транспорте. Серьезный урон авторитету династии нанесли слухи о том, что министров назначает не царь, а Григорий Распутин, являвшийся к тому же сторонником заключения сепаратного мира с Германией. Нежелание царя Николая II идти навстречу требованиям назначать министров с согласия Государственной думы привело, по мнению В. В. Шуль-

гина, к длительному конфликту между Думой и Верховной властью. Своей неправильной кадровой политикой, выразившейся в «министерской чехарде», царь достаточно скомпрометировал себя.

Для лидера «Союза русского народа» Николая Евгеньевича Маркова (1866–1945) Февральская революция стала возможной в силу нескольких причин: предательства либерально настроенной бюрократии и военных, составивших вместе с партиями «Прогрессивного блока» заговор против царя, и слабости и легковерия Николая II, позволившего себя обмануть и подписавшего гибельный для страны манифест от 17 октября 1905 г.: «Так или иначе, правительственная бюрократия в большинстве своем встала на сторону Государственной думы, значит, на сторону конституции и постепенного разрушения самодержавия» [57, с. 151]. Н. Е. Марков утверждал, что конституция и планомерная предательская деятельность либерального большинства Государственной думы погубили Российскую империю. Либеральное окружение государя враждебно относилось к «Союзу русского народа», эта народная, монархическая партия очутилась в положении партии «антиправительственной». Бюрократия разъединила царя с верным ему народом. Беда Николая II состояла в том, что он «...не настоял на своевременной и надлежащей государственной поддержке и развитии организаций народной самообороны» [57, с. 148]. Во время Первой русской революции противники самодержавия действовали явно и открыто. Открытость их нападения на Россию вызвала тогда противодействие всех патриотических сил в 1907 г., после роспуска второй Государственной думы наступил десятилетний конституционный период, в ходе которого была подготовлена Февральская революция. Действовавшие в Государственной думе масоны, используя тяготы Первой мировой войны, искусно сеяли в войсках недовольство, подрывали авторитет Николая II. Н. Е. Марков писал: «...преступная жажда власти руководила этим беспринципным стадом ослепленных честолюбцев и изменников монархии» [57, с. 177].

С вышеперечисленными оценками консерваторов были согласны как современники, так и историки. В 1931 г. во Франции была опубликована книга И. П. Якобий «Николай II и революция». Якобий был монархистом, консерватором. Он посвятил свою книгу памяти Николая II и Александры Федоровны, зверски замученных большевиками без суда и следствия. Для него главной причиной революции стала

измена аристократии, разложившегося дворянства: «Политически же революция родилась в верхах общества. Высшее дворянство издавна лелеяло мысль об ограничении в свою пользу власти самодержавного монарха» [168, с. 36]. И. П. Якобий часто использует выражение «прогнившее русское общество, открывшее дорогу революции». Разложение высших классов оказало влияние и на другие слои, в частности, на интеллигенцию. Он полагал, что простой народ, в своей основе был верен государственной власти: «В России не было почвы для революции, русский народ не бунтовал, а работал и сражался на фронте, но государство разложилось благодаря разложению правящего класса» [168, с. 44]. По его мнению, имел место военный заговор, в который входили депутаты Государственной думы и командующие фронтами: «Ставка Верховного главнокомандующего в лице начальствующих лиц почти вся стояла за государственный переворот. Мы уже говорили выше о военном заговоре, который зрел в Петрограде и к которому мало-помалу примкнули некоторые генералы и командующие фронтами» [168, с. 196]. Таким образом, часть российской элиты, включая представителей Дома Романовых, своим разлагающим и мелко фондирующим настроением, своими интригами, слухами во время войны смогла подготовить революцию.

О. А. Платонов считал, что движущими силами второй антирусской революции стали «...мировое масонство, российское либерально-масонское подполье, социалистические и националистические круги, активно действовавшие во время войны на деньги германских и австрийских спецслужб» [102, с. 345]. Ведущую роль в заговоре сыграли такие российские масоны, как А. И. Гучков, Г. Е. Львов, М. И. Терещенко. Кроме того, послы Англии и Франции в Петрограде – Дж. Бьюкенен и М. Палеолог активно поддерживали либеральных заговорщиков.

А. Н. Боханов акцентирует внимание на предательстве депутатов Государственной думы, военного и придворного окружения. В революционные дни в окружении Николая II не нашлось ни родного решительного человека, подобного П. А. Столыпину, способного противостать революции: «Никто из императорской свиты, из числа этих осыпанных милостями и почестями людей, не нашел в себе мужества и решимости бросить вызов надвигающейся катастрофе и стать опорой угасавшей царской власти» [18, с. 401]. Многие великие князья из Дома Романовых повели себя недостойно. Николая II предали даже

родственники. Так, к примеру, великий князь Кирилл Владимирович, в знак одобрения перемен привел к Государственной думе гвардейский морской экипаж – элитную воинскую часть, предназначенную для охраны царской семьи. Другой великий князь – Николай Михайлович, внук Николая I, распуская про царскую семью грязные сплетни, принял революцию с восторгом.

А. Н. Боханов также отмечал, что либеральная оппозиция в лице политиканов М. В. Родзянко, П. Н. Милюкова действовала в единстве с социалистами из Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. 27 февраля 1917 г., председатель Государственной думы Родзянко выступил перед депутатами Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов с призывом действовать сообща во имя свободы. В Февральской революции была велика роль генералитета. А. Н. Боханов особенно отмечал отрицательную роль генерала Н. В. Рузского, убеждавшего Николая II «сдаться на милость победителям». Как известно, для Николая II было характерно почти мистическое понимание своего царского долга. Н. В. Рузский убеждал царя принять формулу: «государь царствует, а правительство управляет, на что Николай Александрович возразил, что ему эта формула непонятна, что он... не может сложить с себя ответственность перед Богом» [18, с. 407]. Тем не менее, Н. В. Рузскому удалось уговорить Николая II отречься от престола. Царь был потрясен. 2 марта 1917 г. он записал в своем дневнике: «Утром пришел Н. В. Рузский и прочел свой длинейший разговор по аппарату с М. В. Родзянко. По его словам, положение в Петрограде таково, что теперь министерство из Думы будто бессильно что-либо сделать, так как с ним борется социал-демократическая партия в лице рабочего комитета. Нужно мое отречение. Н. В. Рузский передал этот разговор в Ставку, а Алексеев – всем главнокомандующим. К 2½ ч пришли ответы от всех. Суть та, что во имя спасения России и удержания армии на фронтах в спокойствии нужно решиться на этот шаг. Я согласился. Из Ставки прислали проект манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с которыми я переговорил и передал им подписанный и переделанный манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена, и трусость, и обман!» [92, с. 28].

Был ли у Николая II выбор в вопросе отречения? Историк А. Н. Боханов считал, что никакого выбора у монарха не было: «Монарх де-

лал тот судьбоносный выбор в условиях, когда выбора-то, по существу, у него не было» [18, с. 421]. Трагедия монархии состояла в том, и это подтверждала уже революция 1905–1907 гг., что ряды защитников – монархистов ее слабели с каждым годом количественно и качественно. Правильно высказался по этому поводу А. Н. Боханов: «В этот период не было сколько-нибудь значительных и организованных сил, готовых жертвовать собственной жизнью за «Помазанника Божия». Исторический ресурс монархии был исчерпан, времена Сусанина, Мина и Пожарского давно прошли» [18, с. 421].

На основании изученных материалов можно сделать вывод, что в представлениях консерваторов начала XX в. Николай II не был той сильной, волевой личностью, с помощью которой можно было бы преодолеть обрушившиеся на Россию испытания.

Известный консерватор русского зарубежья И. Л. Солоневич выделил сразу несколько причин Февральской революции: 1) культурно-техническую отсталость России; 2) вырождение правящего слоя; 3) участие в ненужных и неудачных для России войнах, например, русско-японской, 4) английская интрига: «надо-де было изъять Россию из числа будущих победителей, чтобы не выполнять договора о проливах» [133, с. 11]. В качестве одной из главнейших причин революции он выделял деградацию правящего слоя. После жалованной в 1785 г. Грамоты благородному сословию Екатерины II вырождение и паразитизм дворянства только усиливаются. И. Л. Солоневич считал, что при Николае II «...правлящий слой загнил окончательно» [132, с. 30]. Таким образом, вновь возник вопрос о необходимости отбора качественной элиты. При последнем государе к моменту начала Февральской революции таковой уже не оказалось. Это перекликается с выводом об окружении Николая II, сделанным И. П. Якобий: «Нужно признать, что государь был окружен бездарностями, царедворцами, хотя и честными, но слабыми и эгоистичными, которых смыл не десятый, а первый вал бури. Само же правительство состояло из круглых нулей» [168, с. 196]. Конечно, и сам Николай II нес ответственность за такое назначение кадров.

Еще одной значимой причиной революции И. Л. Солоневич считал совершенно ошибочное реформирование политической системы России после 17 октября 1905 г. по западному образцу. Он отмечал: «...мы получили монопольное представительство интеллигенции на-

чисто оторванной от народа, «беспочвенной», книжной, философски-блудливой и революционно-неистойой. В Государственную думу первого созыва... попали наследники «Бесов» и Нечаева... никому из них до реальной России не было никакого дела. Они были наполнены программами, теориями, утопиями... и, больше всего, жаждой власти...» [134, с. 91]. В работе «Великая фальшивка Февраля» И. Л. Солоневич вскрыл причины переворота и его виновников. Февральскую революцию он считал классическим дворцовым переворотом, в котором приняли участие три силы: земельная аристократия, финансовая олигархия и военные. Основную роль сыграл А. И. Гучков. Трагическая черта этого заговора «...заключалась в том, что и часть Династии принимала в нем активное участие» [133, с. 21]. Отрицательную роль в подготовке событий февральского переворота сыграла пресса. Она будоражила общественное мнение. И. Л. Солоневич, как журналист «Нового времени», отмечает негативную роль государственной цензуры, которая, запрещая даже речи монархистов, порождала различные фантастические слухи. Иван Лукьянович отмечал, что запрещенные цензурой речи печатались на машинке, или на гектографе, причем редакторы добавляли свои мысли в эти статьи и речи. Так, в речь В. М. Пуришкевича был добавлен абзац о необходимости заточения царицы в монастырь, как немки, работающей на гибель России и армии. Понятно, что об этом В. М. Пуришкевич не говорил. В общем, «...вся Россия тонула в слухах: слабовольный царь, истерическая царица, влияние Распутина, немецкий шпионаж» [133, с. 77]. Убийство Григория Распутина в декабре 1916 г. великими князьями и монархистом В. М. Пуришкевичем И. Л. Солоневич назвал первым выстрелом русской революции. На обывателей это произвело ошеломляющее впечатление: «...если такие монархисты... берутся за огнестрельное оружие, значит, дело дрянь. Впечатление в низах было ужасающим: вот до чего дошло!» [133, с. 78–79]. Иван Лукьянович выделил и другие факторы, сопутствующие перевороту: наличие 200–300 тысяч резервистов, обреченных на безделье и восприимчивых к пропаганде, малое количество офицеров. Он вспоминал, что в его полку, к которому был приписан, числилось три тысячи солдат и только шесть офицеров. В городе насчитывалось только десять тысяч плохо вооруженных полицейских. Приказ Николая II о переброске в Петроград гвар-

дейской кавалерии не был выполнен заговорщиками. Роковым просчетом государя было то, что он доверился генералу С. С. Хабалову.

Близкую И. Л. Солоневичу точку зрения высказывает современный ученый Виталий Аверьянов. По его мнению, революция 1917 г. стала возможной благодаря заговору, подрывной деятельности российской интеллигенции, ставшей проводником западного влияния, а также результатом безволия правящей элиты.

Следствием демографического взрыва стало появление большого числа людей: «...наполненных предощущением лучшего будущего, перемен, необходимости переустройства жизни. Определяющей причиной событий 1917 г. стало не недоедание, не нужда (перебои с поставками хлеба послужили лишь поводом для волнений и никто не воспринимал их тогда как политически серьезное событие). Определяющие факторы следует искать в том, «...что необычайно возросли ставки и амбиции активных социальных слоев общества, было огромное самомнение и интеллигенции, и духовенства, и низших классов» [129, с. 68–69].

По мнению ученого, революция имела и другие немаловажные причины: незавершенность политического и социально-экономического переустройства русской жизни – промышленности, армии; отсутствие личности, подобной Петру I, способной возглавить этот процесс; разноплеменный состав империи, состоящей из враждебных ей элементов: «Польское царство и Финляндия, присоединенная в 1812 году, ...стали движущими силами Смуты начала XX века...» [129, с. 71].

Составители «Русской Доктрины» сделали вывод, что: «...революционные преобразования и перевороты не вытекали из естественного хода русской истории, не были вызваны глубинными запросами нации, а являлись скорее формами глубочайшего кризиса русской знати, неспособной сформулировать национальную доктрину и выстроить вокруг нее здоровый и сплоченный правящий слой» [129, с. 137–138].

Серьезный анализ причин революционных событий, произошедших в России в 1917 г., сделал известный философ Иван Александрович Ильин. В своих многочисленных статьях Ильин старался доказать, что потеря духовных ценностей привела сначала к революции 1905 г., а затем и к революциям 1917 г. С его выводом нельзя не согласиться.

Иван Александрович отмечал, что причины русской революции были глубоки и сложны. Он выделял внешне-европейские и внутри-

русские. Прежде всего, русская революция была проявлением и следствием глубокого мирового кризиса, сущность которого проявлялась в засилии материи и бессилии духа: «Ныне человек отверг... религию, и притом потому, что отверг и самую душу: он считает себя существом материальным и живет суевериями. Дух отмирает в нем; душа пренебрежена и запущена: ее ведут интересы, страсти и произвол. В человеке существует материя и чувственный инстинкт» [37, с. 82]. Европейцы стали утрачивать веру в Бога, начиная с эпохи Возрождения. Французская революция 1789 г. явилась следствием распространения идей безбожия, материализма, отвлеченно-рассудочного мышления.

Начавшаяся в 1914 г. первая мировая война привела к серьезным испытаниям и оказалась для слабого духом непосильным бременем. Для мыслителя утомленная войной Россия стала полигоном первого опыта применения западноевропейской программы экономического материализма и интернационального коммунизма: «Россия стала как бы опытным полем, где жизненно насаждалась безбожная и противостественная химера, выдуманная на Западе для разрешения европейского социально-хозяйственного кризиса. Надо изумляться, с какой готовностью и безответственностью, с каким отсутствием патриотизма и достоинства... интеллигенция предоставила Россию западноевропейским экспериментаторам и палачам» [37, с. 83].

Как и в начале XX в., часть современной российской интеллигенции продолжает идеализировать западный образ жизни, либерализм, демократию и парламентаризм. Русская революция 1905 г. также началась во имя демократии и республики: она подготавливалась как политическая революция, которая должна была водворить в России свободу, равенство, народоправство. Интеллигенция, а также некоторые представители бюрократии, например, С. Ю. Витте, целенаправленно расшатывали и подрывали царскую Россию, «...чтобы насадить в ней западноевропейские формы, уже приведшие Европу к тупику и кризису» [37, с. 82]. Западноевропейский политический кризис проявлялся для Ивана Александровича в вырождении правосознания. С течением веков оно отрывалось от своих религиозных корней, любви к родине, христианского духа и впало в беспринципность и формализм.

Вторым очевидным проявлением европейского политического кризиса была слабость демократически-парламентарного строя. И. А. Иль-

ин отмечал: «...демократически-парламентарный строй медленно, но верно разлагает государственную машину, ослабляет государственную власть, принижает уровень правящей элиты и подрывает государственное единение партийной рознью. Все эти проявления и последствия демократически-парламентарного строя могли быть только вредны для России: они могли развязать центробежные силы в стране, ослабить государственную власть, выслать к жизни неслыханную демагогию, обострить классовую борьбу, создать угрозу гражданской войны и расшатать, ослабить Россию во всех отношениях – национально, хозяйственно, военно» [37, с. 83]. Огромной ошибкой мыслитель считал участие России в войне на стороне Франции и Англии. Европейская война, вызванная противоборством Англии и Германии за мировую гегемонию, была для России чуждой и совершенно не нужной. Участие в мировой войне ничего, кроме потерь, России не обещало. Иван Александрович сделал правильный вывод, что усиление России не входило в планы мировых держав. Он крайне отрицательно оценивал отношение европейских стран к России. Европа не знала и не понимала Россию, ее язык и религию. Запад стремился навредить России, ослабить и оклеветать ее: «Запад интересовался Россией лишь в торговом и военном отношении: да разве еще в смысле возможного расчленения и подчинения ее. Следуя тайным указаниям европейских политических центров... Россия была клеветнически ославлена на весь мир, как “оплот реакции”, гнездо деспотизма и рабства, рассадник антисемитизма, как колосс на глиняных ногах. Движимая враждебными побуждениями, Европа была заинтересована в военном и революционном крушении России и помогала русским революционерам укрывательством, советом и деньгами» [37, с. 84].

К числу внутренних причин революции И. А. Ильин относил:

1. Неподготовленное вступление России в Первую мировую войну. Страна вступила в нее в условиях хозяйственного переустройства, духовного и политического брожения, в эпоху ослабления императорской власти и технической отсталости. Кроме того, неудачное начало войны вызвало всеобщий упадок духа и обострило духовный и политический кризис в стране.

2. Духовный кризис. Он выразился в том, что в русском духовном характере не оказалось надлежащей религиозной укорененности, чувства собственного достоинства, волевой самодисциплины, отчетливого национального самосознания.

3. Утрата православной церковью своей независимости от государства. И. А. Ильин писал: «Это отразилось и на ее самосознании (она привыкла служить правительству и не дерзать самостоятельно вести народ к Богу), и на ее строении (назначение, отрыв от верующих, ослабление приходской жизни), и на ее воспитывающей силе, и на свободе, и на авторитетности ее суждений» [37, с. 85].

4. Экономическая причина. Сущность ее состояла в том, что в России не сложился и не окреп средний класс, составляющий оплот правопорядка, правосознания, частной инициативы, патриотизма, семьи. В крестьянской душе не было утверждено начало частной собственности, а именно это начало воспитывает народ к хозяйственной инициативе, к самостоятельности, к элементарной порядочности, к борьбе за родину. Крестьянство, по мнению И. А. Ильина, находилось во власти количественного аграрного психоза. Оно видело спасение не в интенсификации земли, а в разделе земли помещиков. Он считал, что крестьянам просто не хватило выдержки дожидаться мирного разрешения аграрного вопроса: «Помещичьи хозяйства, поскольку они были нежизнеспособны, таяли и скупались крестьянами при содействии государства. Перед самым началом революции крестьяне составляли около 80 % населения страны. И вот, 79 % земель сельскохозяйственного назначения принадлежало трудовому крестьянству, и только 21 % этих земель можно было причислить к «капиталистическому землевладению» [37, с. 84]. Мыслитель был убежден, что если бы удалось реализовать в течение 20 лет аграрную реформу П. А. Столыпина, то зажиточное крестьянство, вышедшее из общины, в союзе с окрепшим средним классом сумело бы отстоять Россию от соблазнов социализма.

5. Колоссальную ответственность за постигшую Россию катастрофу несла российская западническая интеллигенция, представлявшая собой результат европейского политического «просвещения». И. А. Ильин критиковал ее за маниловскую мечтательность, непатриотичность, доктринерство, политический максимализм, западное рассудочничество, безбожие, безответственность, революционность, социальный утопизм. Либеральная интеллигенция «верила» в демократию, не понимая, что демократический строй не для всех народов приемлем и что он сам переживает на Западе серьезный кризис. Мыслитель также критиковал интеллигенцию за тяготение к всевозможным «интерна-

ционалам», безразличное, холодное отношение к своей родине, недооценку глубины духовного творчества. По его мнению, интеллигенция так и не стала элитой общества. И. А. Ильин писал, что: «Она не понимала, что ведущий слой должен давать народу творческую идею, волевою энергиею, воспитание характера...» [38, с. 81].

6. Одной из важных причин революции была слабость императорской династии. Силу династии уже поколебали дворцовые перевороты. Дворяне стремились навязать трону свою волю и свой классовый интерес. Многочисленные покушения на представителей Дома Романовых, в частности, на Александра II, Александра III и поток угроз в отношении последнего императора Николая II – «...все это глубоко оскорбляло русскую императорскую власть, колебало ее веру в свое призвание, подрывало в ней волю к власти, расшатывало ее водительную силу. Вокруг трона все время подогревалась и сгущалась атмосфера политиканствующего недоверия; в либерально-радикальных кругах царил клеветы и разливалось злорадство... После военных неудач 1915 года это настроение стало принимать формы социальной изоляции и подготовки дворцового переворота. Монархический строй заживо разлагался. В членах династии угасла воля к трону и воля к власти. И все закончилось отречением и неискупимым мученичеством» [37, с. 85].

Точка зрения И. А. Ильина относительно вредительских целей политики Англии в отношении России совпадает с мыслями видного российского консерватора Петра Николаевича Дурново (1842–1915) – министра внутренних дел в 1905–1906 гг., лидера правой группировки Государственного Совета в 1908–1915 гг. В феврале 1914 г. он подал царю записку о внешней политике: «Это была смелая попытка побудить Николая II изменить внешнеполитическую ориентацию с Англии на Германию и тем самым предотвратить участие России в катастрофической мировой войне» [15, с. 294]. П. Н. Дурново подверг резкой критике внешнюю политику Николая II, противопоставляя ей внешнюю политику Александра III. Последняя характеризовалась добрососедскими отношениями с Германией и оборонительным союзом с Францией: «Благодаря этой конъюнктуре, в течение целого ряда лет мир между великими державами не нарушался, несмотря на обилие в Европе горючего материала» [15, с. 294]. П. Н. Дурново считал большим прочетом внешней политики Николая II русско-японскую войну. Он полагал, что интересы России на Дальнем Востоке вполне совместимы

с интересами Японии. При этом России не нужны ни Корея, ни Порт-Артур. Интересно, что во время войны благожелательный нейтралитет по отношению к Японии соблюдали Англия и США, а в отношении России нейтралитет соблюдали Германия и Франция. Именно здесь была основа для налаживания отношений Франции и Германии при посредничестве России. Однако российская дипломатия совершила крутой поворот и встала на путь сближения с Англией. Никаких выгод от союза с Англией Россия не получила ни в Персии, ни в Тибете, ни в Маньчжурии. П. Н. Дурново предупреждал Николая II, что русско-английское сближение приведет Россию к войне с Германией, главная тяжесть войны ляжет на Россию: «Роль тарана, пробивающего самую толщу немецкой обороны, достанется нам, а между тем несколько факторов будет против нас» [112, с. 297]. Война приведет к неисчислимым жертвам, огромным военным расходам, которые неспособна будет вынести Россия. Англичане при этом будут продолжать вести двойную игру: натравливать против России мусульман в Персии, Афганистане, Кавказе, поддерживать польский и финский национализм. П. Н. Дурново отмечал, что жизненные интересы России и Германии нигде не сталкивались. Война между Россией и Германией была нежелательна с точки зрения ослабления консервативного и монархического начала. Также он старался доказать, что она противоречит экономическим интересам России и Германии: «Германия являлась важнейшим, крупнейшим торговым партнером России... Россия вывозила, в основном, продукцию сельского хозяйства. В среднем, за три года перед войной в Германию отправлялось 52, 7 % общего экспорта хлеба... На втором месте был лес. В 1907–1913 гг. в Германию было экспортировано 90 % сосновых и еловых бревен, вывозимых Россией... На долю России приходилось 19 % всей продукции машиностроения Германии – станки для обработки металлов и древесины, машины для бумажной промышленности... Накануне войны Россия вывозила из Германии более 50 % простых и 20 % сложных сельскохозяйственных машин и орудий» [112, с. 289].

П. Н. Дурново сделал вывод, что никаких выгод Россия, даже в случае победы над Германией, не получит. Присоединение к России Восточной Пруссии, населенной поляками и немцами, лишь усилит центробежные тенденции. Галиция с ее украинским национализмом также России была не нужна. Сомневался Петр Николаевич и в обе-

щанном англичанами предоставлении для России выхода через Черноморские проливы. Для английского флота не составит никакого труда их быстро заблокировать. Стратегическое значение черноморских проливов он отрицал. Таким образом, английская ориентация нашей внешней политики была глубоко ошибочна. Он определял политику Англии по отношению к русским интересам на Балканах, в Персии, Тибете как откровенно враждебную. Петр Николаевич пророчески предвидел, что в случае мировой войны главная тяжесть войны выпадет на Россию и в случае поражения начнутся революционные выступления, аграрные и военные беспорядки. Страна будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой будет трудно предвидеть: «Но в случае неудачи, возможность которой при борьбе с таким противником, как Германия, нельзя не предвидеть, – социальная революция, в самых крайних ее проявлениях, у нас неизбежна. Как уже сказано, начнется с того, что все неудачи будут приписаны правительству. В законодательных учреждениях начнется яростная кампания против него... в стране начнутся революционные выступления... Побежденная армия, лишившаяся к тому же за время войны наиболее надежного кадрового своего состава, охваченная в большей части стихийно общим крестьянским стремлением к земле, окажется слишком деморализованною, чтобы послужить оплотом законности и порядка.. Законодательные учреждения и лишённые действительного авторитета в глазах народа оппозиционно-интеллигентские партии будут не в силах сдерживать расхолодившиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддаётся даже предвидению» [112, с. 308]. Записка никакого значения не имела. К сожалению, прогноз подтвердился. Николай II не прислушался к этому блестящему анализу.

В документах и письмах, датированных январем-февралем 1917 г., одной из главных причин приближающейся революции указывается острый продовольственный и транспортный кризис, вызванный отсутствием ремонта техники и сильными морозами. Так, в письме С. Ястребцова к митрополиту Петроградскому Владимиру от 12 января 1917 г. сообщается об остром продовольственном кризисе: «В Москве переживается острый кризис с ржаной и пшеничной мукой. С раннего утра народ стоит громадной вереницей, дожидаясь выпечки черного и белого хлеба и, к великой досаде, часто не получает ни того, ни дру-

гого. Озлобление заметно растет, и неизвестно, чем все кончится» (Выписка из письма С. Ястребцова, Москва, 12 января 1917 г., к митрополиту Владимиру в Петроград. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1068. Л. 90). М. Иванов из Иркутска в письме члену Государственной Думы П. Н. Милюкову 26 января 1917 г. обращает внимание на транспортный коллапс и отсутствие вывоза запасов продовольствия из Сибири: «В Сибири... закуплено до 16 миллионов пудов мяса и несколько тысяч пудов рыбы, но до сих пор не вывезено ни пуда ни того ни другого... Все говорят здесь, что это делается нарочно, чтобы расстроить тыл и оставить армию и крупные города без мяса и рыбы, и тем вызвать бунт и явную помощь немцам. Вагоны и паровозы почти не ремонтируются, и скоро они совсем откажутся работать... Вообще, расстройство транспорта усиливается» (Выписка из заказного письма М. Иванова, Иркутск, 26 января 1917 г., к члену Государственной Думы П. Н. Милюкову в Петроград. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1069. Л. 181а). Следующей причиной революции следует выделить неэффективное государственное управление. Начинаясь февральская смута парализовала государственное управление не только на государственном, но и губернском уровне. С этой точки зрения большой интерес представляет письмо Тульского губернатора А. Тройницкого Н. Е. Тройницкой в Петроград. Письмо датировано 6 февраля 1917 г.: «Наступили такие тяжкие времена, что не знаю, как и справиться. С продовольствием очень плохо, ничего не подвозят, всюду хвосты. Кончилось тем, что Оружейный завод 3 февраля забастовал и был закрыт, а рабочих с семьями до 100 000 человек, т. е. половина всего населения Тулы... Теперь сижу как на вулкане и рассылаю людей по всей губернии за хлебом. Очень тяжелое положение. 8-го должен открыться завод, но не знаю, что из этого выйдет... Морозы стоят сильные, и это, быть может, охлаждает пыл некоторых, но подвоз продовольствия очень тяжел – снежные метели» (Выписка из письма Тульского губернатора А. Тройницкого, Тула, 6 февраля 1917 г., к ее высокопревосходительству Н. Е. Тройницкой в Петроград. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1070. Л. 33).

В других письмах говорилось о страшном недовольстве правительством, радикальных настроениях в армии, дороговизне, алчности и бессовестности спекулянтов, разрухе, смуте в мыслях и шатаниях. Даже династия Романовых оказалась расколотой. Еще одной причиной Февральской революции 1917 г. стала оппозиционная царскому

режиму деятельность либеральных и социалистических политических партий. Следует отметить, что свой вклад в расшатывание политической ситуации внесли и депутаты крайне правых в Государственной думе IV созыва. Их фракция оказалась расколотой и слабой. А. А. Иванов, в качестве примера глубокого раскола среди фракции правых в Государственной думе IV созыва, привел речь В. М. Пуришкевича 19 ноября 1916 г.: «Кроме обвинения министров в карьеризме, личных амбициях и бездарности, Пуришкевич не преминул воспользоваться приемом Милюкова, намекнув на возможную измену. Главными бедствиями России Пуришкевич назвал бессмысленную цензуру, паралич власти, симптомы торжества германофильских идей среди правительства, полную неизвестность будущего» [35, с. 131]. В. М. Пуришкевич перешел черту, критикуя связь царской семьи с Распутиным: «Если вы верноподданные... ступайте туда, в Царскую Ставку, киньтесь в ноги Государю и просите царя позволить раскрыть глаза на ужасную действительность, просите Царя избавить Россию от Распутина и распутинцев больших и малых» [99, с. 468], это выступление вызвало в Государственной думе крайне негативную реакцию. Так, П. М. Вишняков в письме Пуришкевичу 17 февраля 1917 г. писал: «Будучи отличным защитником монархической власти, Вы, однако, самым беззастенчивым образом дискредитируете действия нашей монархической власти, расшатываете понятия о власти вообще, уничтожаете всякую дисциплину в народе... Вы хотите переменить всю административную Россию, прогнать всех чиновников и заменить их новыми. Если Вас не удовлетворяют наши министры внутренних дел, то почему бы Вам самим не предложить себя в таковые. Но разве Вы пойдете на это... Берясь за чтение Ваших речей, знаете ли чего прежде всего от них ждешь? Каких-нибудь сплетен... Вот на что размениваете Вы Ваш дар слова» [98, с. 453].

Кадеты давно и упорно стремились к власти, но, как отмечали современники, не пользовались поддержкой народа. Член Государственной думы IV созыва, протоиерей В. И. Лентовский в письме от 28 января 1917 г. протоиерею А. А. Двинянинову, критикуя кадетов, выразил оптимистический взгляд, что революцию удастся предотвратить: «Революцию хотят развить желтоблочники; ею пугают нас... Но слишком велика рознь между кадетами и народом. Кадеты – против правительства, чтобы им дали власть; народ требует твердой власти,

т. е. за правительство. Пушечного мяса мало; студенты, курсистки наполовину за серьезной работой. Некому строить каверзы. Что шумят? Пусть шумят. Т. е. в общем – пасмурно, но опасаться крайностей – не след. Попытаются повторить 1905–1906 гг., но и только. Меры приняты» (Выписка из письма члена Государственной думы В. И. Лентовского, Петроград, 28 января 1917 г. к протоиерею А. А. Двинянинову в Глазов Вятской губернии. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1069. Л. 191а).

Другие представители духовенства не были так оптимистичны. Член Государственной думы священник Рудич в письме иеромонаху Рудичу в Сергиев Посад 14 февраля 1917 г. писал: «...разгон Государственной думы неизбежен; когда он будет – это вопрос нескольких дней... Эта Государственная Дума не желает с нами идти, она добивается парламентаризма, но на это мы не пойдем, так как эта форма правления для нас неприемлема... Неужели нам придется пережить революцию?» (Выписка из письма члена Государственной думы священника Рудича, Петроград, 14 февраля 1917 г., к иеромонаху Рудичу в Сергиев Посад Московской губернии. ГА РФ. Ф. 102, Оп. 265. Д. 1070. Л. 58).

Сторонники консервативных взглядов также были обеспокоены ситуацией в России. Профессор Константин Иванович Арабажин в письме к М. Н. Ясинскому в Киев 28 января 1917 г. жалуется на отсутствие в стране патриотической печати: «Гибнет Россия. В Петрограде нет ни одного органа, который бы отстаивал интересы русского народа. Над мозгом русского народа чернильная клетка газет инородческого союза» (Выписка из письма профессора К. А. Арабажина, Петроград, 28 января 1917 г., к М. Н. Ясинскому в Киев. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1069. Л. 194).

События 27 февраля 1917 г. подробно описал один из руководителей кадетской партии Владимир Андреевич Оболенский (1869–1950). В годы Первой мировой войны он занимался организацией санитарных поездов, а также помощи беженцам. С 1920 г. находился в эмиграции. Для него день 27 февраля запомнился как сумбурный, состоящий из разрозненных неплановых эпизодов. Получив известие о роспуске Государственной думы, он отправился через весь город в Таврический дворец. Город запомнился ему сочетанием различных картин: на Садовой улице спокойно работали магазины, рынки, на которых покупатели спокойно обсуждали с продавцами домашние дела

и смеялись. Выйдя на Невский проспект, Оболенский попал в другую обстановку: «...я очутился среди возбужденной толпы идущих во всех направлениях людей. То там, то сям толпа останавливается и сбивается в кучу; кто-то влезает на тумбу и производит речь; толпа слушает, кричит «ура» и дальше двигается неизвестно зачем, пока еще какой-нибудь оратор не задержит ее поток» [121, с. 15]. На других улицах слышатся крики толпы, выстрелы. В Таврическом дворце Владимира Андреевича застала иная картина: «...здесь кажется необыкновенно тихо. Депутаты с расстроенными и испуганными лицами ходят взад и вперед по залу и тихо разговаривают... Там, на улицах, восставшие солдаты без всякого руководства и бушующие толпы народа, а здесь – снующие, как тени, депутаты и их бесконечно совещающиеся лидеры... Революция никем не возглавляется» [121, с. 15]. Оболенский прекрасно понимал, что Государственной думе, созданной из умеренных элементов, было сложно возглавить революцию и сформировать революционное правительство.

Еще одной интересной темой в рамках изучения Февральской революции является выяснение позиции православного духовенства, Священного Синода в отношении крушения монархической государственности и прихода к власти Временного правительства. Изучая опубликованные документы по этой теме, можно прийти к следующим выводам: церковные иерархи на редкость спокойно отнеслись к отречению Николая II и с легкостью присягнули на верность Временному правительству. Уже 6 марта 1917 г. появилось определение Священного Синода № 1207 «Об обнародовании в православных храмах актов 2 и 3 марта 1917 г.». Руководители Священного Синода, выслушав акты об отречении Николая II и об отказе Михаила Александровича от восприятия Верховной власти, приказали объявить их в храмах «...с совершением молебствия Господу Богу об утишении страстей, с возглашением многолетия Богохранимой Державе Российской и Благоверному Временному Правительству...» [127, с. 23]. 9 марта 1917 г. Священный Синод обнародовал послание «К верным чадам Православной церкви». В нем население призывали довериться Временному правительству: «Временное правительство вступило в управление страной в тяжкую историческую минуту... Ради многих жертв, принесенных для завоевания гражданской свободы, ради спасения ваших собственных семейств, ради счастья Родины оставьте в это ве-

ликое историческое время всякие распри и несогласия, объединитесь в братской любви на благо России, доверьтесь Временному Правительству, все вместе и каждый в отдельности приложите все усилия, чтобы трудами и подвигами, молитвами и повинованием облегчить ему великое дело водворения новых начал государственной жизни и общим разумом вывести Россию на путь истинной свободы, счастья и славы» [127, с. 32]. М. А. Бабкин сделал вывод, что Священный Синод повелел народу присягать Временному правительству до того, как призвал ему повиноваться. Еще одним интересным документом, где оценивается старый порядок, является определение Священного Синода № 1893 «О содействии со стороны духовного ведомства успешному распространению «Займа свободы 1917 года». В первом приложении: «В поучении с церковного амвона о «Займе свободы» говорилось о том, что старое правительство довело Россию до гибели, лишило ее хлеба, снарядов: «И произошло это потому, что при старой власти не готовилось снарядов, выдавались планы немцам, предавались русские люди. Нельзя перечислить всех тех действий, которые претерпела Россия из-за этих негодных людей. И вот народ восстал за правду, за Россию, свергнул старую власть, которую Бог через народ покарал за все ее тяжкие и великие грехи. Учредительное Собрание, которое изберет весь народ, установит новую форму правления, при которой будут решены все важные задачи, устранено все то зло, которое еще осталось у нас от старого строя» [127, с. 40].

Положительное отношение к Временному правительству во многом было связано с тем, что в условиях провозглашенного им курса на демократизацию всех сторон жизни, высшие церковные иерархи обратили внимание на необходимость изменений всех сторон церковной жизни. Они приветствовали политическую амнистию, восстановили в священном сане священнослужителей, лишенных сана за политические убеждения (Определение Святого Синода № 2458 от 28 апреля 1917 г.), обратились 29 апреля 1917 г. с посланием Святого Синода о необходимости созыва Всероссийского Поместного собора для изменения тех порядков, которые уже отжили свое время. Речь шла о избрании Патриарха Московского и Всея Руси. Эти положительные моменты перевешивали в тот момент опасения, что либеральное Временное правительство пойдет в церковном вопросе по пути западных демократий, т. е. отделения церкви от государства и образования.

Как же запомнились февральские дни 1917 г. современникам? Февральская революция застала Ивана Лукьяновича Солоневича в Петрограде. В революции он не принимал участия, оставаясь пассивным наблюдателем. Нил Никандров (наст. имя – Константин Николаевич Сапожников – журналист, писатель, публицист) отмечал: «Размышления Солоневича о революции сконцентрированы, в основном, в его статьях цикла «Великая фальшивка Февраля» и в книге «Диктатура слоя», написанных уже в эмиграции. По оценке писателя, было много причин, которые привели в Февральской революции, однако той роковой искрой, вызвавшей протесты жителей Петербурга, стали хлебные очереди. Женщины, в основном фабричные работницы, после бесплодного ожидания хлеба стали грабить продовольственные лавки, перегораживать улицы, обвинять власть во всех смертных грехах. Бунт стремительно разрастался, подпитываясь негативной энергией толпы. Толпы громили магазины, оружейные лавки. Начались грабежи квартир. Солоневич вспоминал, что в первый же день беспорядков к нему на квартиру вошли несколько человек – «зловещих людей» с обыском. Солоневич показал им студенческий билет. Люди из банды обшарили ящики комода. И, не найдя ничего ценного, удалились. Иван Лукьянович вспоминал революционные дни – 27–28 февраля 1917 г. со страхом: «По описанию Солоневича, то, что творилось в Петербурге, действительно внушало страх. За представителями «царского режима» велась остервенелая охота. Особым жестокостям подвергались городовые и полицейские чиновники, которых подозревали в засадах, стрельбе из пушек и пулеметов по гражданскому населению и прочих преступлениях, хотя в большинстве случаев беззакония творились именно «зловещими людьми». Они сожгли уголовный суд и его архив» [86, с. 42–43].

Один из основоположников русской социологии Пителир Александрович Сорокин (1889–1968) в 1924 г. опубликовал в Нью-Йорке работу «Бойня: революция 1917 года». До революции 1917 г. П. А. Сорокин был преподавателем, оппозиционно настроенным к царской власти. После увиденного во время революционных событий ужаса он диаметрально поменял свои взгляды. Пителир Александрович отмечал, что в каждой революции прослеживаются три фазы. Для начальной фазы характерна радость освобождения населения от тирании старого режима и ожидания обещанных реформ. Правительство в этот период гуманно, его политика мягка и нерешительна. В то же время

попустительство преступникам приводит к тому, что в народе начинает «просыпаться зверь». Вторая фаза революции – деструктивная. П. А. Сорокин так ее характеризует: «Великая революция превращается в ужасающий шквал, неразборчиво сметающий все на своем пути. Она безжалостно искореняет не только обветшавшие, но и все еще жизнеспособные институты и ценности общества, тем самым уничтожая не только свой век и политическую элиту старого режима, но и множество творческих лиц и групп» [137]. Революционное правительство начинает насильственно создавать новые порядки. На третьей фазе революционная власть уже укореняется и начинает проводить более обдуманную политику. В 1917 г. П. А. Сорокин наблюдал своими глазами две фазы революции. День 27 февраля 1917 г. запомнился ему огромными толпами возбужденных людей – солдат, рабочих, женщин на улицах, горящих полицейских участков, судов: «Внезапно на Литейном проспекте я увидел пожар. Великолепное здание Окружного суда сверкало огнями... Можно было видеть, как горят другие правительственные дома и среди них полицейские участки. Однако и не предпринимались попытки прекратить пожары. В огневых отблесках лица прохожих и зевак выглядели демонически; они ликовали, смеялись и танцевали. Повсюду валялись нагромождения резных российских двуглавых орлов, эти имперские эмблемы срывались со зданий и подбрасывались в костры под аплодисменты толпы. Старый режим исчезал в пепле и никто не горевал по этому поводу. Никого не заботило, что огонь может переброситься на частные дома... Лес рубят – щепки летят» [137, с. 223]. В отблесках пламени толпы солдат и зевак грабили винные магазины. Никто не старался им помешать. На следующий день анархия и хаос усилились. Автомашин с вооруженными солдатами носились по городу в поисках контрреволюционеров и жандармов. П. А. Сорокин пришел в Государственную думу, где стал свидетелем одного ужасного события: «...в Думу ворвался один офицер и прокричал: “Офицеры Балтийского флота умерщвлены солдатами и матросами...” – Я похолодел от ужаса. Воистину было полным безумием ожидать бескровной революции» [137, с. 227]. С этого времени он стал бояться экстремистов и психологии толпы, для которой был характерен не только звериный инстинкт, но и глупость.

В современном исследовании, посвященном революции и гражданской войне в России, были приведены следующие цифры: «...в на-

ибо более острой форме революция протекала в столице Империи – Петрограде, где в февральско-мартовские дни погибли и были ранены не менее 1, 5 тысяч человек. Первыми жертвами обезумевшей толпы стали представители правопорядка и члены их семей, офицеры, видные чиновники-монархисты» [115, с. 12]. На Балтийском флоте трагические события начались с убийства 28 марта 1917 г. командира крейсера «Аврора» капитана 1-го ранга М. И. Никольского. В Кронштадте толпа матросов и солдат убила главного командира Кронштадтского порта адмирала Р. Н. фон Вирена, а труп бросила в овраг: «За несколько дней собственными матросами только на одной Балтике было уничтожено такое количество офицеров, которое равнялось половине от погибших на всех театрах войны с 1914 по 1917 г. ...» [115, с. 9]. П. А. Сорокин обращает внимание на то, что Февральская революция разнуздала самые жестокие инстинкты, отринула нравственные и правовые нормы, способствовала грабежу и паразитизму. Рабочие вместо работы на заводах большую часть времени проводили на политических митингах, солдаты отказывались идти на фронт под предлогом защиты революционного Петрограда: «Именно в эти дни поступала информация о крестьянских захватах частных усадеб, грабежах и поджогах. На улицах можно было встретить пьяных солдат, непристойно ругающихся и горланящих: «Да здравствует свобода! Раз свобода, то все дозволено!» [137, с. 229]. Повальная анархия и вседозволенность низших классов населения совершенно совпадает с воспоминаниями Василия Васильевича Татарина (1864–1931), Каширского уездного предводителя дворянства в 1917 г., впоследствии эмигрировавшего во Францию. Революция ему запомнилась несколькими вещами: во-первых, никто не пожелал выступить в защиту правительства, никто не сожалел о его падении; во-вторых, на местах сразу исчезли все общественные течения правее кадетов, в том числе монархисты-консерваторы; в третьих, в городе началось господство толпы. По ее требованию из тюрьмы были освобождены все заключенные, в том числе и за уголовные преступления: «Толпа наглядно почувствовала свою силу и полное бессилие властей. Всякое требование ее, даже неразумное и бесцельное, исполнялось беспрекословно и без малейшего промедления. Управления властей больше не существовало. Распоряжаться мог всякий, кто хотел и как хотел» [121, с. 38]. Татарин считал, что в свершившейся революции были виноваты и представители старого, цар-

ского правительства, которые не могли остановить революцию, и нового, Временного правительства, не подготовленного к принятию власти, поэтому не удержавшего ее в определенных границах, исключаящих анархию, самосуд, произвол, беззаконие. Для Василия Васильевича было очевидно, что самые разрушительные последствия революция произвела в сознании многомиллионной массы крестьянства: «Всякий мужик, не исключая и самого глупого, прекрасно понимал, что значило жить под царем. Жить под царем значило: подати платить, воинскую повинность отбывать, властям повиноваться, чужого не брать. Все это могло ему нравиться или не нравиться, но все было ясно. Оставшись без царя во главе управления, мужик остался без царя в голове. Все вопросы религии, нравственности, семьи, собственности, государства были поставлены перед ним сразу и без всякой предварительной подготовки. Нужно ли удивляться, что он запутался в них, как в темном лесу... Не было возможности остановить его внимание на каком-нибудь одном предмете, ограничить обсуждение какими-либо рамками. Всякий разговор заканчивался классическими словами: “довольно вы нашей кровушки попили” и сводился на нет» [121, с. 38].

Бывший царский офицер Б. А. Энгельгарт (1877–1962) также отметил в своих воспоминаниях быстрое изменение настроения крестьян. Уже летом 1917 г. в деревнях появились банды разбойников, занимающихся грабежом помещичьих усадеб, среди которых были и зажиточные крестьяне. Он описывает интересный эпизод, связанный с вывозом спирта с помещичьего заводика. Крестьяне, узнав о предстоящем вывозе спирта, решили этому воспрепятствовать: «Поначалу спокойное настроение крестьян становилось все более и более возбужденным. Все громче раздавались, с одной стороны, недовольства предстоящей операцией, а с другой – требования взять ее в свои руки» [121, с. 131]. В результате Энгельгарту пришлось вылить запасы спирта, стоившие 10–12 тысяч рублей золотом, в озеро. Еще при Временном правительстве крестьяне захватили кирпич на принадлежащем Борису Александровичу кирпичном заводе и увезли его. Они также самовольно совершали массовые вырубki леса. Уже тогда он почувствовал себя осколком старого мира. Но наиболее тяжелое время наступило для Энгельгарта с приходом к власти большевиков. Уже в декабре 1917 г. представителями советской власти был описан скот, инвентарь и все наличное зерно в амбаре. Новая власть отняла землю,

разделив ее на мелкие участки. Борису Александровичу было жалко заложенного в имение труда: «Теперь мне казалось, что с уходом моим от дела все с любовью налаженное мной развалится, земля будет разбита на мелкие участки, породистые коровы, высокие удои которых поддерживались правильным уходом и обильным кормлением, разойдутся по рукам и утратят свои превосходные качества, и мой восьми-десятилетний труд пропадет даром» [121, с. 133]. Однако разрушение высокопродуктивных помещичьих имений было только одной строной медали. Трагедией революции было еще и то, что были уничтожены усадебные дома – хранители культурной жизни многих поколений: «Приходилось покинуть наш большой дом... Портреты предков в напудренных париках, старинный фарфор на стенах, ряды старых и современных фотографий, библиотека с книгами 18-го века в старинных кожаных переплетах со всеми русскими классиками 19-го века, с полным комплектом «Отечественных записок», передового журнала семидесятых годов... – все говорило о культурной жизни нескольких поколений» [120, с. 134]. Еще одни очень интересные воспоминания оставил после себя дворянин, морской офицер, земский начальник 2-го участка Пронского уезда Рязанской губернии Евгений Евгеньевич Драшусов (1885–1969). Он также пишет о быстро менявшемся поведении крестьян. В марте 1917 г., через две недели после отречения царя, он поехал в свое имение Юраково в Рязанской губернии, где жили его родители и две сестры. Приехав в имение, Евгений решил созвать крестьянский сход: «Не без волнения я начал с ними беседу. Это все еще были те же хорошо знакомые мне мужики... Но головы уже не обнажились при появлении барина, как велось это встарь, и вместо прежних, лукаво-просительных и дружелюбно-покорных глаз в меня пристально впились сотни дерзко-любопытных взоров, таящих за собой какую-то неприязненную решимость» [121, с. 259]. Драшусов предложил крестьянам взять в аренду по выгодной цене пахотные земли, луговой покос, купить по дешевой цене лошадей. Благодаря этому, ему удалось на время успокоить крестьян. Крайне неблагоприятное впечатление на Евгения Евгеньевича произвела процедура покупки крестьянами лошадей. Они переругались и чуть не передрались между собой: «Большинство крестьян оказались, конечно, безденежными, и много лошадей пошло в кредит под туманные, хотя и многословные обещания скорой уплаты. Тяжело было

видеть картину этого полуразрушения, зловеще предваряющую грядущее разграбление и погром. Пустели конные двory и замирала издавна налаженная жизнь, бывшая полным импульсом жизнь усадьбы; чувствовалось, что смертный приговор уже произнесен» [121, с. 259]. Урегулировав на некоторое время отношения с крестьянами, Евгений уехал в Петроград. Приехав в имение через несколько месяцев, он не узнал крестьян. Они перешли к прямым поджогам. С плохо скрываемым злорадством смотрели на сожженные помещичьи поля и риги. Драшусов был вынужден распродать остатки скота, инвентаря и имущества усадьбы крестьянам: «Одновременно с торжищем в усадьбе заколачивались ставнями окна дома. Постепенно, гвоздь за гвоздем, забивалась крышка гроба, где хранился весь вековой уклад нашей жизни, а вместе с ним и частица всей ломающейся и гибнущей исторической жизни России» [121, с. 268]. С каждым днем настроение крестьян приобретало все более враждебный характер. Доброжелатели из крестьян советовали своим бывшим помещикам поскорее уехать, намекая на то, что они могут быть заживо сожженными в своем доме. Собрав урожай, семья Драшусова сумела добраться до Рязани, где у них была своя квартира. Через некоторое время Евгений Евгеньевич эмигрировал в Бельгию, где и прожил до 1969 г.

Заключение

Повседневная жизнь людей в эпоху великих потрясений – радикальных реформ, революций, войн – всегда вызывала интерес исследователей. В последнее время появилось много статей, книг, посвященных изучению российской повседневности. Именно во времена таких событий человек чувствует себя неуютно и старается донести эти ощущения до потомков в своих дневниках, воспоминаниях, письмах, других исторических источниках.

Следует заметить, что, несмотря на обилие публикаций по теме повседневности, практически отсутствуют работы, где переломные события российской истории оценивались бы с точки зрения консерваторов.

В монографии рассматриваются консервативные оценки российской повседневности второй половины XIX – начала XX вв. Хронологические рамки исследования охватывают период от Великих реформ Александра II до свержения монархии в 1917 г. Это было переломное время для страны. Россия в эпоху Александра II встала на путь ускоренной модернизации. Были проведены давно назревшие и важные для страны реформы: крестьянская, судебная, земская, университетская, военная. Они же и породили целый ряд проблем и противоречий.

Российские консерваторы – защитники самодержавной монархии, привилегий дворянства и традиционных устоев общества – остро реагировали на изменения в общественной и политической жизни. Среди них было много публицистов – В. П. Мещерский, М. Н. Катков, Л. А. Тихомиров, М. О. Меньшиков, прекрасно видевших и знавших жизнь различных сословий, от аристократии до беднейшего крестьянства.

В монографии используются воспоминания и дневники Л. А. Тихомирова, бывшего народовольца, ставшего одним из теоретиков монархизма, автора книги «Монархическая государственность», публицистика М. Н. Каткова, К. Н. Леонтьева, дневники и статьи М. О. Меньшикова, материалы из фондов ГА РФ и ОРГБ.

Консерваторы чувствовали, что привычный для них старый мир уходит в прошлое. Наиболее яркое отношение к этому мы видим в воспоминаниях князя В. П. Мещерского. В них противопоставляется старое доброе николаевское время бурному и непредсказуемому времени

Александра II. В. П. Мещерский, идеализировавший отношения между помещиками и крепостными, сожалел, что Великие реформы начались с критики царствования Николая I. Явления нигилизма, распространившиеся в 1870-х гг., он связывал с отсутствием властных людей в государственном управлении.

Консерваторы В. П. Мещерский и К. П. Победоносцев критиковали дряблость власти, неспособную противостоять революционерам и либералам. Читая статьи и письма К. Н. Леонтьева, Л. А. Тихомирова, В. П. Мещерского, трудно избавиться от ощущения их пессимистического настроения в отношении будущего монархической государственности в России и Православной церкви.

Правильно отмечают историки, например, В. В. Шелохаев, что либеральные реформы Александра II запустили процесс разрушения традиционной России, создали новые социально-политические силы, борющиеся за власть и собственность.

Понимали ли сами консерваторы неизбежность краха монархической государственности? Очевидно, что да. В частности, В. П. Мещерский очень рано осознал, что, запустив либеральные реформы, Александр II породил буржуазию и пролетариат – классы, ставшие могильщиками традиционной монархической государственности. Он видел в финансистах и либеральных чиновниках сторонников борьбы за конституцию, гражданские и политические свободы. При этом дворянство перестало быть надежной опорой трона, стремительно утраивало свою политическую, экономическую и интеллектуальную роль.

Консерваторы не хотели таких перемен, но они неизбежно наступали. Сам процесс развития капитализма приводил к этому. Они видели процессы урбанизации, пролетаризации, усиление влияния средств массовой информации на общественное сознание, причем большинство газет и журналов разделяли либеральные убеждения.

Таким образом, можно сделать вывод, что сохранение неограниченной самодержавной власти уже не соответствовало интересам общества, находящегося в стадии капиталистической модернизации. Но не все консерваторы осознали это даже и в начале XX в. Речь идет о крайне правых, общественной организацией которых был СРН под руководством А. И. Дубровина. Вплоть до Первой мировой войны они продолжали отстаивать незыблемость и нерушимость самодержавной

власти, первенствующую роль в России Православной веры, идею национального неравноправия.

Консерваторы ясно видели в повседневной жизни отрицательные последствия реформ Александра II. Особенной их критике подвергались судебная, земская реформы и университетский устав 1863 г. Они справедливо отмечали недостатки гласности, суда присяжных, часто оправдывавших террористов. Их также не устраивало то, что земства представляли собой, как они писали, «государство в государстве». Не устраивало их, в частности, В. П. Мещерского, умаление, как они полагали, интересов дворянства, лишение их права суда равной сословности, а также права не служить в армии, согласно жалованной Грамоте Екатерины II 1785 г. Принятый в 1874 г. манифест о всеобщей воинской обязанности распространил ее на все категории населения, и в том числе на дворянство. Критикуя этот манифест, В. П. Мещерский отмечал, что дворяне всегда добросовестно служили государству на офицерских должностях.

Особенно консерваторов тревожил процесс обнищания, оскудения дворянства, продажа дворянами своих имений финансистам, купцам, богатым крестьянам. Кроме того, консерваторы стали явно проигрывать либералам на информационном поле из-за отсутствия у них финансовых возможностей и продуктивных идей, способных привлечь общество.

Меры, предлагаемые ими для корректировки последствий либеральных реформ императора Александра II, включали в себя следующие положения: всемерная, и прежде всего материальная, поддержка дворянства, укрепление властной вертикали, организация контроля над земствами (земства должны заниматься сугубо экономическими вопросами). Для улучшения материального благополучия дворянства был предложен целый комплекс мер: дешевые кредиты, снижение тарифов на перевозку по железной дороге сельскохозяйственной продукции, льготы для дворян-помещиков.

Консерваторы старались ограничить общественную активность, инициативу. Они полагали, что инициатива в проведении реформ должна исходить только от верховной власти.

Для усиления борьбы с революционным движением консерваторами было предложено увеличить количество церковно-приходских школ, а также число религиозных предметов в системе светского

государственного образования. Особенно на этом настаивал обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев. В области высшего образования консерваторы выступали за отмену статей Устава 1863 г. о выборности ректора, профессоров, за ужесточение контроля над участвующими в беспорядках студентами. Участвующих в беспорядках предлагалось отчислять из университета на срок от одного года до трех лет. Были также предложения сдавать бунтующих студентов в солдаты.

В правление Александра III удалось укрепить государственную власть, разгромить народническое движение. Но «подморозка» России в политической сфере, к которой призывал К. Н. Леонтьев, дала лишь временный эффект. В это же время процесс либерализации экономики шел полным ходом. В 1892 г. министром финансов стал С. Ю. Витте. Убежденный либерал, он проводил политику насаждения промышленности, главными элементами которой были: 1) жесткая налоговая политика; 2) винная монополия 1894 г.; 3) финансовая реформа 1897 г.; 4) массовое железнодорожное строительство; 5) активное привлечение иностранного капитала.

Создавалась парадоксальная ситуация: государственная власть провозглашала политику национального, самобытного пути развития, но при этом все больше впадала в зависимость от иностранного капитала. Эта зависимость еще больше усилилась в правление Николая II. Ученые приводят следующие цифры: 77 % судостроения, 80 % добычи нефти, 90 % платины контролировались иностранными финансистами. С точки зрения Александра III и Николая II, это не угрожало суверенитету России. Но на деле финансовые займы от Франции привели к зависимости в военной сфере. Выделяя кредиты, французские власти требовали строительства железных дорог, имеющих стратегическое значение для переброски русских войск к германской границе. В начале Первой мировой войны французский посол М. Палеолог настаивал на быстрой мобилизации русских войск и начале военных действий против Германии. В планах Англии и Франции России отводилась роль парового катка.

Среди русских консерваторов были здравомыслящие люди, например, П. Н. Дурново. Незадолго до начала Первой мировой войны он подготовил записку для Николая II. Обладая даром предвиденья, П. Н. Дурново отмечал, что между Россией и Германией нет никаких противоречий. Страны связывали теснейшие экономические, дина-

стические и культурные связи. Он правильно полагал, что никаких выгод от войны с Германией Россия не получит. Предполагаемые территориальные приобретения в Восточной Пруссии и Галиции не окупят затраты, и вообще России не нужны.

П. Н. Дурново писал, что война с Германией – сильным противником – чревата своей непредсказуемостью. Результатом военных действий может стать революционная ситуация в стране и свержение монархии. К сожалению, Николай II не прислушался к его мнению.

В монографии рассмотрены представления консерваторов о повседневной жизни России в эпоху Первой русской революции 1905–1907 гг. Приводится переписка Николая II с Д. Ф. Треповым и Ф. В. Дубасовым, оценки революционных событий очевидцами – М. О. Меншиковым, П. А. Столыпиным, И. Л. Солоневичем, И. А. Ильиным, представителями духовенства. Анализируются программные материалы оппозиционных царскому режиму революционных партий.

После подавления революции начинается последний период жизни империи (1906–1917 гг.). Интерес представляет изучение процесса формирования и деятельности Государственной думы, многоликость российской многопартийности, реализации аграрной реформы П. А. Столыпина. В монографии прослеживается эволюция отношений консерваторов к проблеме народного представительства, оценка других политических партий. Историки оценивают развитие России в этом периоде как крайне противоречивое. С одной стороны, были достигнуты высокие темпы роста в промышленности, с другой – индустриальные успехи слабо отражались на повышении жизненного уровня быстро растущего сельского населения России. Политические, экономические, национальные и геополитические противоречия только обострялись. Модернизация обострила имущественное неравенство, расслоение элиты и подчиненных классов (крестьян, рабочих). Неприятная ситуация сложилась в аграрной сфере. В начале XX в. 30 % были безземельными. К этому следует добавить отсталую агротехнику и самые низкие урожаи зерновых в Европе. По такому показателю, как потребление хлеба на душу населения, Россия также занимала одно из последних мест в Европе.

Отдельно нужно сказать и о поведении многомиллионного крестьянства. Беда русского крестьянина, как справедливо отметил известный русский философ И. А. Ильин, состояла в его изувеченном пра-

восознании, отсутствии уважения к закону, праву частной собственности. Вина за это лежала на царской власти. Слишком поздно государственная власть начала реформы в области экономики, образования. В годы как Первой русской революции, так и Февральской, крестьяне стремились освободиться от государственных податей и захватить помещичьи земли.

Другими проблемами России были нерешенные национальные проблемы, а также крайне низкий, по сравнению со странами Западной Европы, уровень грамотности населения. Модернизация в России не привела к созданию гражданского общества, правового государства и рыночной экономики, а только лишь к появлению в составе населения значительных групп правых и левых радикалов, представляющих угрозу для существования империи.

Нельзя сказать, что консерваторы не видели этих противоречий. В статьях консервативного журналиста М. О. Меньшикова главными темами были: нехватка для крестьян земли, хлеба и чистой воды, осуждение спаивания народа, борьба за увеличение ассигнований на здравоохранение и улучшение народной гигиены, резкое увеличение ассигнований на нужды народного образования. Он приветствовал аграрную реформу П. А. Столыпина и создание народного представительства.

После Первой русской революции в России появились консерваторы, сочетавшие в своем мировоззрении либеральные и консервативные идеи. К ним можно отнести П. А. Столыпина, П. Б. Струве и С. Л. Франка. П. А. Столыпин, в идеологии которого сочетались либеральные и консервативные идеи, понимал необходимость комплексного, целостного решения имперских противоречий. Его план реформ, нацеленных на перспективу, был рассчитан на 20 лет покоя, внутреннего и внешнего. Петр Аркадьевич пытался совместить сильную государственность с идеями укорененности личной свободы. Он выступал за сословное национальное равноправие, предоставление евреям равных политических и гражданских прав. Премьер-министр также считал необходимым обеспечить свободу вероисповедания народам, населяющим империю.

После Первой русской революции случается острая полемика между консерваторами по вопросам о правах и полномочиях монархической власти после манифеста от 17 октября 1905 г. Главным становится вопрос о ее взаимоотношениях с Государственной думой. Ряд

консерваторов – П. А. Столыпин, М. О. Меньшиков, Л. А. Тихомиров – признали необходимость создания народного представительства. Правда, М. О. Меньшиков и Л. А. Тихомиров считали, что его нужно было избирать от корпораций.

Однако не все консерваторы разделяли эти взгляды. Так лидер СРН А. И. Дубровин, не приняв идею ограничения власти народным представительством, отстаивал незыблемость и нерушимость самодержавной власти. В монографии рассматриваются программные положения крайне правой партии «Союз русского народа», доказывается вывод, что ее идеология представляла собой тупиковый путь развития отечественного консерватизма. Это подтверждают и выводы других ученых. Так, если в 1907 г. СРН имел по стране около 400 отделений с общим числом членов до 400 тысяч человек, то к 1916 г. их численность сократилась до 45 тысяч человек. Это является ярким свидетельством падения популярности крайне правых консерваторов.

Среди ярких представителей церковного консерватизма выделялся отец Иоанн Кронштадтский. Много сделавший для благотворительности, он с большими переживаниями встретил революционные события 1905 г. С горечью писал, что царство русское шатается, колеблется и близко к падению. Причины такого положения он видел в распространении атеизма, отходе интеллигенции от Православной веры. Иоанну Кронштадтскому было очевидно, что Российская империя движется к своему краху. Во многом это было связано с личностью последнего монарха. С годами менялось отношение консерваторов к Николаю II. С каждым годом росло разочарование. Консерваторы рассматривали его как правителя, не сумевшего, в отличие от отца Александра III, создать единой правительственной команды с четкими целями. Также отмечалась противоречивость, непоследовательность его политики, совершенно ненужное для России вмешательство во внешние войны, например, в русско-японскую войну 1904–1905 гг.

Следует отметить, что российские консерваторы были сторонниками проведения мирной внешней политики. Они призывали Николая II последовать примеру своего отца, не ввязываться в международные конфликты. Можно вспомнить записку Дурново об опасностях для России войны с Германией. П. А. Столыпин, М. О. Меньшиков, И. Л. Солоневич также считали рискованным для России участие в мировых войнах.

Консерваторы в своих дневниках, воспоминаниях, публицистике поднимали вопрос об оценке правящего слоя Российской империи. Они обращали внимание на его гнилость, продажность, космополитизм. Многие из чиновников разделяли либеральные убеждения и делом содействовали свержению царя. В качестве яркого приверженца конституции они выделяли С. Ю. Витте. В дневниках, воспоминаниях консерваторов, комментирующих события Февральской революции 1917 г., много было написано о слабости Николая II, его предательстве института монархии и дела монархистов. Особенно ясно это видно в дневнике М. О. Меньшикова. Он прямо писал о Николае II как о правителе, без боя сдавшем свой трон.

Российские ученые А. Н. Боханов и С. А. Экштут сделали вывод о неизбежном крахе монархической государственности в марте 1917 г. Не случайно одна из последних книг С. А. Экштута, опубликованная в 2018 г., называлась: «Империи последние мгновенья: театр марионеток в 16 картинках с прологом и эпилогом». С. А. Экштут писал, что за долгие десятилетия в России сформировалась мощная традиция радикализма, в формирование которой внесли свой вклад разночинцы и интеллигенция, призывавшая к свержению монархии. Но они не предполагали, чем обернется свержение монархии. Это дело закончилось красным и белым террором.

Конечно, крах Российской империи был, по-видимому, неизбежен, как падение Римской или Византийской империй. К марту 1917 г. расколы в среде консерваторов усилились, монархическая идея исчерпала себя. Монархический идеал стремительно растворялся в общественном сознании. Ряды сторонников монархии таяли, как снег на ярком солнце.

Отчасти в этом ослаблении консервативного движения была виновата и сама монархическая власть. Так, во время премьерства П. А. Столыпина, отрицательно относящегося к СРН, движение крайне правых было расколото. Вообще, к моменту Февральской революции 1917 г. были расколоты не только консерваторы, но и другие силы – династия Романовых, генералитет, высшие иерархи Православной церкви.

В лагере консерваторов не стало сильных фигур, способных влиять на общественное мнение. Старые консерваторы – Л. А. Тихомиров, А. И. Дубровин, М. О. Меньшиков – были деморализованы. Итогом стало то, что после отречения Николая II от престола 2 марта

1917 г., не было ни одной манифестации в его защиту. Никто не почувствовал бывшему императору. Л. А. Тихомиров и М. О. Меньшиков в своих дневниках только запечатлели события Февральской революции 1917 г. При прочтении возникают чувства растерянности, паники, отчаянья и полнейшей безысходности, охватившие авторов. Они не могли понять, что делать, как и на что жить дальше, как содержать семьи, где найти кусок хлеба, когда деньги конфискованы или обесценились из-за инфляции. М. О. Меньшиков приветствовал продвижение немецких войск к Петрограду, надеясь, что таким образом установится хоть какая-нибудь сильная власть. Консерваторы совершенно оправданно начинают бояться за свою жизнь, за жизнь своих детей и близких. Особенно четко это прослеживается в записях М. О. Меньшикова и Л. А. Тихомирова. Действительно, судьба многих консерваторов после февраля 1917 г. была трагичной. Л. А. Тихомиров и В. В. Розанов умерли в нищете. Некоторые из них, например, А. И. Дубровин, были арестованы Временным правительством. Другие, как М. О. Меньшиков, потеряли работу и средства к существованию. Правда, расправилось с ними не Временное правительство, а большевистская власть. В 1918 г. чекистами по обвинению в черносотенстве был расстрелян М. О. Меньшиков. В 1921 г. такая же участь постигла и А. И. Дубровина.

Крах дореволюционного консерватизма, и в этом мы можем согласиться с А. В. Репниковым, был вызван тем, что государственная власть не всегда прислушивалась к советам консерваторов-творцов. Многие правильные предложения, например, М. О. Меньшикова о серьезном улучшении жизни крестьян, ускоренном развитии образования, борьбе с пьянством и большой младенческой смертностью не были приняты.

Таким образом, консервативные представления о жизни России в эпоху радикальных реформ и революционных перемен представляют собой важный исторический источник, позволяющий понять эволюцию государственной власти от самодержавной к думской монархии, политику власти в области образования, судопроизводства, методы решения крестьянского, национального, религиозного вопросов.

Конечно, со свержением монархии консервативные мыслители не исчезли. После прихода большевиков к власти в октябре 1917 г. появляются новые консервативные мыслители – И. А. Ильин, И. Л. Солоневич, В. В. Шульгин, – переосмыслившие причины революции

1917 г. Они стали выступать за восстановление уничтоженной русской государственности, в защиту Православной веры и русской национальной культуры, многовековой истории. Не предрекая будущую форму правления, они выступали за восстановление сильной национальной государственной власти, многовариантность форм собственности, создание рыночной экономики. Консерватизм русского зарубежья внес большой вклад в сокровищницу отечественной общественно-политической мысли. В новых исторических условиях, вне родины, были разработаны конституции будущей России, принципы воспитания российских граждан и сформирована экономическая модель новой жизни.

Библиографический список

1. *Абелинскас, Э. Ю.* Консерватизм как мировоззрение и политическая идеология: опыт обоснования / Э. Ю. Абелинскас. Екатеринбург: Изд-во Урал. отд-ние Рос. акад. наук, 1999. 100 с. Текст: непосредственный.
2. *Августейшие сестры милосердия* / сост. Н. К. Зверева. Москва: Вече, 2006. 464 с. Текст: непосредственный.
3. *Аверьянов, В. В.* Империя и воля. Догнать самих себя / В. В. Аверьянов. Москва: Изборский клуб, 2014. 384 с. Текст: непосредственный.
4. *Александр III* / сост. И. Е. Барыкина, В. Г. Чернуха. Санкт-Петербург: Изд-во Пушкинского фонда, 2019. 624 с. Текст: непосредственный.
5. *Александр III.* Воспоминания. Дневники. Письма / сост. В. Г. Чернуха. Санкт-Петербург: Изд-во Пушкинского фонда, 2001. 400 с. Текст: непосредственный.
6. *Бакунин, М. А.* Философия. Социология. Политика / М. А. Бакунин. Москва: Правда, 1989. 622 с. Текст: непосредственный.
7. *Балуев, Б. П.* Споры о судьбах. Н. Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа» / Б. П. Балуев. Тверь: Булат, 2001. 414 с. Текст: непосредственный.
8. *Безгин, В. Б.* Повседневный мир русской крестьянки периода поздней империи / В. Б. Безгин. Москва: Ломоносов, 2017. 248 с. Текст: непосредственный.
9. *Беловинский, Л. В.* Жизнь русского обывателя: Изба и хоромы / Л. В. Беловинский. Москва: Кучково поле, 2012. 400 с. Текст: непосредственный.
10. *Беловинский, Л. В.* Жизнь русского обывателя: На шумных улицах градских / Л. В. Беловинский. Москва: Кучково поле, 2012. 456 с. Текст: непосредственный.
11. *Беловинский, Л. В.* Жизнь русского обывателя: От дворца до острога / Л. В. Беловинский. Москва: Кучково поле, 2014. 560 с. Текст: непосредственный.
12. *Берберова, Н. Н.* Люди и ложи / Н. Н. Берберова. Харьков: Прогресс-Традиция, 1997. 397 с. Текст: непосредственный.
13. *Бёрк, Э.* Размышления о революции во Франции / Э. Бёрк, Текст: непосредственный // Социс. 1991. № 6. С. 137–141.

14. *Борисюк, А. А.* История России, которую приказали забыть. Николай II и его время / А. А. Борисюк. Москва: Изд-во М. Б. Смоленна (ФИБ), 2017. 232 с. Текст: непосредственный.
15. *Бородин, А. П.* Петр Николаевич Дурново. Русский Нострадамус / А. П. Бородин. Москва: Алгоритм, 2013. 448 с. Текст: непосредственный.
16. *Боханов, А. Н.* Император Александр III / А. Н. Боханов. Москва: Русское слово, 1998. 512 с. Текст: непосредственный.
17. *Боханов, А. Н.* Император Александр III и императрица Мария Федоровна. Переписка. 1884–1894 годы / А. Н. Боханов, Ю. В. Кудрина. Москва: Русское слово, 2001. 352 с. Текст: непосредственный.
18. *Боханов, А. Н.* Николай II / А. Н. Боханов. Москва: Русское слово, 1998. 568 с. Текст: непосредственный.
19. *Верт, Н.* История советского государства (1900–1991) / Н. Верт. Москва: Прогресс-Академия, 1992. 480 с. Текст: непосредственный.
20. *Витте, С. Ю.* Избранные воспоминания. 1849–1911 гг. / С. Ю. Витте. Москва: Мысль, 1991. 781 с. Текст: непосредственный.
21. *Власть* и общество в Первой российской революции 1905–1907 гг.: документальные свидетельства / сост. А. П. Ненарокова. Москва: РОССПЭН, 2017. 462 с. Текст: непосредственный.
22. *Власть* и реформы. От самодержавной к Советской России: монография / Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин, В. М. Панеях; под ред. Б. В. Ананьича. Москва: Экслибрис, 2006. 734 с. Текст: непосредственный.
23. *Воинство* Святого Георгия. Жизнеописания русских монархистов начала XX века / сост. и ред. А. Д. Степанов, А. А. Иванов. Санкт-Петербург: Царское дело, 2006. 807 с. Текст: непосредственный.
24. *Волков, С. В.* Трагедия русского офицерства / С. В. Волков. Москва. Центрполиграф, 2002. 307 с. Текст: непосредственный.
25. *Воронин, В. Е.* Царь-богатырь / В. Е. Воронин. Текст: непосредственный // Историк. 2019. № 11 (59). С. 7–15.
26. *Грингмут, В. А.* Объединяйтесь, люди русские / В. А. Грингмут. Москва: Изд-во Ин-та русской цивилизации, 2008. 544 с. Текст: непосредственный.
27. *Гришин, Д. Б.* Трагическая судьба Великого князя / Д. Б. Гришин. Москва: Вече, 2006. 304 с. Текст: непосредственный.

28. *Гросул, В. Я.* Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / В. Я. Гросул, Г. С. Итенберг, В. А. Твардовская [и др.]. Москва: Прогресс-Традиция, 2000. 440 с. Текст: непосредственный.
29. *Данилевский, Н. Я.* Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. Москва: Книга, 1991. 574 с. Текст: непосредственный.
30. *Данилов, Ю. Н.* На пути к крушению / Ю. Н. Данилов. Москва: XXI век-согласие, 2000. 400 с. Текст: непосредственный.
31. *Дневник Л. А. Тихомирова. 1915–1917* / сост. А. В. Репников. Москва: РОССПЭН, 2008. 440 с. Текст: непосредственный.
32. *Дубровин, А. И.* За родину. Против крамолы / А. И. Дубровин. Москва: Изд-во Ин-та русской цивилизации, 2011. 480 с. Текст: непосредственный.
33. *Жильяр, П.* Император Николай II и его семья / П. Жильяр. Москва: Мада, 1991. 288 с. Текст: непосредственный.
34. *Замостьянов, А. А.* Русский стиль / А. А. Замостьянов. Текст: непосредственный // Историк. 2019. № 11 (59). С. 22–25.
35. *Иванов, А. А.* Последние защитники монархии: Фракция правых IV Государственной думы в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917) / А. А. Иванов. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2006. 208 с. Текст: непосредственный.
36. *Ильин, В. В.* Российская государственность: истоки, традиции, перспективы / В. В. Ильин. Москва: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1997. 384 с. Текст: непосредственный.
37. *Ильин, И. А.* За национальную Россию / И. А. Ильин. Текст: непосредственный // Слово. 1991. № 5. С. 81–86.
38. *Ильин, И. А.* За национальную Россию / И. А. Ильин. Текст: непосредственный // Слово. 1991. № 6. С. 82–87.
39. *К. Леонтьев, наш современник* / сост. Б. Андрианов, Н. Мальчевский. Санкт-Петербург: Изд-во Чернышова, 1993. 464 с. Текст: непосредственный.
40. *Катасонов, В. Ю.* Русская социологическая мысль на рубеже XIX–XX веков. К. Леонтьев, Л. Тихомиров, В. Соловьев, С. Булгаков, С. Шарапов / В. Ю. Катасонов. Москва: Родная страна, 2015. 464 с. Текст: непосредственный.
41. *Катков, М. Н.* Имперское слово / М. Н. Катков. Москва: Москва, 2002. 480 с. Текст: непосредственный.

42. *Керенский, А. Ф.* Россия на историческом повороте: мемуары / А. Ф. Керенский. Москва: Республика, 1997. 384 с. Текст: непосредственный.

43. *Кирьянов, Ю. И.* Правые партии в России. 1911–1917 гг. / Ю. И. Кирьянов. Москва: РОССПЭН, 2001. 464 с. Текст: непосредственный.

44. *Коковцев, В. Н.* Из моего прошлого / В. Н. Коковцев. Москва: Наука, 1992. 440 с. Текст: непосредственный.

45. *Кокошкин, Ф. Ф.* Процесс 169 депутатов Государственной думы: *речь* / Ф. Ф. Кокошкин. Текст: непосредственный // Вестник Партии народной свободы. 1907. № 49. С. 2107–2110.

46. *Конец крепостничества в России (документы, письма, мемуары, статьи)* / сост. В. А. Федоров. Москва: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1994. 527 с. Текст: непосредственный.

47. *Консерватизм.* Энциклопедический словарь по политологии / сост. Ю. И. Аверьянов. Москва: PUBLISHERS, 1993. 431 с. Текст: непосредственный.

48. *Консерватизм и развитие: основы общественного согласия* / под ред. Б. И. Макаренко. Москва: Альпина Паблишер, 2016. 332 с. Текст: непосредственный.

49. *Корольков, А. А.* Пророчества Константина Леонтьева / А. А. Корольков. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 1991. 200 с. Текст: непосредственный.

50. *Котляревский, С. А.* На кого ориентация? / С. А. Котляревский. Текст: непосредственный // Вестник Партии народной свободы. 1907. № 2. С. 79–82.

51. *Котов, А. Э.* «Царский путь» Михаила Каткова: идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860–1890-х годов / А. Э. Котов. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2016. 478 с. Текст: непосредственный.

52. *Кропоткин, П. А.* Хлеб и воля. Современная наука и анархия / П. А. Кропоткин. Москва: Правда, 1990. 638 с. Текст: непосредственный.

53. *Кудрина, Ю. В.* Императрица Мария Федоровна. 1847–1928 гг. / Ю. В. Кудрина. Москва: Белый город, 2000. 288 с. Текст: непосредственный.

54. *Леонтьев, К. Н.* Избранное / К. Н. Леонтьев. Москва: Рарогъ: Московский рабочий, 1993. 400 с. Текст: непосредственный.

55. *Лукьянов, М. Н.* Экстремистская тенденция в российском консерватизме и Первая мировая война / М. Н. Лукьянов. Текст: непосредственный // Власть. 2015. № 4. С. 165–169.

56. *Лурье, Ф. М.* Созидатель разрушения / Ф. М. Лурье. Санкт-Петербург: Петро-Риф, 1994. 416 с. Текст: непосредственный.

57. *Марков, Н. Е.* Войны темных сил. Статьи 1901–1937 / Н. Е. Марков. Москва: Москва, 2002. 521 с. Текст: непосредственный.

58. *Менделеев, Д. И.* Заветные мысли / Д. И. Менделеев. Москва: Мысль, 1995. 413 с. Текст: непосредственный.

59. *Меньшиков, М. О.* Как воскреснет Россия? / М. О. Меньшиков. Санкт-Петербург: Русская симфония, 2007. 672 с. Текст: непосредственный.

60. *Меньшиков, М. О.* Национальная империя / М. О. Меньшиков. Москва: Имперская традиция, 2004. 512 с. Текст: непосредственный.

61. *Меньшиков, М. О.* Письма к русской нации / М. О. Меньшиков. Москва: Москва, 2000. 560 с. Текст: непосредственный.

62. *Мещерский, В. П.* Воспоминания / В. П. Мещерский. Москва: Захаров, 2001. 699 с. Текст: непосредственный.

63. *Мещерский, В. П.* За великую Россию. Против либерализма / сост. Ю. В. Климанов. Москва: Изд-во Ин-та русской цивилизации, 2010. 624 с. Текст: непосредственный.

64. *Мещерский, В. П.* Письма к великому князю Александру Александровичу 1863–1868 / сост. публ., вступ. ст. и коммент. И. В. Черниковой. Москва: Новое литературное обозрение, 2011. 729 с. Текст: непосредственный.

65. *Мещерский, В. П.* Письма к великому князю Александру Александровичу 1869–1878 / сост. публ., вступ. ст. и коммент. И. В. Черниковой. Москва: Новое литературное обозрение, 2014. 698 с. Текст: непосредственный.

66. *Мещерский, В. П.* Письма к императору Александру III. 1891–1894 / публ., предисл. и коммент. Н. В. Черниковой. Москва: Новое литературное обозрение, 2018. 808 с. Текст: непосредственный.

67. *Мещерский, В. П.* Причины нашего кризиса. Заблуждения и надежды заложенного поместного дворянства / В. П. Мещерский. Текст: непосредственный // Гражданин. 1886. № 3. С. 30–35.

68. *Милюков, П. Н.* Воспоминания / П. Н. Милюков. Москва: Политиздат, 1991. 530 с. Текст: непосредственный.

69. *Милюков, П. Н.* Итоги избирательной компании / П. Н. Милюков. Текст: непосредственный // Вестник Партии народной свободы. 1907. № 8. С. 510–514.

70. *Мироненко, С. В.* Страницы тайной истории самодержавия: политическая история России первой четверти XIX столетия / С. В. Мироненко. Москва: Мысль, 1990. 235 с. Текст: непосредственный.

71. *Миронов, Б. Н.* Отчаянное крепостничество / Б. Н. Миронов. Текст: непосредственный // Историк. 2021. № 2 (74). С. 7–13.

72. *Миронов, Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 томах / Б. Н. Миронов. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. 548 с.; Т. 2. 583 с. Текст: непосредственный.

73. *Михаил Осипович Меньшиков: сборник* / сост. А. В. Воронцов. Москва: Русский Мирь, 2018. 800 с. Текст: непосредственный.

74. *Мультатули, П. В.* Внешняя политика Императора Николая II 1894–1917 гг.: этапы, достижения, итоги / П. В. Мультатули. 2-е изд. Москва: Изд-во М. Б. Смолина (ФИБ), 2019. 720 с. Текст: непосредственный.

75. *Мультатули, П. В.* Господь да благословит решение мое... Император Николай II во главе действующей армии и заговор генералов / П. В. Мультатули. Санкт-Петербург: Держава: Сатись, 2002. 350 с. Текст: непосредственный.

76. *Мультатули, П. В.* Забытая война: Россия и Германия в Первой мировой войне. 1914–1918 / П. В. Мультатули. Москва: Борей-Арт, 1998. 162 с. Текст: непосредственный.

77. *Мультатули, П. В.* Строго посещает Господь нас гневом своим... Император Николай II и революция 1906–1907 гг. / П. В. Мультатули. Санкт-Петербург: Держава: Сатись, 2003. 384 с. Текст: непосредственный.

78. *Мясников, А. Л.* Александр III / А. Л. Мясников. Москва: Молодая гвардия, 2016. 566 с. Текст: непосредственный.

79. *Набоков, В.* Текущее положение / В. Набоков. Текст: непосредственный // Вестник Партии народной свободы. 1907. № 1. С. 6–9.

80. *Начапкин, М. Н.* Малоизвестные страницы русского консерватизма. Л. А. Тихомиров: жизнь и мировоззрение: монография / М. Н. Начапкин. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2007. 425 с. Текст: непосредственный.

81. *Начапкин, М. Н.* Охранитель в эпоху модернизации: князь В. П. Мецгерский о последствиях для России либеральных реформ Александра II / М. Н. Начапкин. Текст: непосредственный // Научный диалог. 2019. № 1. С. 245–257.

82. *Начапкин, М. Н.* «Письма к ближним» консервативного публициста М. О. Меньшикова как источник по истории российской повседневности начала XX века / М. Н. Начапкин. Текст: непосредственный // Научный диалог. 2020. № 5. С. 450–464.

83. *Начапкин, М. Н.* Русская революция 1917 г. в оценках российской консервативной мысли первой трети XX в. / М. Н. Начапкин. Текст: непосредственный // Научный диалог. 2016. № 11 (59). С. 278–290.

84. *Начапкин, М. Н.* Русский консерватизм XIX – первой половины XX в. / М. Н. Начапкин. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2002. 206 с. Текст: непосредственный.

85. *Начапкин, М. Н.* Феномен современного российского консерватизма: проблемы изучения и перспективы развития / М. Н. Начапкин. Текст: непосредственный // Научный диалог. 2016. № 7 (55). С. 199–214.

86. *Никандров, Н. Н.* Иван Солоневич: народный монархист / Н. Н. Никандров. Москва: Алгоритм, 2007. 672 с. Текст: непосредственный.

87. *Николай II* в воспоминаниях и свидетельствах / сост. С. В. Завалишин. Москва: Вече, 2008. 352 с. Текст: непосредственный.

88. *Никон (Рождественский).* Православие и грядущие судьбы России / Никон (Рождественский). Москва: Изд-во Ин-та русской цивилизации, 2013. 640 с. Текст: непосредственный.

89. *Новые* русские почтовые марки. Текст: непосредственный // Нива: Товарищество А. Ф. Марксъ. 1913. № 1. С. 20–21.

90. *Нокс Альфред.* Вместе с русской армией. Дневник военного атташе. 1914–1917/А. Нокс. Москва: Центрполиграф, 2014. 671 с. Текст: непосредственный.

91. *Ольга Александровна,* великая княгиня. 25 глав моей жизни / сост. Л. А. Куликовская, П. Э. Куликовский, К. Рот-Николс, С. Вулменз; пер. с англ. под ред. Л. Р. Харитоновна. Москва: Кучково поле, 2021. 328 с. Текст: непосредственный.

92. *Отречение* Николая II: Воспоминания очевидцев, документы / сост. Л. Китаев. Москва: Терра-книжный клуб, 1998. 336 с. Текст: непосредственный.

93. *П. А. Столыпин* / сост. и вступ. коммент. И. Л. Архипова. Санкт-Петербург: Изд-во Пушкинского фонда, 2017. 608 с. Текст: непосредственный.

94. *П. А. Столыпин: Программа реформ. Документы и материалы: в 2 томах* / сост. П. А. Пожигайло. Москва: РОССПЭН, 2003. Т. 1: Документы. 764 с. Текст: непосредственный.

95. *Пайпс, Р.* Российский консерватизм и его критики. Исследование политической культуры / Р. Пайпс. Москва: Новое издательство, 2008. 250 с. Текст: непосредственный.

96. *Пайпс, Р.* Россия при старом режиме / Р. Пайпс. Москва: Независимая газета, 1993. 421 с. Текст: непосредственный.

97. *Пайпс, Р.* Русская революция / Р. Пайпс. Москва: РОССПЭН, 1994. 397 с. Текст: непосредственный.

98. *Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914–1918 гг.: в 4 томах* / отв. ред. В. Н. Журавлев. Москва: Политическая энциклопедия, 2014. Т. 1: Эволюция взглядов. 636 с. Текст: непосредственный.

99. *Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914–1918 гг.: в 4 томах* / отв. ред. А. В. Репников. Москва: Политическая энциклопедия, 2014. Т. 2: Консерваторы: великие разочарования и великие уроки. 652 с. Текст: непосредственный.

100. *Переписка Николая и Александры* / сост. А. Л. Сергеев. Москва: Захаров, 2013. 928 с. Текст: непосредственный.

101. *Петр Столыпин* / сост. Г. И. Лысцов. Москва: Новатор, 1997. 428 с. Текст: непосредственный.

102. *Пирумова, Н. М.* Александр Герцен – революционер, мыслитель, человек / Н. М. Пирумова. Москва: Мысль, 1989. 255 с. Текст: непосредственный.

103. *Платонов, О. А.* Николай II / О. А. Платонов. Санкт-Петербург: Общество Святителя Василия Великого, 1999. 506 с. Текст: непосредственный.

104. *Плеханов, Г. В.* Сочинения / Г. В. Плеханов. Москва; Петроград: Гос. изд-во, 1923. Т. III. 429 с. Текст: непосредственный.

105. *Победоносцев, К. П.* Великая ложь нашего времени / К. П. Победоносцев: Русская книга, 1993. 637 с. Текст: непосредственный.

106. *Победоносцев, К. П.* Сочинения / К. П. Победоносцев. Санкт-Петербург: Наука, 1996. 508 с. Текст: непосредственный.

107. *Победоносцев, К. П.* и его корреспонденты. Воспоминания. Мемуары: в 2 томах. Минск: Харвест, 2003. Т. 1. 448 с. Текст: непосредственный.

108. *Победоносцев, К. П.* и его корреспонденты. Воспоминания. Мемуары: в 2 томах. Минск: Харвест, 2003. Т. 2. 672 с. Текст: непосредственный.

109. *Победоносцев, К. П.* PRO ET CONTRA / К. П. Победоносцев. Санкт-Петербург: Изд-во Рус. христ. гуманитар. акад., 1996. 576 с. Текст: непосредственный.

110. *Полунов, А. Ю.* К. П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России / А. Ю. Полунов. Москва: РОССПЭН, 2010. 374 с. Текст: непосредственный.

111. *Попов, Э. А.* Русский консерватизм: идеология и социально-политическая практика / Э. А. Попов. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. гос. ун-та, 2005. 327 с. Текст: непосредственный.

112. *Пророческое* предвиденье хода истории и мировых войн в аналитических записках государственных и военных деятелей. Москва: АСТ: Астрель, 2011. 377 с. Текст: непосредственный.

113. *Пученков, А. С.* Царь на войне / А. С. Пученков. Текст: непосредственный // Российская история. 2015. № 2. С. 145–151.

114. *Рабкина, Н. А.* Константин Петрович Победоносцев / Н. А. Рабкина. Текст: непосредственный // Вопросы истории. 1995. № 2. С. 58–75.

115. *Революция* и гражданская война в России 1917–1922. Москва: Вече, 2016. 340 с. Текст: непосредственный.

116. *Репников, А. В.* В. С. Христофоров «...как ярый враг большевиков» (из следственного дела В. В. Шульгина) / А. В. Репников. Текст: непосредственный // Россия. 2007. № 5. С. 144–177.

117. *Репников, А. В.* Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX – начало XX веков): монография / А. В. Репников. Москва: Готика, 2006. 424 с. Текст: непосредственный.

118. *Репников, А. В.* Консервативные представления о переустройстве России: монография / А. В. Репников. Москва: Academia, 2007. 520 с. Текст: непосредственный.

119. *Реформы* и контрреформы в России / сост. В. В. Ильин. Москва: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1996. 400 с. Текст: непосредственный.

120. *Романовский* музей в Костроме / Текст: непосредственный // Нива: Товарищество А. Ф. Марксъ. 1913. № 27. С. 533–535.

121. *Россия 1917 года в эго-документах: Воспоминания / сост. Н. В. Суржикова, М. И. Вебер [и др.]; науч. ред. Н. В. Суржикова. Москва: РОССПЭН, 2015. 510 с. Текст: непосредственный.*

122. *Российская повседневность: вторая половина XIX – начала XXI века: учебное пособие / под. ред. Л. И. Семенниковой. Москва: КДУ, 2009. С. 8–9. Текст: непосредственный.*

123. *Российские либералы: сборник статей / под. ред. Б. М. Итенберга, В. В. Шелохаева. Москва: РОССПЭН, 2001. 576 с. Текст: непосредственный.*

124. *Российский архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVII–XX вв.). М. О. Меньшиков. Материалы к биографии. Москва: Студия «Тритэ» – Российский архив, 1993. Вып. IV. 271 с. Текст: непосредственный.*

125. *Российское духовенство и свержение монархии в 1917 г. (Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви) / сост. М. А. Бабкин. Москва: Индрик, 2006. 504 с. Текст: непосредственный.*

126. *Россия в XVII – начале XX в. Региональные аспекты модернизации / отв. ред. И. В. Побережников. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, Институт истории и археологии, 2006. 338 с. Текст: непосредственный.*

127. *Россия: государственные приоритеты и национальные интересы: монография / О. В. Волобуев, А. В. Игнатъев, Л. Н. Нежинский, С. С. Секирский [и др.]; под ред. О. В. Волобуева. Москва: РОССПЭН, 2000. 399 с. Текст: непосредственный.*

128. *Русакова, О. Ф. Радикализм в России и современном мире: вопросы типологии / О. Ф. Русакова. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. сельхоз. акад, 2001. 245 с. Текст: непосредственный.*

129. *Русская доктрина / под. ред. А. Б. Кобякова, В. В. Аверьянова. Москва: Изд-во Ин-та русской цивилизации, 2016. 1056 с. Текст: непосредственный.*

130. *Русские цари. 1547–1917. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. 576 с. Текст: непосредственный.*

131. *Святой праведный Иоанн Кронштадтский / сост. Г. И. Лысцов. Москва: Новатор, 1998. Текст: непосредственный.*

132. *Соловьев, К. А. Самодержавие и конституция: политическая повседневность в России в 1906–1917 годах / К. А. Соловьев. Москва: Новое литературное обозрение, 2019. 352 с. Текст: непосредственный.*

133. *Солоневич, И. Л.* Великая фальшивка февраля / И. Л. Солоневич. Москва: Алгоритм, 2007. 304 с. Текст: непосредственный.
134. *Солоневич, И. Л.* Народная монархия / И. Л. Солоневич. Минск: Лучи Софии, 1998. 504 с. Текст: непосредственный.
135. *Солоневич, И. Л.* Наша страна. XX век. Москва: Москва, 2001. 448 с. Текст: непосредственный.
136. *Солоневич, И. Л.* Россия в концлагере / И. Л. Солоневич. Москва: Москва, 1999. 560 с. Текст: непосредственный.
137. *Сорокин, П. А.* Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин. Москва: Политиздат, 1992. 543 с. Текст: непосредственный.
138. *Степанов, А. Д.* Черная сотня. Взгляд через столетия / А. Д. Степанов. Санкт-Петербург: Царское дело, 2000. 141 с. Текст: непосредственный.
139. *Столыпин, П. А.* Нам нужна Великая Россия: Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете (1906–1911) / П. А. Столыпин. Москва: Молодая гвардия, 1991. 411 с. Текст: непосредственный.
140. *Струве, П. Б.* О чем ведется тяжба? / П. Б. Струве. Текст: непосредственный // Вестник Партии народной свободы. 1907. № 2. С. 73–76.
141. *Танеева (Вырубова), А. А.* Страницы моей жизни / А. А. Танеева. Санкт-Петербург: Царское дело, 2017. 360 с. Текст: непосредственный.
142. *Тихомиров, Л. А.* Апология Веры и Монархии / Л. А. Тихомиров. Москва: Москва, 1999. 480 с. Текст: непосредственный.
143. *Тихомиров, Л. А.* Критика демократии / Л. А. Тихомиров. Москва: Москва, 1997. 672 с. Текст: непосредственный.
144. *Тихомиров, Л. А.* Монархическая государственность / Л. А. Тихомиров. Санкт-Петербург: Комплект, 1992. 674 с. Текст: непосредственный.
145. *Тихомиров, Л. А.* Руководящие идеи русской жизни / Л. А. Тихомиров. Москва: Изд-во Ин-та русской цивилизации, 2008. 640 с. Текст: непосредственный.
146. *Тихомиров, Л. А.* Тени прошлого: Воспоминания / Л. А. Тихомиров. Москва: Москва, 2000. 720 с. Текст: непосредственный.
147. *Тихомиров, Л. А.* Христианство и политика / Л. А. Тихомиров. Москва; Калуга: Облиздат, 2002. 616 с. Текст: непосредственный.

148. *Торжество милитаризма (политическое обозрение)* / Текст: непосредственный // Нива: Товарищество А. Ф. Марксь. 1913. № 10. С. 198–203.

149. *Тюремная одиссея* Василия Шульгина. Материалы следственного дела и дела заключенного / сост. А. В. Репников, В. С. Христофоров. Москва: Книжица: Русский путь, 2010. 480 с. Текст: непосредственный.

150. *Устав общества под названием «Союз Русского народа»*. Определением Санкт-Петербургского городского головы по делам общественного присутствия от 7 августа 1906 г. Типография Суворина, 1906. 32 с.

151. *Утопический социализм: хрестоматия* / сост. А. И. Володин. Москва: Политиздат, 1982. 512 с. Текст: непосредственный.

152. *Федоров, В. Г.* Петр Столыпин: «Я верю в Россию». Биография П. А. Столыпина: в 2 томах / В. Г. Федоров. Санкт-Петербург: Лимбус Пресс, 2002. Т. 1. 624 с. Текст: непосредственный.

153. *Хереш, Э.* Николай II / Э. Хереш. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. 416 с. Текст: непосредственный.

154. *Царь и Россия: Размышления о Государе Императоре Николае II* / сост. П. Белоусов. Москва: Отчий дом, 2017. 752 с. Текст: непосредственный.

155. *Царь, честный во всем – в малом и большом. Александр III в свидетельствах современников* / сост. В. Петров Москва: Ломоносов, 2019. 240 с. Текст: непосредственный.

156. *Чичерин, Б. Н.* Воспоминания / Б. Н. Чичерин. Москва: АСТ; Минск: Харвест, 2001. 336 с. Текст непосредственный.

157. *Чичерин, Б. Н.* Воспоминания. Русские мемуары. Избранные страницы. (1826–1856) / Б. Н. Чичерин. Москва: Правда, 1990. 733 с. Текст: непосредственный.

158. *Чичерин, Б. Н.* Философия права / Б. Н. Чичерин. Санкт-Петербург: Наука, 1998. 671с. Текст: непосредственный.

159. *Шелохаев, В. В.* Столыпинский тип модернизации / В. В. Шелохаев. Текст: непосредственный // Российская история. 2012. № 2. С. 36–47.

160. *Шингарев, А.* Вне Думы / А. Шингарев. Текст: непосредственный // Вестник Партии народной свободы. 1907. № 23–34. С. 1537–1540.

161. *Шипов, Д. Н.* Воспоминания и думы о пережитом / Д. Н. Шипов. Москва: РОССПЭН, 2007. 679 с. Текст: непосредственный.

162. *Шпицер, С. М.* Русский театр за три века царствования Дома Романовых / С. Шпицер: Текст: непосредственный // Нива: Товарищество А. Ф. Марксъ. 1913. № 8. С. 147–150.

163. *Щербатов, А. Г.* «Обновленная Россия» и другие работы / А. Г. Щербатов. Москва: SRSL: Русская панорама, 2002. 424 с. Текст: непосредственный.

164. *Экштут, С. А.* Империи последние мгновенья: Театр марионеток в 16 картинах с прологом и эпилогом / С. А. Экштут. Текст: непосредственный. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2018. 321 с.

165. *Экштут, С. А.* Россия перед голгофой. Эпоха Великих реформ / С. А. Экштут. Москва: Вече, 2010. 256 с. Текст: непосредственный.

166. *Экштут, С. А.* «Черти, правящие шабаш в болоте спекуляций...» / С. А. Экштут. Текст: непосредственный // Родина. 2017. № 2 (217). С. 19–24.

167. *Эрлихман, В. В.* Хранитель древностей / В. В. Эрлихман. Текст: непосредственный // Историк. 2020. № 11. С. 63.

168. *Якобий, И. П.* Николай II и революция / И. П. Якобий. Москва: Апостол веры, 2018. 521 с. Текст: непосредственный.

169. *Якушкин, В. Е.* К положению земельного вопроса / В. Е. Якушкин. Текст: непосредственный // Вестник Партии народной свободы. 1907. № 7. С. 447.

170. *Янов, А. Л.* Россия против России: очерки русского национализма. 1825–1901 / А. Л. Янов. Новосибирск, 1999. Текст: непосредственный.

171. *Hesking, G.* The Russian Constitutional Experiment and Duma. Камбридж, 1973. Text: print.

172. *Hosking, G. A.* The Russian Constitutional experiment. Government and Duma. 1907–1914 / G. A. Hosking. Cambridge, 1973. Text: print.

173. *Korros, A. S.* A reluctant parliament: Stolypin, nationalism and the politics of the Russian Imperial State Council, 1906–1911 / A. S. Korros. Oxford, 2002. Text: print.

174. *Levin, A.* The Third Duma: Election and profile / A. Levin. Hamden, 1973. Text: print.

175. *Rogger, H.* The Formation of the Russian Right / H. Rogger // California Slavic Studies. 1964. Vol. 3. P. 33. Text: print.

176. *Weislo, F. W.* Reforming rural Russia: State, local society and national politics / F. W. Weislo. Princeton, 1990. Text: print.

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Первая русская революция 1905–1907 гг. в оценке консерваторов.....	4
Глава 2. Особенности развития Российской империи и повседневной жизни в 1906–1914 гг. в оценке консерваторов.....	29
Глава 3. Консерваторы о повседневной жизни России в годы Первой мировой войны	83
Глава 4. Причины и ход Февральской революции 1917 г. глазами консерваторов	133
Заключение	160
Библиографический список.....	170

Научное издание

Начапкин Максим Николаевич

ТРАНСФОРМАЦИЯ
РОССИЙСКОЙ И СОВЕТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – СЕРЕДИНЫ XX вв.
В ОЦЕНКАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ КОНСЕРВАТОРОВ

Монография

Ч. 2

Трансформация российской повседневности
в условиях либерально-консервативной модернизации
(от Первой русской революции 1905–1907 гг.
до Февральской революции 1917 г.)

Редактор В. А. Соловьева
Компьютерная верстка Н. А. Ушениной

Печатается по постановлению
редакционно-издательского совета университета

Подписано в печать 25.10.22. Формат 60×84/16. Бумага для множ. аппаратов.
Печать плоская. Усл. печ. л. 10,9. Уч.-изд. л. 11,0. Тираж 500 экз. Заказ № ____.
Издательство Российского государственного профессионально-педагогического университета. Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11.
